

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 7

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN-13: 978-1723475108

ISBN-10: 1723475106

УДК: 1751

Budapest 2018

Итоги конкурса

Среди авторов данного сборника проходил конкурс на лучшие произведения. Издательство искренне выражает благодарность всем авторам, принявшим участие в данном сборнике. Это было не легко, но редакционным советом издательства выделено трое победителей. Контакты всех наших авторов представлены в конце данного сборника.

1 место: Виниченко Мария Александровна

(творческий псевдоним: Mery Vin)

Дополнительная информация от первого лица:

Виниченко Мария Александровна - ученый, преподаю в отечественных и зарубежных университетах. Автор более 100 научных работ, в том числе монографий и учебников по психологии. Имею несколько экспериментальных площадок, частную практику. По базовому образованию филолог – специалист в области русской и немецкой словесности. Искусствовед, на данный момент занимаюсь классификацией символов творчества современного американского художника Майка Дэвиса.

2 место: Калина Александр Сергеевич

(творческий псевдоним: Мыслитель)

Дополнительная информация от первого лица:

Родился 20 июня 2000 года в станице Каневской Краснодарского края. Будучи годовалым ребенком переехал в Санкт-Петербург, а оттуда, в 14 лет - во Владивосток. Именно в этом городе и началось мое стремление к творчеству. Первые работы не принесли мне должного успеха, из-за чего я старался их совершенствовать, учитывая ошибки и замечания. Основным направлением моих рассказов является реализм, а основным жанром - фантастика.

3 место: Людмила Конакова

Дополнительная информация от первого лица:

Родилась в 1980 году в г.Ульяновске. Творчество перевесило мою основную профессию и год назад начала много писать и издаваться в книгах.

Детские годы провела на родине знаменитого историка Н.М.Карамзина в с.Знаменском, в данный момент село имени Карамзина. Природа, животные и окружающий мир вдохновил спустя многие годы. В памяти остались воспоминания, которые сейчас вливаются в прекрасные строки, рождаются стихи и произведения о той природе, которая существует и есть в этом селе.

Вдохновение черпаю от того, что меня окружает. Во всех вижу только доброе и стараюсь это донести в стихах и произведениях.

Изменить что-то в лучшую сторону может каждый, если начать с себя и идти маленькими шагами к цели, тогда мир станет намного интереснее, добрее и ярче.

Содержание

Mery Vin.....	6
Мыслитель.....	16
Людмила Конакова.....	20
Андрианова Ольга.....	26
Тверитинов Алексей.....	39
Софья Сонецкая.....	51
Валентин Дмитриев 2.....	62
Пикус Светлана.....	69
Ким Барссерг.....	79
Чернова Екатерина.....	114
Ольга Зоммер.....	118
<i>Сборник прозы.....</i>	<i>125</i>

Mery Vin

Предисловие к приключенческому роману

«Выбор за тобой»

«Все мне позволительно, но не все полезно»

(1-е Коринфянам, 6:12)

Нам всегда кажется, что мы держим свою собственную жизнь под контролем. Что все, что в ней происходит, нами отслеживается, а мы – так или иначе – можем корректировать эту действительность. Однако иногда так не происходит.

Я всегда была уверена, что не просто контролирую ситуацию, но еще могу и другим помочь справиться с любыми сложностями.

Так было и в тот раз. Все начиналось банально...

Есть у меня подруга, Лапина, с которой мы дружим еще со студенчества. Нам обеим уже за тридцать, и наша дружба проверена различными жизненными перипетиями. Но мы сумели остаться вдвоем, хотя поначалу нас было четверо. Ну, эта ситуация знакома каждому – не все друзья остаются друзьями после окончания вуза, слишком по-разному складываются судьбы, и не всех друзей может устраивать то, как складывается именно ваша судьба. Житейский опыт.

Моя Лапина после университета работала не совсем по специальности, мы закончили филфак, а она устроилась в паспортный стол вольнонаемным служащим. Потом вышла замуж за военного, родила сына и через 8 лет совместной жизни развелась.

Вот удивительно – столько прожито, а в словах уместилось в одном абзаце!

И вот началась у моей Лапиной новая жизнь. Она - барышня видная, долго одной ей быть не пришлось. Но, как водится, что-то не складывалось. И вот, после очередного такого разрыва, она мне говорит о том, что чего-то хочется особенного, романтического. А в это время как раз был популярным сериал «Дневник вампира», я ей предложила посмотреть. Она стала отказываться, утверждая, что она этого ничего не любит, и не хочет тратить время. Но я ей все же всучила диск. На следующий день она мне звонит на

Mery Vin: *«Все мне позволительно, но не все полезно»*

первой паре, мы обе работаем в университете только в разных структурах, и спрашивает, кого из двух братьев-вампиров я выбираю – светленького или темненького?! Вот в этом и есть вся моя Лапина! Она быстро увлекается, и живет этими чувствами. Причем она в них искренне верит и надеется на то, что все люди должны не просто любить друг друга, но еще и заботиться друг о друге. Я думаю, что таких, как она, – осталось человек восемь на свете, не больше. Поэтому я ее храню и оберегаю как раритет. Тем более, что мы с ней – полные противоположности. Я не умею так, как она, – безоговорочно и безгранично верить и доверять человеку, а Лапина – так живет.

И мне захотелось сделать для нее что-нибудь приятное, я спросила у нее, не будет ли она против, если я напишу про нас книжку. Она с воодушевлением поддержала эту идею, памятуя о том, что на своих лекциях я постоянно привожу студентам примеры именно из ее собственной жизни, превращая ее, Лапину, в демонстрационный материал сухой науки.

Сказано – сделано. Если у меня есть какая-то мысль, то я работаю быстро и с азартом. Так было и в тот раз. Я написала небольшую книжечку про якобы наши приключения, вернее – ее приключения с этой категорией граждан – вампирами, приставив к ней себя как верного компаньона. Чтобы придать особую значимость моменту, я попросила знакомого владельца типографии в Курске сделать мне несколько экземпляров этой рукописи. Однако когда я приехала за готовыми экземплярами, то выяснилось, что он, уезжая в командировку, оставил своим сотрудникам информацию по моему заказу, а они, не ожидая увидеть такой маленький тираж, подумали, что он ошибся, и мне, вместо 12, сделали 112 экземпляров. В общем, жаловаться мне не пришлось: часть раздала знакомым, часть отдала в книжные киоски. Лапина взяла себе много, сказала, что ей надо. Хотя и осталась недовольна тем, что я в книжке про *нее* не называю ее своим именем. В то время как она хотела бы остаться в веках именно Лапиной.

Вот и всё. Казалось бы, история закончилась. Но, как выяснилось позже, не совсем...

С того момента, как книжка была издана прошло почти два года. Все уже и думать про нее забыли. И я в том числе. И вот однажды я прихожу домой, и можете себе представить мое состояние, когда я открываю дверь, а живу я одна, а у меня в квартире люди! Мужчины. В черном. Как в кино. Я в шоке. Их трое. В тот момент мне показалось, что они все были на одно лицо. У меня земля из-под ног ушла.

Mery Vin: *«Все мне позволительно, но не Все полезно»*

Они молчали и смотрели на меня оценивающе. Потом предложили мне пройти и сесть. И это в моем собственном доме! Вот тут я уже не выдержала. Я плохо помню, что именно я говорила, но суть понять немудрено. Мне было сказано, что в таком состоянии со мной разговаривать очень сложно, поэтому они придут ко мне ЗАВТРА! И спокойно, с достоинством все трое ушли.

Не знаю, сколько я простояла в коридоре, но потом все же решила спуститься вниз к консьержу и спросить, что происходит. Дежурила как раз старая вредная тетка Антонина Ивановна, которую мы все звали «КГБ», это было говорящее прозвище – она всегда все про всех знала.

Когда я спросила у нее, кто ко мне приходил, и как она их пропустила ко мне, зная, что меня нет дома, пока предусмотрительно промолчал, что они пробрались в квартиру, КГБ ответила, что ко мне никто не приходил. И более того, меня никто даже сегодня не спрашивал. И сейчас никто не выходил из дома – она только что внимательно изучала график дежурств уборщиц на этот месяц, который висит как раз на входной подъездной двери, никто не мог бы мимо нее проскочить незамеченным. Я продолжала настаивать, возмущаясь, что они забрались в мою квартиру. На что она внимательно посмотрела на меня и сказала, что так много работать вредно, что я слишком уж поздно возвращаюсь с работы домой, и вообще – надо следить за своим самочувствием.

Я была злая, но спорить не стала. Поднялась к себе и позвонила в полицию. Они очень старались, видя мое обеспокоенное состояние, но ничего не обнаружили: следов взлома нет. Я почувствовала в тот момент, что шок становится уже несколько привычным состоянием для моей души за последние 3 часа. По тому, с какой жалостью молодые полицейские на меня смотрели, я поняла, что будет лишним рассказывать им про то, что завтра эти люди придут снова. В общем, я их поблагодарила, извинилась и выпроводила.

Оставшись одна, посидела, подумала, и решив, что чему быть – того не миновать, пошла в душ.

На следующий день я настолько замоталась на работе, что даже и думать забыла про обещанный визит. Только уходя домой и прощаясь с охраной, я вдруг вспомнила о том, что, возможно, меня уже ждут.

Домой я шла гораздо медленнее, чем обычно, все размышляла, что делать. Но потом довела себя до нужной кондиции – разозлилась на эту ситуацию: на консьержа, на этих людей в черном, на полицию и смелее зашагала навстречу неизвестности.

Mery Vin: *«Все мне позволительно, но не Все полезно»*

На самом деле, лучше бы я так не торопилась...

Консержка сказала, что меня не спрашивали. Настроение у меня поднялось, но... меня ждали. В квартире было темно. Еще у дверей я поняла, что в доме кто-то есть. Я дернула за ручку – дверь была открыта. Я зашла, включила свет, заглянула в гостиную, – там уже все были в сборе. Я постаралась держать себя в руках.

– Добрый вечер, господа! – Я всех осмотрела, каждый мне кивнул в ответ, но не ответил. – Не могу сказать, что рада вас видеть. Надеюсь, тот факт, что вы не были приглашены, дает мне право думать, что вы не задержитесь у меня в доме надолго?

Они молча смотрели на меня. Я – на них. Тут один стал со мной разговаривать.

– Мы не будем вам надоедать своим присутствием.

– Отлично. Это как раз то, что я хотела услышать. В чем дело? Кто вы? Что вам нужно? И как, черт побери, вы сюда попадаете в обход консержа?

– Вам не идет так грязно ругаться.

Эта фраза Смелого незнакомца стала красной тряпкой для меня. Но я сдержалась.

– Да что вы, сударь! Если вы не хотите услышать, как я, действительно, грязно ругаюсь, а делаю я это вполне профессионально, образование, знаете ли, подходящее, то лучше вам объясниться. Я жду, – напряженно сказала я.

– Мы все вам объясним. Мы просто хотим знать, откуда у вас эта информация?

У меня как гора с плеч упала! Всего-навсего! Мы уже второй месяц с коллегой из Самары разрабатывали одну проблему, по которой возникало постоянно много вопросов. Это касалось технологий здоровьесбережения в системе образования, мы на этой неделе с ней получили все данные с региональных департаментов образования об инфраструктуре школ наших областей. Я не скажу, что это была секретная информация, но она, действительно, находилась не в широком доступе.

– А почему бы вам не прислать мне официальный запрос по этому поводу?

– Мы у вас спрашиваем лично.

Mery Vin: *«Все мне позволительно, но не Все полезно»*

– Хорошо. Поскольку я не могу позволить себе пользоваться информацией из третьих рук, мне приходится ее получать из достоверных источников, со всеми согласованиями, подписями и печатями. Это наука, господа, а не бульварная пресса. Наши данные – с департаментов образования двух областей, и часть информации из муниципальных школ. Еще вопросы?

– Нас интересует не эта информация, – как-то уж больно терпеливо и протяжно сказал Смелый незнакомец.

– В таком случае будет гораздо проще, если вы озвучите, какая именно информация вас интересует.

– С кем из них вы общаетесь? Или к вам попали какие-то записи, рукописи, документы?

– Это вы о чем?

– Это я о том, что вы написали.

– Послушайте, – я уже начала терять терпение, – я пишу в год до тысячи страниц – это тезисы, статьи, пособия, монографии, рекомендации, программы, сборники научных трудов. Что именно вас интересует из написанного мною?

– Вы еще упустили художественную литературу.

– Какую? Я не пишу художественную литературу! Я, господа, извините, не писатель, я ученый. Поэтому, прошу прощения, но, судя по всему, вы просто ошиблись. Не могли бы вы уйти. Вы меня утомили.

– Как только вы нам скажете, кто вам рассказал то, о чем вы написали, мы тут же уйдем.

– Да что я написала? Покажите мне это, в конце концов?

И тут он вытащил из внутреннего кармана маленькую книжечку с до боли знакомой обложкой. Это была та самая книжка для Лапиной. Я, конечно, знала, что это – не шедевр, но чтобы так меня инквизировать из-за нее!

– И? – спросила я. – Дальше что?

– То, о чем вы писали, кто вам это рассказал?

– Что??? – Моему удивлению и возмущению не было предела. – Что вы сказали? Вы что, издеваетесь? Это выдумка, чтобы сделать приятное подруге.

Mery Vin: *«Все мне позволительно, но не Все полезно»*

Что значит – кто рассказал? А кто *это* вообще может рассказывать??? Вы ее хоть читали? КТО это может рассказать?

– Именно это нас и интересует.

– Да бросьте вы! Кого это вообще может интересовать?

Я поняла, что они – просто больные люди, которые бредят вампирами, а это уже – моя стихия, так что я позволила себе расслабиться. Села на диван и облокотилась на спинку.

– И вы что, только ради этого каким-то нечеловеческим способом проникаете ко мне в квартиру?

– Это серьезный разговор. И мы не хотели бы, чтобы нас кто-то мог услышать, поэтому мы пришли к вам.

– Да? А почему вы меня не пригласили к себе? Или к вам без пропуска и белого халата не пускают?

– Мы всего-навсего хотим знать, кто вам это рассказал.

– А я всего-навсего хочу стать феей. Ну, и дальше что? Как будем помогать друг другу?

– Вы не понимаете всю серьезность ситуации, в которую попали. Это, – он так грозно потряс надо мной моей собственной книжкой, что я прониклась моментом, – прочитали мы. Значит, могут прочитать и они, и он, и другие.

– Так взяли бы и порадовались за меня – такой круг читателей: и вы, и он, и другие – да я просто уже знаменитость. Пора бы подумать о переиздании книжки, раз на нее нашлось столько охотников.

– Это не смешно. Вы ведете себя глупо. И если вы нам не скажете, что все это значит, – он снова потряс в воздухе моей книгой, – то не только вам, но и еще многим грозит опасность.

Меня стала сильно раздражать эта ситуация, и я решила прекратить этот цирк с конями, как говорит моя коллега. Но не тут то было. Они все смотрели на меня как на умалишенную. Я решила не усугублять. Их все же было трое. Я решила им подыграть.

– Вы мне можете толком объяснить, что происходит?

– Да. Вы в опасности.

И тишина.

– Хорошо, - якобы с пониманием ответила я. – А почему?

– Потому что вы скрываете от нас информацию! Кто вам это рассказал?

– Да что именно рассказал-то? В книжке столько страниц! О чем мне кто-то должен был рассказывать? Сориентируйте меня хотя бы по тексту.

– Кто вам рассказал о том, что вы написали? Вы раскрыли часть нашей закрытой информации.

Мне стало не по себе. Страх начал подбираться ко мне медленно, но уверенными шагами.

– А что значит – *нашей* информации?

– Послушайте, хватит прикидываться, время уходит. Вы нам скажете или нет? – И в его голосе появилась угроза.

Я уже не на шутку испугалась. Это были реально больные люди, которые верили в то, что я написала.

– Мне нечего вам сказать, - откровенно ответила я, – мне никто ничего не рассказывал. Я все придумала. Просто так. Села и написала. Нет, ну, кое-что я нашла в Интернете, о чем, собственно, я и не скрывала в тексте, но суть происходящего – это моя выдумка. Это неправда, понимаете? Это когда писатель просто придумывает историю, которая может понравиться читателю. Но ведь это вовсе не значит, что все в этой истории должно было происходить на самом деле! Так не бывает. Это же не научное исследование! Это вымысел!

Повисла тишина.

– Она сказала правду. Она, действительно, ничего не знает.

Эти слова принадлежали кому-то из тех молчаливых двух. Я не заметила, кто из них так храбро за меня заступился.

– Этого не может быть. – Сказал разговорчивый незнакомец. – Ты видел, что там написано!

– Да, и тем не менее. Ей нечем нам помочь. Она не знает то, о чем писала.

– Но так не может быть! – Это уже был голос третьего.

– Может, – это был снова мой заступник. – Просто она каким-то образом может быть связана с этим. Мы должны это выяснить. И использовать ее умение.

Я молчала – когда спорят больные, лучше не присоединяться, они то помиряются потом между собой – они же в одной плоскости, а ты останешься виноватым.

– Значит, так, – снова заговорил Смелый незнакомец, – вы идете с нами. По дороге расскажете, как вы это придумывали.

Я не согласилась.

Они не настаивали.

Они остались.

«Ищите, и найдете» (Матфея 7:7)

Я закончила перечитывать свою же книжку только к рассвету, пытаюсь вспомнить, как мне приходили в голову какие-то мысли. Я ничего не могла вспомнить. А главное, не могла понять, – что именно от меня требуется. Тут не было никакой запретной информации. Только то, что в открытом доступе: про вампиров – классика и Интернет, научные факты – наука, все остальное – просто мой стиль вязания фактов. Я не понимала, что им надо от меня.

Руки затекли, ноги тоже. Хотелось чаю горячего со сливками и спать. Я закрыла глаза и вытянула ноги.

– Вот возьмите, вы, наверное, устали? – Как из тумана пробирается чей-то приятный голос до моего сознания.

Я медленно открыла глаза. Передо мной, как лист перед травой, стоял этот Смелый и держал в руках чашку чая со сливками.

– Вот были бы вы приличным человеком, расцеловала бы, а так – просто скажу – спасибо.

Я села на диване, забралась сначала с ногами на него, и только после этого взяла в руки чашку с чаем.

– А вы считаете, что мы – не люди?

Он стоял надо мной и пытался заглянуть в глаза. Я отпила чайку, это придало мне храбрости. Или, наоборот, отключило здравый ум, до сих пор понять не могу, зачем было провоцировать его на разговор.

Mery Vin: *«Все мне позволительно, но не Все полезно»*

– Да. Считаю. Видите ли, человек, личность – это тот, кто несет ответственность за свои слова, действия в *реальном* мире. А психически больные люди – не могут этого в силу обстоятельств, это не их вина, и не наша. Они не личности в том смысле, в котором мы общаемся друг с другом, они индивидуумы – у них даже есть юридическое ограничение дееспособности. Правда, до сих пор неизвестно, где правильная сторона улицы, – у них или у нас. Но пока факт остается фактом.

– Вы считаете, что мы - психически больные люди.

Он не спрашивал. Он утверждал. Я не стала спорить.

– Да. И находиться рядом с вами – небезопасно.

– Что ж, в принципе, верный подход. О безопасности рядом с нами говорить не приходится.

Я молчала. Мне не нравился ход его мыслей. Я пила чай.

Тут зашел самый Разговорчивый. Смелый отошел в сторону. Разговорчивый спросил у Смелого:

– Она догадалась?

– Нет. Это выше возможности ее понимания.

– Так скажи ей, пусть соображает быстрее. Время уходит.

Разговорчивый резко развернулся и вышел.

– О чем вы мне должны сказать?

– О неприятном. Если вы не ответите на эти вопросы – нам придется сделать вам неприятно.

– Неприятно - это поговорить невежливо или сделать больно?

– Это неприятно. Для меня. Давайте работать.

И Смелый наклонился ко мне за чашкой, чтобы ее забрать. Я покорно ее отдала и снова взяла книгу. Пролистав несколько страниц. Я закрыла ее и в сердцах бросила в угол дивана.

– Это невозможно! Я не знаю, что нужно!

Смелый вернулся с кухни. Сел в кресло.

– Мне кажется, я знаю, как вам будет легче найти ответы. Вы говорили, что не знаете, как вам это все приходило в голову, так?

– Именно! И дальше что?

– Тогда берите ручку и пишите продолжение их приключений. Вот и все. И мы получим то, что ищем.

– Молодец! Справился! Я не могу так работать! Что писать? Что искать? С позиции кого это все делать?

– С позиции вампира, – спокойно ответил Смелый.

– О! – меня уже раздражало любое упоминание этих тварей в моем доме. – Надеюсь, вы хотя бы стрелки меткие в вампиров! Потому что охотники на вампиров из вас - никакие! Раз вы пришли за их поиском ко мне! К абсолютно бестолковому человеку в этом вопросе!

– Что ж, как вам будет угодно. Только мы не охотники на вампиров. Мы – вампиры.

Есть причина, по которой ты выбрал то, что с тобой сейчас происходит. Держись, пройди через это наилучшим образом, и в скором времени ты поймешь эту причину.

Ричард Бах «Бегство от безопасности»

Мыслитель

Город под куполом

В детстве мама рассказывала мне различные истории о храбрых принцах и добрых волшебниках, о невиданных краях, куда не ступала нога человека, о любви и дружбе. Ее голос превращал эти рассказы в реальность, отчего мне казалось, что это я стою на горе и сражаюсь с драконом, чтобы спасти похищенную принцессу, я гуляю среди старых руин и наслаждаюсь звуками природы, я лечу среди облаков и смотрю на мир сверху вниз... Я любил эти истории. Но больше всего мне нравилась история о «Городе под куполом». Когда наступал вечер мы с мамой садились у нашего старого камина, и я всегда просил ее рассказать эту сказку.

В ней рассказывалось о простом городе, расположенном на одном из материков нашей необъятной планеты. В этом городе жили Маленькие люди, такие же люди, как и мы с вами, только они были маленького роста. Они рождались и умирали, учились и работали, отдыхали и мечтали. А самым городом заправляли Большие люди, они были настолько большими, что порой даже не вмещались в своих собственных кабинетах. А Маленькие люди жили ограниченно и слушались их во всем, не смея им перечить. И только Большой человек мог дать право на получение той или иной вещи, в которой нуждался этот Маленький человечек.

Сам город находился под огромным сине-голубым куполом, имитирующим наше небо. Когда наступала ночь, окраска купола сменялась на темную, превращая день в ночь, чтобы не мешать жителям города спать. Никто не знал, что находится за куполом. Одни говорили об огромной пустыне, которая растилась вокруг их купола. Другие – о таких же куполах, как и у них. Версий было множество, но ни одна из них не раскрывала действительности. И тогда жители попросили Больших людей дать им возможность взглянуть на внешний мир. Но они отказали им, рассказав истории о больших и страшных чудовищах, что бродят по той земле, и природной силе, что уничтожает любого, кто решит ступить туда. Маленькие люди испугались и поверили Большим людям, и больше никто не хотел выходить за купол, опасаясь за свою жизнь.

Но жил среди них такой человечек, который не испугался страшных сказок Больших людей. Жил он со своей семьей крайне бедно, но очень берёг и любил своих родных. Этот человечек мечтал о лучшей жизни, но никак не мог себе позволить этого. И тогда у него созрел план: прокопать под куполом тоннель и выйти наружу, чтобы взглянуть на внешний мир. Достав лопату и

Мыслитель: *«Город под куполом»*

уговорив свою семью помочь ему, он добрался до края купола и начал копать. Копал он только по ночам, втайне от Больших людей. Никто не знал о его цели, кроме его родных, которым он доверял.

Много темных ночей сложились в месяц, и Маленький человек все же выкопал тоннель наружу. Но, выйдя туда, он ужаснулся тому, что увидел. Мир перед ним был разрушен, небо заволокло черными тучами, все было в туманах смога, а вокруг купола простилались горы мусора, выбрасываемые из города. Маленький человек не поверил, что он стремился в пустую, что зря копал. Но он решил пойти дальше, осматриваясь по сторонам. И чем дальше он шел, тем сильнее преображалась картина вокруг него: мусор и разрушенные машины были покрыты плющом, небо потихоньку светлело, изредка кое-где появлялись трава, деревья и дикие животные. Маленького человека, с одной стороны, восхищало это изменение, но, с другой пугало неизвестность.

Пройдя еще немного дальше, он вышел на поляну, сильно отличающуюся от прошлого пейзажа. Она была полностью покрыта зеленой травой, солнце ярко светило с неба, на котором не было ни облачка. Маленькому человеку очень понравилось это, что он не мог найти слов. Вдруг, вдалеке он заметил одинокую высокую фигуру, вокруг которой паслось стадо овец. Маленький человек решил подойти к нему и поговорить с ним. Перед ним предстал еще один Большой человек, который подремывал, облокотившись о палку. Маленький человек потряс его за рукав кафтана, от чего тот вздрогнул и проснулся, взглянув на него из-под кустистых бровей. Он улыбнулся ему, что очень удивило Маленького человека, ведь чаще всего он видел угрюмые и злые лица Больших Людей. Поведя за собой стадо, Большой человек пригласил Маленького человечка к себе домой. Там он угостил его чаем и рассказал свою историю.

Раньше это было прекрасное место, но Большие люди начали поглощать ресурсы в огромных количествах, забыв об их ограниченности. Но, когда Мать Природа напомнила им о себе, люди забеспокоились и начали создавать специальный купол, который смог бы защитить их от нее. Этот Большой человек тоже был среди создателей, что стремились себя защитить. Но, даже когда буря стихла, и Земля начала сама себя восстанавливать, Большие люди не хотели уже покидать удобные купола и все больше их укрепляли.

Большой человек рассказал, что даже спустя много лет после успокоения природных сил, Большие люди не захотели выходить из-под

купола, поскольку от этого им было только больше пользы. Им нравилось командовать Маленькими людьми. Они ограничили Маленьких людей во всем: в лекарствах, в еде и воде, в жилищных условиях. Жители города мечтали о лучшей жизни, но не могли себе позволить. А вот Большие люди жили, ни в чем не нуждаясь и не заботясь о том, как живут другие.

Большой человек сказал Маленькому человечку, что все еще можно исправить, если бы только среди таких людей появился тот, кто сможет показать им, что здесь, снаружи, земля жива и что она готова принять их обратно. И ведь даже маленький человек способен стать «большим» в глазах себе подобных.

Маленький человек слушал, не говоря ни слова. Рассказ призвал его к действию, потому что он понял, что теперь он знает всю правду и может помочь другим Маленьким людям. Он спросил совета Большого человека, как освободить других из плена купола. И тот рассказал ему обо всем, что знал. Большой человек передал ему маленький горшочек с красивой фиалкой, выращенной в саду. Поблагодарив, Маленький человек отправился назад к куполу. Когда же он прошел обратно по тоннелю, он направился к жителям, дабы рассказать об увиденном. Сначала люди не поверили ему, но, увидев горшочек в его руках с живым растением, поняли, что тот был за куполом, поскольку никто не видел таких растений уже много лет. Но тут ему рассказали, что после его побега, Большие люди узнали об этом и арестовали всю его семью. Это расстроило Маленького человека, но не сломило. Он передал им все, что ему поведал Большой человек за куполом, и люди решили последовать за ним. И за это его называли Маленьким «Большим» человеком.

Маленький «Большой» человек решил спасти всех жителей города под куполом, и поэтому придумал план: каждый житель втайне от Больших людей будет рассказывать другим о мире снаружи купола. В качестве доказательства они демонстрировали цветок. Вскоре, конечно, это растение начали показывать по телевизору с рассказом того «Большого» человечка, и все больше людей начали примыкать к ним. Большие люди начали побаиваться восстания среди жителей и предприняли попытки подавить его, бросив против них свою армию, но этими солдатами тоже были Маленькие люди, уставшие от гнёта. Они поддерживали других восставших и схватили Больших людей, связав их и бросив в тюрьму. А тот Маленький «Большой» человек освободил свою семью и всех тех, кого несправедливо посадили за решетку. Маленькие люди покинули город под куполом через тоннель. Один за другим они выходили наружу, и каждый из них увидел то, что видел тот Маленький

«Большой» человек. Тогда-то люди и объединились, дабы восстановить все то, что было уничтожено Большими людьми.

Будучи ребенком, я не верил в эту историю, считая ее вымыслом. Но, уже став взрослым, я понял, что все в этой сказке было аналогией нашего мира. Нищета, воровство, обман – эти и другие вещи сейчас можно увидеть невооруженным глазом. И ведь среди нас тоже живут такие Большие и Маленькие люди, и среди них есть те «Большие», которые хотят изменить мир, сделать его лучше. Ведь если мы будем и дальше уничтожать то, что нам дано природой, вскоре и мы с вами будем жить в таком же городе, в каком проживали эти Маленькие люди.

В городе под куполом.

Людмила Конакова

Не падать духом

Жизнь сама по себе необычная и просто так ничего не даётся. Мы проживаем дни, минуты, секунды и не задумываемся, что всё это даётся, чтобы понять смысл того, для чего ты родился, какой след ты должен оставить после себя и какой урок ты получил, пройдя все сложные этапы. Просто никогда не бывает, если всё просто, то значит ты не живёшь, а так существуешь, идёшь по течению, как все. Уметь в жизни найти свой путь и сломить тот поток, который тебя несёт в никуда, а самый сложный и настоящий труд, тот труд над собой, который поможет стать настоящим человеком. Даже в какой-то степени нужно благодарить судьбу, что на каком-то этапе пути стало сложно. Благодаря этому мы подключаем то в своём организме, что до этого не функционировало, наш организм начинает работать в полную силу и в этот момент понимаешь, что сила внутри нас имеет такую волю и выдержку, что мы можем преодолеть все трудности и сложности на своём пути. Уметь бороться, преодолевать все препятствия - это и есть смысл нашей жизни, чтобы постичь самого себя. Не падайте духом, стремитесь, идите маленькими шагами к своей цели и обязательно придёт то время, когда Вы достигните нужного результата.

Плот

Большое озеро, дует тёплый ветерок и по водной глади идёт мелкая рябь. Я стою на берегу и смотрю в даль, солнце играет своими лучами и греет щеки. Стою и жду кого-то и в этот момент я проснулась.

Села на кровать, увидела брата, который только проснулся и сказала ему, что нам нужен плот, мы сегодня будем плавать и я это видела во сне. Мой брат удивился, потому что у него были совсем другие планы и я их нарушила.

Молчание и долгая пауза, но ответ не стал себя долго ждать и всё же брат согласился помочь мне.

Для чего нам нужен был плот, я сама ещё не понимала до конца, но знала, что сон дал мне какой-то намёк и я должна разгадать загадку.

Утро, все только встали, дедушка уехал на работу, бабушка ушла по своим делам. Мы с братом приехали к ним в деревню на летние каникулы.

Мы позавтракали, оделись и вышли во двор. В голове крутились мысли, а из чего нам строить плот? Идей пока никаких не было, но мы прекрасно понимали, что нам нужно дерево или материалы из дерева, но ничего под

рукой мы не нашли. Возникла идея, что что-то должно быть и где-то рядом, где-то вблизи, потому что это был деревенский посёлок и у дедушке с бабушкой есть баня, а топят они её дровами. Мы решили сходить к бане. Самое интересное, что было принято ещё давно строить бани около воды, а у нас рядом с домом текла речка и на берегу стояла старинная баня. Мы любили жаркими вечерами в ней мыться, а потом горячие, распаренные прыгали в речку - это было такое непередаваемое ощущение, что мы это запомнили на всю жизнь.

Мы побежали по травянистой тропинке, собака которые лежала в тени, увидела нас и побежала за нами. Мы смеялись, кричали от радости, что бежим с горы к реке, для нас это было тогда такое счастье, столько эмоции, свободы, а самое главное, что нашей цели никто не мешал. Это был наш маленький мир, который готовил нас к жизни.

Баня были построена очень давно, крыша была покрыта железной черепицей, которую уже давно никто так не покрывает. С годами черепица стала ржавой, но её не красили и когда шёл дождь, то ржавые капли капали с этой крыши на траву. Внутри бани стоял котёл, он был не обычный, я его с детства называла чаном, большим чаном, который не закрывался крышкой. Воду в него носили с реки, старыми кованными ветрами. Одно ведро было на двенадцать литров и ручка у него была завитая, что я всегда её рассматривала. Мы были детьми, но носили воду в баню и это нас даже забавляло. Поднимаешься с речки, польёшь на гору воды, земля намокнет и начинаешь скатываться, как с горки. Вниз съедешь, тело в грязи, а ты смеешься от счастья, что весело так прокатился. Счастливая, беззаботная жизнь, нам казалось тогда, что это самое настоящее счастье для нас, но это действительно так, счастье у каждого своё, а детское счастье - это то, что нас радует - детей.

Скатимся с горки и бежим в реку, где глубже, окунешься, зачерпнешь ведром воду и опять в гору.

Когда чан наполнялся, то нужно было протопить баню, потому что вечером все купались, кто с сенокоса, кто с работы, кто с огорода. Были времена, когда на выходные по двадцать человек по очереди в ней мылись, вот такая большая семья у нас. Самое интересное - это, когда затапливали баню. Так такого дымохода не было, была только дыра или если по-другому сказать отверстие, которое уходило в трубу. Закрывалось - это отверстие какой-то скомканной, сжатой тряпкой, она была такая чёрная от сажи и твердая, что была похожа на уголь. Снизу была топка, ни дверки, ничего такого не было. Дрова просто закладывались и подбирались, дрова - это сухие ветки и то, что принесла река, их распиливали и складывали около бани.

Людмила Конакова: «Плот»

Разжигали кусочком резины, её было много так, как дедушка работал в гараже, на машине и старые лопнувшие камеры привозил домой для растопки бани. Баню называли "по - черному" из-за того, что она сначала вся наполнилась дымом, а потом только через трубу выходил дым. Почему её так построили, для меня всегда было загадкой, но бабушка зимой перед Рождеством коптила в этой бане гусей, а летом у неё их было очень много. Как помню специально привозили дубовые дрова и три дня топили не прерывая эту баню. Запах, когда коптились там гуси въедался в стены и оставался там до лета. Зато какой аромат шёл по всему берегу, когда гуси томились в этой бане. Возможно придумали такое строение бани, для того, чтобы прокормить большие семьи. Когда я была маленькой, то спрашивала своих родителей, дедушку, бабушку, мне ответили, что раньше, когда бабушка с дедушкой были молоды, такие бани были у всех.

Мы с братом обошли баню вокруг и нашли тонкие жерди, которые списали с лесного хозяйства и дед привёз их на растопку. Это было то, что нам нужно. Жерди были тонкие, ровные и длинные, нам нужно было их распилить и связать. Пилы хранились в старом чулане дома, там был ещё амбар, куда ссыпали зерно для домашних птиц, чтобы кормить их зимой. Я боялась ходить в чулан, потому что иногда там видела мышей, которые любили полакомиться зерном, но кошка, которая жила у бабушки, любила там охотиться на них. Мы с братом побежали домой за пилой, но в чулан пошёл он. Взял пилу и топор и ещё нашёл веревку. Всё, что нам нужно было, мы взяли и теперь пришёл черед постройки плота. Мы прибежали к бане, нашли удобное место на траве, разложили жерди и приступили к сооружению чего раньше мы никогда не строили, но видели в кино. Для нас тогда казалось, что мы всё знаем и умеем, но это для нас было что-то новое.

Брат измерил шагами длину, которую он посчитал нужную для плота и стал пилить. Я подтаскивала ему жерди и так он быстро справился со всеми. Дальше нужно было как-то связать их, но морские узлы мы вязать не умеем, стали делать по памяти, как умеем. Связали все жерди, получился оригинальный плот, мы даже были очень рады своему изобретению. С реки дул тёплый, влажный ветер, солнышко было высоко. С плотом мы провозились почти до обеда, теперь можно плыть, испытывать его.

Наконец мой сон сбудется и я раскрою тайну загадки, что мне хотел показать сон.

Плот мы оттащили на реку, он был не лёгкий, но когда мы его поставили на воду, вот в душе моей загорелась искра. Я так захотела на него сесть, что не стала ждать брата, подошла к плоту и присела на него, подобрав ноги из воды. Брат толкнул меня и я поплыла, море эмоций и куча восторга

Людмила Конакова: *«Плот»*

переполняли меня в эту минуту. Брат пошёл вдоль берега, а я плыла по течению, хотя река была не большой, но нашему плоту места хватало, чтобы скользить по водной глади. Прозрачная вода играла, иногда появлялись волны, я себя чувствовала маленькой феей, среди сказочного мира природы. Мы уплыли не очень далеко и на пути нам попались место, где раньше была старая водяная мельница, вот именно на этом месте я и заострила своё внимание. Широкая река, небольшой обрыв и отступ в земле, где стояла сама мельница. Мы с братом решили остановиться тут и покупаться, прыгали с обрыва, ныряли, играли в догонялки в воде. Мы так долго купались, что время уже пришло к вечеру. Плот оставили на берегу сушить и пошли домой. По пути домой много вспоминали и рассказывали друг другу разные истории.

Вечером легли все спать, про плот мы не стали рассказывать, но я поняла, что сон мне хотел показать то место, где мы сегодня купались. С хорошим настроением я уснула, но это место стало для меня дорогим, потому что дальше происходило самое интересное.

Свет в окне

Лето выдалось дождливым прохладным. Купались мало, но иногда в тёплый дождь бежали к реке, вода становилась тёплой, было даже забавно, выныривать, а над твоей головой льет дождь, капли ударяют об воду и брызги разлетаются в разные стороны. Радость переполняла нас тогда, тёплый дождь, как-то согревал реку или нам так казалось, но воду можно было только сравнить с парным молоком. Накупавшись вдоволь и вылезая из воды, мы цокая зубами и синими от холода губами бежали домой греться под тёплые одеяла. Тогда для нас это было моментом наслаждения, закутаться в тёплое одеяло и лечь спать, сон наступал быстро и так же быстро приходило утро.

Опять новый день и дождь зарядил с самого утра, в обед разошлись тучи и где-то вдалеке появилась радуга, она была такая большая, что охватила сразу много полей и где-то вдали была видна трасса, на которой автомобили казались как игрушка.

Ближе к вечеру опять пошёл дождь и такой сильный, что капли с грохотом били в окна. В небе гремел гром и сверкали молнии. Как зарево шло от такого количество молний в небо. Молнии как иголками прошивали небо, выскакивая и появляясь то там, то тут.

Недалеко от села стоял старый, но рабочий трансформатор, от него подпитывались электрической энергией пару домов, которые остались от большого когда-то села. В небе раздался сильный гром и молния, которая образовалась в результате воздушной стихии, ударила прямо в этот трансформатор. Миг и в домах погас свет. Вечер, холодный дождь бьёт в окно и нет света. В доме всегда была керосиновая лампа, она стояла в углу стола и

Людмила Конакова: «Свет в окне»

от неё шёл лёгкий запах керосина. Стекло темнело от копоти и перед очередным зажиганием нужно было приводить стекло в порядок. Убирая копоть влажной тряпочкой, заставляли блеснуть стекло, как-будто его только принесли из магазина. Поставив фитиль, подкрутив специальный вертушок, зажигали его от спички, сверху ставили стекло и прижимали его специальной колбой. Фонарь горел. Вот это и было основным источником света в этот вечер и последующие. Было темно, вечер и ближе к ночи, один фонарь, который стоял у нас на столе на кухне и каждый что-то делал своё, получая свет от этого единственного источника.

Трансформатор долго не могли починить, а потом пришли к выводу, что нужно устанавливать новый. Мы почти весь август жили без света и даже привыкли, если это был город, то было бы проще, но среди поле, степей и рек, где стоит один дом и больше никого, жить без света было непривычно. Зато мы днём больше радовались солнцу и ярким лучам, а вечерами читали книгу под светом лампы. Было даже интересно, небольшой свет от лампы и мы вокруг неё слушаем очередной рассказ нашей любимой книги "Муфта, Полботинка и Моховая Борода", почему-то эта книга нам самая первая попала на глаза и мы зачитывались интересным рассказам необычных героев.

Мы так привыкли жить без света и приспособились готовить, что когда всё восстановили и подключили свет, то для нас это казалось какой-то сказкой. Тогда мы поняли, что писали в сказках, когда под светом лучинки вечерами люди делали домашние дела: шили, готовили, вязали, пряли пряжу, ткали ткани. Это было сложно, но когда нет другого источника света, то рад тому, что есть под рукой.

Чтобы понять кого-то или какое-то событие, то нужно прожить и пропустить через себя всё то, что делает, проживает этот человек и тогда прочитав строки о чём пишут писатели, понимаешь все мысли, которые он хотел сказать.

Я спасла тебе жизнь

Растаял снег, пришла тёплая весна. С гор пошли ручьи, которые сливались сильным потоком в реку. Появились островки с прошлогодней травой, лошади стали её подбирать и где ещё снег не сошёл, то копытом раскапывали остатки, пытаясь там найти сочную траву.

Когда снег совсем растаял и стала пробиваться зелёная трава, то опять стали выгонять стадо, чтобы после зимы животные набрались немного сил и поели сочной травы.

Дедушка приехал недавно из рейса, путь был долгий и трудный, но нужно было покормить животных, он выгнал стадо и направил их на степь, потому что она высыхала самой первой и зелёная, мелкая трава уже стала пробиваться через старые заросли прошлогодней травы.

От усталости дед постелил за бугром свою походную фуфайку и прилег, стадо было видно как на ладони, солнце грело, припекало и стало морить. От ярких, тёплых солнечных лучей дедушка не заметил как заснул. В далеке кто-то поджог старую траву и ветер гнал огонь в сторону, где лег отдыхать дед.

Дома у дедушки жила кошка Мурка, обычная серая кошка, стройная, гладкая и полосатая, похожая чем-то на кота из мультфильма "Простоквашино". Такая маленькая, гибкая и изящная кошка была очень смышленная и как она почувствовала или поняла, что грозит опасность, может быть что-то увидела или унюхала, не знаю. Только она побежала из дома за дедушкой, разыскала его на степи и стала будить, огонь почти добрался до того места, где спал дедушка и она мяукала, мурлыкала, терлась об нос и щеки, царапала лапой, старалась поднять своей маленькой головой его голову, кусала его и все же разбудила. Дедушка проснулся и был в ужасе, огонь был уже рядом и он взял кошку под мышку, поднял фуфайку и быстро ушёл за стадом.

Дома всё рассказал, а кошку хорошо накормил и с тех пор она стала его лучшим другом и везде ходила за ним по пятам, ведь она спасла ему жизнь. Маленькое, хрупкое существо, которое было готово на всё лишь бы хозяин остался жив. Преданность животных не имеет границ, они не умеют разговаривать, но могу о многом рассказать своей чистой, открытой любовью.

Андрианова Ольга***Последний***

Обычно, люди достигая моего возраста, уже перестают верить в героев или надеялся на чудо. Но отпирая дверь своим ключом, и на цыпочках крадясь через коридор, я особенно сильно нуждался в каком-нибудь чуде. А что мне еще оставалось, вид у меня был хуже некуда! Один рукав теплой куртки безжалостно разорван, заботливо выстиранные и выглаженные брюки в грязном снегу почти по колено, рубашка, двух пуговиц на которой я так и не досчитался, испачкана и смята, единственный пиджак синей грыжей выглядывает из рюкзака, который после сегодняшнего даже не застегивается на молнию.

- Я бы посоветовал тебе чаще появляться в парке. Уверен, Николай Васильевич будет рад.

Чуда не случилось и на этот раз. Неторопливо свернув исписанный мелкой темной строчкой лист газеты, дед, бросил взгляд через весь стол, туда, где в погасшем выпуклом экране телевизора отражалось все мое великолепие. Местный герой, был тут же: прилипнув носом к столешнице, он пальцами пытался выудить из-под печенья затерявшуюся в вазочке конфету. Я кашлянул для порядка, и Вальд оторвавшись от своего занятия и ощутив меня любопытным взглядом, удовлетворенно причмокнул губами:

- Надеюсь, ты бился за справедливость!

Тоже мне, ревнитель и хранитель! Где ты был, когда квадратный предатель доносил на мои маневры, конфеты тырил?

- Почему?

- Потому что твой внешний вид доведет до инфаркта не только ворон. Может, зайдешь в парк, порадуешь старика?

- Потому что это девятый наказ.

Когда дед повернулся ко мне, и отхлебнул из кружки, смачивая горло, а истыканный стрелами рыцарь схватился за край своего плаща в поспешной попытке принять более величественную позу, я понял – мне не спастись.

- Надеюсь, ты хоть один из моих наказов помнишь?

- Надеюсь мне не нужно напоминать о конце полугодия?

Они заговорили дружно и одновременно. Адресуя мне широкие жесты и отмахиваясь скупыми движениями, стыдя и возвышая, давая на долг и

совесть, произнося слышимую мной уже, наверное, в тысячный раз проповедь. И каждому следовало кивнуть в ответ, каждому следовало заглянуть в лицо, показывая, как я собран и внимателен, каждому надо было изобразить хотя бы легкое раскаяние.

- И не закатывай глаза!

- И не отворачивайся от меня!

Они были удивительно похожи, хотя моему деду было семьдесят два года, а Вальдару всего двадцать четыре, у деда глаза голубые, а у Вальдара – карие, дед в прошлом строитель-высотник, Вальдар – военный, дед единственный ребенок в семье, Вальдар четвертый сын.

Дед не собирался жить вечно. Вальдар жаждал жизни даже сейчас.

- Только родители за порог...

- Только стоит отвернуться...

И они отличались не только внешне: характеры, манера говорить, осанка, у них все было разное, кроме разве что привычки никогда не скрещивать руки на груди. Но чем больше набиралось этих непохожестей, тем ближе они становились. Это как у братьев, знаете: вот идут по улице два человека, разные как небо и земля, но как только рядом встали сразу видно – родные.

- Куда собрался?

- В башню... Уроки делать.

В самой башне было прохладно, в этом году морозы ударили резко и рано, вырвав город из череды темных осенних дождей, засыпав улицы колючей крупой, прижали к земле еще не избавившиеся от листьев деревья и окрасили воздух белым, выстудили дома. Я рухнул на кровать не раздеваясь, было неудобно.

В детстве я проводил здесь все свободное время. Угловая квартира на последнем этаже казалась мне самым интересным местом в мире, где выстроенные из подушек баррикады непременно превращались в неприступные крепости, водовороты неровных цветных линий – в ведущие к несметным богатствам карты. Отсюда, заточив меч, я отправлялся в великие походы, одним ударом сражая свирепых драконов, бился на турнирах, заставляя противников, всякий раз говоривших со мной голосом деда, с позором отступать. В то время я ждал дня, когда родителям вновь придется уехать, чтобы следующие несколько суток провести в месте, где моим гордым

Андрианова Ольга: «Последний»

флагом был мятый лоскут ткани, толстый кот единственным вассалом, а высокий улыбчивый рыцарь неизменным компаньоном, что останется рядом, даже если дед закроет книгу.

Теперь же это место казалось старым и неповоротливым. Несмотря на ремонт и уют, который пыталась привнести сюда мать, оно словно застыло во времени — ветхие занавески, желтые плафоны, детские каракули, развешенные по стенам, словно произведения искусства, сбившиеся подушки, шершавые покрывала на кроватях, скрипучие половицы. Здесь давно уже пылились в шкафах книги, были сложены в тумбы флаги, не было кота и давно не нуждались в компаньонах. Здесь казалось, замирал и я сам — лениво перекачивались на языке слова, наливались тяжестью руки, не думалось. Порой в такие минуты, Вальдар выходил на середину комнаты и, повинаясь его жестам, отбрасываемые вещами тени оживали, принимая форму благородных дам, породистых охотничьих псов и вышколенных до безобразия слуг, делая стены дальше, а потолок выше, и тогда я ощущал себя их частью.

В этот раз время вернулось вместе с движением. Тихим, осторожным, почти неуловимым, я заметил его краем глаза и моргнул, с удивлением отмечая, что стрелки часов давно перевали за двенадцать. Забытая под потолком лампа нещадно заливала стены светом, таким белым и ярким, что мир вокруг был непривычно контрастным. И было что-то еще, чувство, намек, мимолетное ощущение чего-то важного, необходимого, недостающего.

- Дед? — Я сел, размазывая ладонями вязкую теплую паутину по лицу, надавливая на глаза до разноцветных кругов, и мысль ускользнула.

В доме было тихо, ни шороха, ни вздоха, ни стука ветра по стеклу, ни биения часов. Эта тишина была непривычной, неправильной, она давила, казалось еще немного, и она лопнет, разойдется по швам, и высокий, неясный звон из прорех затопит до потолка.

- Деда?

- Ложись спать.

Я заметил его лишь когда он заговорил и только тогда понял, что было не так — в комнате, откуда я вышел не было теней. Неровного узора от абажура на потолке, привычного темного круга под столом, собственного силуэта на стене. Все они были здесь, плескались вокруг Вальдара, толкались в его ладони, пульсировали в углях, карабкались по сгорбленной спине. В них лицо деда было совсем белым, неподвижным, оплывшим, в темноте он казался утопленником.

- Что вы тут?..

Андрианова Ольга: «Последний»

- Давненько ты не называл меня на «вы». — Он чуть шевельнулся и взгляд голубых углей в его глазницах, слишком ярких для старика, был страшным от сквозившей в нем пустоты. Дед смотрел на меня, и не видел. — Я не один?

- Просто... - Вальдар высился над ним, тонкий и острый, спокойное лицо, расслабленные пальцы, но было в его позе что-то от марионетки, которой внезапно перерезали нити. — Нет.

Он пошатнулся, словно я ударил его, а дед закричал, отворачиваясь обратно, и, если бы не беззвучно шевелящиеся картинки телевизора я всерьез подумал бы, что старик в упор смотрел на моего рыцаря.

- Ложись, уже поздно.

Я не пошел, я побежал назад, уже зная, что не усну. Раньше я мог до колик в животе смеяться над людьми, боящихся темноты в собственном доме, теперь я их понимал, потому что впервые в жизни стены самого интересного места в мире показались мне ловушкой. Заставили жалеть об отсутствии замка на двери, о длинном коридоре за ними, высоте за окном...

- Извини. — Когда раздался его голос, я вздрогнул от неожиданности и Вальдар покорно остановился чуть дальше порога, и тени остались с ним, впитывая в себя его голос, фигуру. — Ты не мог бы?.. Я не хотел бы сейчас тишины.

- Да, конечно, — руки сами открыли стеклянную дверцу шкафа и ухватились за один из потрепанных томов, раскрывая его на середине. Мне совсем не хотелось опускать глаза, теряя из виду темноту в дверном проеме, но смотреть на нее молча казалось страшнее. — *«...Когда «Пилигрим», неф епископа Суасонского ударило бортом о выпуклую стену башни, дико и страшно подсвеченную пожарами, чистый душой и сердцем венецианец сумел-таки прыгнуть каменный уступ у основания башни. Рыцарь Андрэ де Дюрбуаз не сумел последовать за другом: ибо волною неф отнесло в сторону. Зато он видел, как взметнулись мечи наемных англов и данов, как взметнулись топоры нечестивых ромеев, давно отклонившихся от святой римской церкви. Чистый душой и верой венецианец пал — и это зрелище разъярило рыцаря. Когда «Пилигрим» вновь прижало к башне Андрэ легко перепрыгнул с мостика на ее площадку, всей массой своего тела обрушиваясь на нечестивых ромеев.*

Благодарением Господа кольчуга на рыцаре оказалась отменного качества, она выдержала все удары, рыцаря даже не ранили, ибо господь не хотел в тот день его смерти. Более того, он желал, чтобы лжеимператор

ромеев некий Мурцуфл, вечно насупленный, искалеченный собственной злобой, был жестоко наказан, а его мятежный город – покорен и опозорен.

Благородные мысли Андрэ и его храбрость помогли ему. Он не дрогнул, не упал под ударами, но решительно разметал трусливых ромеев. Подняв вверх окровавленный меч, он прорычал так, чтобы его услышали даже в море, чьи волны с завидным упорством относили от берега суда рыцарей.

- Монджой!!

И ветер принес ответный крик...»¹.

- Ложь!!

- Что?

- Ни слова правды, ни капли стыда!..

Вальдар одним движением перебросил себе через порог, втягивая на плаще темень. Рыча, бросился по комнате снова и снова сцепливая и заламывая ладони, для того чтобы в один прекрасный момент не сомкнуть их на рукояти бившегося о ноги меча. Воздух вокруг него темнел и трескался, тяжело тянуло пыльным бураном.

- Это был мой мир, мои братья!..

Такое случалось. Мой мир, мои братья, мой карандаш, мой шар, моя нить... Я не видел вреда в мусоре, что рыцарь присваивал себе, великодушно одаривая его пластмассовыми солдатиками, клочками бумаги из собственной тетради, вытащенными из петель пуговицами, завалевшимися в кармане шурупам, до тех пор, пока не понял, что у меня уже почти не осталось вещей, что он не называл бы своими.

- Чушь... Бред...

Мне очень нравился этот рыцарь, сделавший мое детство незабываемым. Мой первый друг, моя первая тайна, брат, которого у меня не было. Я сумел полюбить, с вечными наказаниями, теми что «не лгать» и «защищать», вечными просьбами и причудами. Но Вальдар фон Дженар, раскаленный ощутимой яростью, плюющий проклятья как выбитые зубы пугал до смерти.

Ворвавшиеся в комнату тени горели вокруг, закручивая в жадные водовороты ковры и книги, тлели на одежде Вальдара, мне казалось, что я чувствую жар.

- Почему я не лгу тебе? Неужели твоя память настолько избирательна? – Две по-человечески теплые ладони легли мне на плечи, сдавили до боли, притянули к себе, ласковый, заботливый голос не мог скрыть сквозящую в словах угрозу, Вальдар пытался смягчить ее, но остановить уже не мог. – Неужели ты и, правда, думаешь, что меня могут остановить замки?

И прежде, чем я подумал о крике, он разжал руки, отталкивая прочь и тени сомкнулись над моей головой.

То, что мне посчастливилось вдохнуть, оказалось такой гадостью, что я закашлялся.

- Стас? – крепкая морщинистая рука возникла из воздуха снова и, мазанув мокрой вонючей ваткой мне под носом улеглась на груди. – Стас, мальчик?

А я, задыхаясь и кашляя, перевернувшись на бок, уткнулся в сбитые простыни пахнувшие не моим теплом.

- Стас, ты как? Голова болит? Погоди, не спеши так...

- Что это?!

- А... это, нашатырь. Не тошнит? Голова сильно болит? – Морщинистые руки деда провели по волосам, и, развернув меня обратно, потянулись в сторону, достав откуда-то кружку с водой доверху. – Пить хочешь? Полежи чуть-чуть, я тут скорую вызвал.

- Скорую?

- Ага... Там в комнате шкаф сдвинут, дверцы разбиты, полки съехали, книги на полу. Среди них ты ничком, и голова в крови.

Голова и правда болела. Я поднес руку к волосам, и та наткнулась на что-то тканевое. Явно не бинт, чем же он меня замотал-то?

- Я часто слышу. Никому не говорю, но слышу. – Продолжил он, положив руки на колени. – Часто-часто... стуки, шорохи, иногда как будто бы вздохи... Ты ведь знаешь, что это такое?

Он снова был собой, сошла с лица мертвенная бледность и жуткая пронизывающая пустота во взгляде, он смотрел на меня глазами такими яркими, каких просто не бывает у стариков и ждал, когда я придумаю ему какое-нибудь объяснение. Но сказать мне было нечего.

- Знаю. Только не понимаю. – Наверное, голова у меня болела сильнее, чем мне казалось, потому что я вдруг начал говорить. О Вальдаре, о не моих

Андрианова Ольга: «Последний»

вещах, о рыцарях и заветах, о пляшущих тенях и застывшем времени, непременно ожидая... не знаю. Чего-нибудь. Вопросы, понимающего кивка, сочувствующей улыбки, но дед не смеялся, он вообще не шевелился, просто смотрел, просто слушал и действительно понимал. — Он ведь не фантазия ребенка и не герой сказок, что ты читал мне когда-то, он настоящий, правда? И сегодня он был готов меня возненавидеть, а я не понимаю почему.

- Ты сказал, что не видишь, и он подумал, что остался один. А он слишком хорошо знает, что такое одиночество. — Дед придвинулся ближе и начал гладить по волосам, как успокаивал когда-то маленького. — Он просто испугался, это ведь так по-человечески — бояться повторения своего самого страшного кошмара.

- И сколько времени... его нет?

- Слишком давно. Он тебе нравится?

- Да. Мы дружили.

- Тогда поступи так, как друг — отпусти его Стас. Вальдар был настоящим. Чьим-то другом, был чьим-то сыном. В прошедшем времени, понимаешь?.. Отпусти, он не сможет уйти сам.

- Я ничего ему не запрещал, он мог уйти, когда захочет.

- Он хочет жить, и ты даешь ему эту иллюзию, держишь рядом, не позволяешь истлеть. И он будет здесь, пока ты ждешь его в этом доме, будет улыбаться, пока ты будешь помнить его улыбку, будет сильным, пока ты будешь верить, что он может быть таким. — Дед вдруг умолк и посмотрел на меня таким умоляющим взглядом, что у меня сжалось сердце. — Но так не сможет продолжаться вечно. Однажды ты привыкнешь. Его чудеса станут фокусами не более, силуэт — привычной тенью, его истории будут вызывать в душе не более чем колонка с некрологом в какой-нибудь газете. И когда ты смиришься — он почувствует. И в тот же день потребует свою дозу. Но чем больше ты будешь давать ему, тем больше ему будет нужно. Начнется с малого. Сначала, он придумает вам общее занятие, объединяющую цель потом попробует обидеться. Потом захочет твою вещь... И ставки все время будут расти Стас... Он не хотел делать тебе больно, но раз он начал, значит, по-другому он уже не сможет.

Первый звонок прогремел громом, заставил замолчать, выдохнуть так, как будто все это время мы задерживали дыхание. Второй заставил деда подняться и направится к двери. Скорая.

- Он делал это и с тобой? — Мой вопрос застал его уже в коридоре.

- Он не успел.

Стемнело. Мягкие хлопья снега, кружась, падали на мостовую, я выдохнул и облачко пара, скатившееся с губ, завязло в воздухе. Город сиял и шумел, многоэтажка деда высилась за дорогой одним из темных столбов, окна его квартиры светились, там уже были убраны осколки и приведены в порядок книги, уже два дня там не было шорохов и вздохов, тени не плясали, и я не поверил самому себе, когда стал скучать их движению.

Сегодня идти домой не хотелось, и ноги сами вынесли меня в старенький районный парк, где всегда было шумно и многолюдно. Где рядом с расположившимися на ближайшей лавочке драконами, шумно пускающими из ноздрей сигаретный дым, привычно распаковывала скрипку хорошенькая девушка в длинном шарфе. Ей не нужны были деньги, но она все же оставляла футляр открытым и люди бросали туда нехитрую мелочь. Она часто играла здесь тихую, простую мелодию, от которой щемило сердце даже у драконов. А в дальнем углу парка, прямо с мостовой безо всякого постамента читал свои рукописи неприветливого вида Николай Васильевич Гоголь. С наступлением холодов его угол всегда становился пустым, как по мановению волшебной палочки исчезали из него воркующие парочки, мамы и их шумные отпрыски.

На его плечах по-хозяйски нахохлившись, восседала стая серых голубей, от чего писатель выглядел несколько раздраженно. Вспомнив недавнее предложение деда, и скомкав в ладонях приличный снежный шар, я запустил им в одного из них. Засуетившись и забив крыльями испуганно клокоча, птицы переселились на ближайшую ветку. Я рассмеялся, и даже медная статуя стала чуть приветливей, когда я отбил ей шуточный поклон. Я распрямился и сделал шаг по направлению из парка, когда вдруг заметил выглядывающий из-под ботинка писателя кусок знакомого цвета ткани.

- Вальд?..

Тишина. Ну, точно ведь!

- Вальд я вижу твой плащ.

Из-за медной спины показалось гибкое бледное запястье и, сцапав край плаща, убралось обратно.

- Ну хватит... Идем домой?

Он сидел на земле, обхватив голову руками, уткнув лицо подтянутые к подбородку колени. Одиноким, забытым, всеми брошенный. Я знал, что если потянусь и коснусь его плеча, рука по-прежнему встретит тепло, что если он поднимет голову – глаза его по-прежнему будут карими. Но я стоял и смотрел

на его запястья, обычно белые и чистые, а сегодня покрытые глубокими рубцами шрамов. Они были здесь всегда? Никогда не замечал раньше. Интересно, каким он был для деда...

Вальдар шевельнулся и поднял на меня лицо. Оставаясь молодым и привычным, оно неуловимо менялось. Становилось острее, жестче, старели глаза, закладывались под веками темные круги, лопались обветренные губы, тусклое золото волос теперь падало с макушки давно не мытой, неровно обрезанной гривой. Никакого больше величия, осанки, никакой живости в улыбке. Всего за мгновенье Вальдар, которого я знал всю жизнь, превратился в незнакомца.

- Не делай этого, пожалуйста. – Во взгляде рыцаря была мольба, такая дикая, такая яростная, что казалась приказом. Два дня назад на меня уже смотрели так, только вот молили о другом. – Я сорвался всего лишь раз, ты всего лишь раз попал под горячую руку и уже готов избавиться от меня?

- Я не предаю тебя, просто...

- Не отпускай.

- Тебе плохо здесь?

- Не отпускай!.. Я должен жить.

- Зачем? – Я почти вскричал, неожиданно для себя самого опускаясь на снег рядом с ним, и повторил уже тише. – Зачем? Тебе так нравится здесь? Ты не устал от меня, от старика, от дома, в котором ты – лишь шорохи да тени, разве тебе не одиноко?

- Я не одинок. Я просто один. Последний... И если я уйду, последним останется он. И ты будешь последним кто будет его видеть, кто захочет его увидеть... А потом последним станешь ты, но уже не будет никого, кто увидит тебя. Не так все должно было закончиться, понимаешь? Мы не хотели такого конца...

- Мы?

- Нас было много. Господи, как много нас было сначала! – Он горько рассмеялся и, цепляясь ладонями за медного писателя, шатаясь, поднялся на ноги. Неровные пряди его волос липли к мокрому лицу, совершенно скрывая выражение глаз, и только обескровленная рана рта мучительно и больно изгибалась.

И тени на снегу ожили. Собрались в полсотни фигур, побежали через парк, загоняя до смерти хрипящих коней, падали под градом стрел, теряя

кровь, товарищей и веру. Запирали ворота небольшого города, с плохеньким стенами и жалкой сотней душ. В полном молчании разыгрывали спектакль об осаде, о непрерывных попытках прорвать стены, о том, как с каждым днем таяли запасы продовольствия и терпения горожан. И о том, как однажды тени всего на час позволили себе забыться сном, всего на час смежили веки, а когда открыли их – город полыхал, а прибывшее наконец подкрепление гнало врагов прочь. Говорили, как влились в их ряды, как бились рядом с ними два дня, и как осознали, что уже два дня как мертвы. Как вспомнили, что в ту ночь кто-то открыл городские ворота, что враг спокойно и чинно прошел по его улицам, просто перерезав спящих, что после кто-то дал вою огню.

Вальдар хрипел, смешивая смех и слезы в одном звуке кутаясь в плащ, как кутается в одеяло недавний погорелец, пока тени на снегу, послав к чертям пустую вечность, принимали решение остаться с теми, кого так любили, ненавидели. Пока таяли на снегу темные города, годы, уходили люди и короли, тени все шли и шли в бой все вместе, падали и так же вместе поднимались снова. Праздновали победу наравне с живыми, присягали новым сюзеренам, смеялись на балах, хоронили друзей...

И все время находили причину жить.

Я сидел на коленях не чувствуя холода в окоченевших пальцах и смотрел как мир и братья моего рыцаря уходили бесследно и тихо, и как он остался один. По-настоящему. Среди запертой в железных цилиндрах смерти, бетонных склепов, похороненной под камнем земли, невидящих ничего кроме себя живых, и мертвых, не имеющих ни причин, ни желания задерживаться в этом мире дольше, чем положено.

- Я почти сошел с ума, когда среди всего этого нашел человека. Он лежал на спине, под неестественным углом вывернув руки, и был великолепно дерзко живым для того, кто едва дышал. Вокруг бегали и кричали люди, а он до боли в шее откинув голову, смотрел точно мне в лицо и одним лишь взглядом приказывал «не отпуская».

Ладони Вальдара разжались и будто сами собой упали вдоль тела. Он посмотрел на меня сверху вниз и где-то на дне усталости, заполнившей доверху его глазницы, плескалась нежность.

- И я не посмел послушаться Стас, успел всего за миг до его последнего вдоха. Успел залить в почти мертвое тело свою вечность. И если я вдруг уйду, вслед за мной уйдет его жизнь, и последним призраком останется он. Я знаю, каково это. Я больше не прикоснусь, я не обижу тебя ничем, поэтому не надо, хорошо? Не убивай его еще некоторое время.

- Почему же ты не расскажешь эту историю до конца?

Я не узнал его голос сразу, но это было не важно, потому что это лицо, совсем чуть-чуть уступающее бледностью морозной дымке, принадлежало реальному человеку, не призраку из далекого прошлого, не темной тени, а человеку. Дед неторопливо шел к нам и его собранное, спокойное лицо было решительным. Я бросился к нему прямо с колен как к единственному спасению. Упасть в знакомые с детства руки, вдохнуть живое тепло и услышать, что я не убийца, что моего страха было слишком мало для чьей-либо смерти, что еще не поздно. Но прикосновения так и не последовало, и я вновь оказался в снегу, а дед пошел дальше, даже не обернувшись, и только тут я заметил, что снег под его ногами не приминался, и ручейки, стекающие с пальцев при каждом движении, рисующие на снегу причудливые алые узоры.

- Почему ты не расскажешь о том, как разводили руками врачи, когда человек, сорвавшийся со стены в семь этажей через месяц смог подняться на ноги. Как спустя полгода он держал на руках собственного сына, как перестал слышать, а потом и видеть своего спасителя, но смог увидеть, как растет его внук. Как перестал чувствовать вкус еды, перестал болеть, как не смог почувствовать боль утраты, как он шел по улицам и с каждым днем все меньше прохожих останавливали на нем свой взгляд.

Вальдар испуганно воззрился на деда, судорожно глотая воздух как выброшенная на берег рыба. Его губы быстро шевелились, как будто бы он читал молитву или проклятья, но слов было не разобрать.

- Как долго ты собрался продолжать это Вальдар? Я снова прошу у тебя свободы. Хватит.

- Еще рано... не поздно, ты еще можешь...

- Не может! А если бы мог – тебе не пришлось бы поднимать на него руку. Ты пол сотни лет боролся за иллюзию моей жизни, а его жизни не хватит на нас троих и тогда вместо двух призраков в городе их станет три. По-твоему это справедливо?

- Я не трону его!..

- Его, скорее всего, нет. Скольких тогда ты готов тронуть, у скольких еще ты готов забрать жизнь, чтобы поддержать видимость нашей? В тот день ты сказал, что для рыцаря любая жизнь стоит борьбы, особенно если из-за него она может оборваться. Но может быть сейчас, борьба должна закончиться?

Дед догнал его двумя большими шагами и, остановив, встряхнул и оказался вдруг выше его на целую голову. В его руках рыцарь сразу куда-то исчез, оставив лишь двадцатичетырехлетнего мальчику в пробитых доспехах.

- Ты не знаешь, что бывает, когда она заканчивается! – Вальдара трясло.— Когда оглядываешься и не видишь рядом никого, когда идти некуда. Когда тебя уже нет даже в земле, когда ты отпечаток собственной тени, последнее, что осталось от тебя самого...

Но ты больше не один.

Дед не сказал это вслух, но я услышал, хотя и изо всех сил пытался внушить себе, что это не правда, что две бледные фигуры передо мной бледны просто от холода. Вальдар продолжал что-то испуганно лепетать, не замечая как на спине, в которую он так вцепился, набухали алые рубцы ран.

- Дед... что с тобой, ты ранен?

- Нет, я – мертв.

- Нет, не правда!

- Я погиб очень давно из-за собственной неосторожности, в попытке доказать свою правоту совершенно не нужному мне человеку. Я виноват сам, у меня было достаточно времени осознать и обдумать это. И я не просил у Вальдара вечности, мне нужны были лишь несколько часов, чтобы увидеть жену, пожелать счастья будущему сыну. Но если бы мне выпал второй шанс я попросил бы ее не задумываясь. Стас, я ведь не просто так просил тебя отпустить его. Я не смогу уйти без него, хочу, но не могу. Отпусти, нам здесь не место...

- Что бы ты стал таким, как он? Шуршать в коридорах, швыряться книгами? Я смогу поверить, я смогу, пожалуйста, не уходи!

- Спасибо. – Дед улыбался, но синева из его глаз продолжала таять, исчезать седые пряди и только алые пятна, продолжая растекаться по рубашке, оставались яркими. Наверное, нужно было их перевязать, как-то остановить кровь, но я не мог подняться. – Но все на свете должно заканчиваться. Я устал, мальчик мой. А насчет того, что идти не куда...

Он замолчал, глядя Вальда по плечам в такт каким-то своим мыслям. Он смотрел чуть в сторону, видя то, что может видеть только он, и мне не верилось, что в никуда можно смотреть с такой тихой радостью.

- Это не соведем так.

- Что мне сейчас-то делать, дед? Как мне дальше-то быть?!

Андрианова Ольга: «Последний»

- А ничего не изменится. Через час ты придешь домой и найдешь меня там, завтра приедут мама с папой, раньше у них просто не получится, и будет немного легче. Через неделю снова пойдешь в школу, через месяц уйдешь на каникулы. Будешь драться за свою справедливость, хватать плохие отметки, будешь взрослеть и лет через десять вряд ли вспомнишь мое лицо... Но это нормально, так и должно быть...

Тонюсенькая девочка-скрипач замотанная в шарф почти по самые глаза старательно водила смычком по струнам, говоря что-то о холодных одиноких улицах, о несбывшихся мечтах, вечной надежде и ждущем впереди счастье. Я медленно поднялся на ноги, и побрел к выходу из парка. В одном ты не прав дед, я ничего не забуду. Застывающие прямо в глазницах слезы мешали видеть, а за моей спиной дед обнимал растворяющегося в воздухе Вальдара так, как никогда не обнимал моего отца.

И я отпускал их.

1. *Г. Порошкевич, сборник «Шкатулка рыцаря», глава II, «Пятнадцатого меня убьют...».*

Тверитинов Алексей

Любовь к Отечеству через историю рода

Захватывающее занятие – изучение генеалогии своего рода приводит к неизбежной идентификации себя как частицы великой истории великой страны. Путешествуя вместе с предками по времени, по просторам и лабиринтам истории, невозможно не наполниться их жизнью, не проникнуться их чувствами и переживаниями, не полюбить Родину. Человек, приобщившийся к своей генеалогии, уже не существует просто сам по себе, а попадает в особую структурную систему, которая всегда и во всем его поддержит и направит. Свидетельствую, что отчетливо ощущаю на себе благодатное влияние исходящей от предков обратной связи, причем не только духовной, но и необъяснимо реальной. Это явление придает энергию и силу, вселяет веру и надежду, наделяет способностью любить. Делает меня порой неуязвимым, стойким, парящим. Поддерживает во всех невзгодах, защищает от многих житейских неурядиц, превращая их, в сравнении с вечностью, в никчемную пыль. Дарит бессмертие! У каждого есть возможность сделать для себя это открытие.

Дворянская фамилия Тверитинов¹, произносимая, по семейным преданиям разных ветвей, с ударением на первое “и”, имеет топонимическое происхождение, обозначающее выходцев из Твери и, как семейное прозвище, появилась вероятнее всего в XV веке в период утраты Тверью своего могущества. Во всяком случае, феодальное происхождение рода прослеживается с Новгородских берестяных грамот того времени. По другой версии фамилия могла возникнуть у дворянина или сына боярского по месторасположению поместья, полученного при зачислении на военную службу. Но уже в XVI веке Тверитиновы появляются в Рязанском крае. Эта отрасль рода повела свой условный отсчет от сына боярского Неклюда Обрютина сына Тверитинова, упоминаемого в качестве рязанского помещика с 1556 года². (Неклюд и Обрюта – прозвища). Отсутствие какой-либо “легенды” свидетельствует о Российском происхождении рода. Одним из несомненных предков рязанских Тверитиновых является Кондратий Иванов сын Тверитинов, погибший, защищая Рязань от ногайских татар во время их неоднократных набегов зимой 1551- 1552 годов. За свой ратный подвиг Тверитинов был помещен в единый общероссийский “Синодик по убиенным во бранях” для вечного поминовения. “Синодик” был основан указом Ивана Грозного 21 июня 1548 года по благословению митрополита Макария и, говоря современным языком, предписывал самому митрополиту со всем

¹ <<https://ru.wikipedia.org/wiki/Тверитиновы>>.

² А. В. Антонов (отв. редактор). Русский дипломатарий. - М., 2003. - Выпуск девятый. – С. 242; Памятники русской письменности XV – XVI вв. Рязанский край. – М., 1978. - С.53, 111, 113.

Тверитинов Алексей: *«Любовь к Отечеству через историю рода»*

духовенством исполнять по убиенным во бранях панихиды и обедни в Успенском соборе Кремля, всех церквах Москвы и посада во все “прочия лета”.

Известно, что с XVI века Тверитиновы традиционно несли “Государеву Службу” в коннице на разных стадиях ее развития: в поместной коннице, в рейтарах, драгунах и других видах кавалерии. С середины XVIII века у Тверитиновых стали формироваться и другие служебные традиции. Появились потомственные пехотинцы и потомственные моряки. Но общей сутью всех традиций оставалось самоотверженное служение Отечеству.

Пехотинцы отличились мужеством и храбростью, за что неоднократно награждались. Так, например, Аннинский кавалер Алексей Самсонович Тверитинов (1781 – 1815) за сражения с Наполеоновскими войсками в 1807 г. при р. Алле, под Хейльсбергом и Фридландом был награжден Александром I золотой шпагой с надписью “За храбрость” в сопровождении Императорского рескрипта³. Его двоюродный правнучатый племянник Александр Николаевич Тверитинов (1879 – 1941), полковник, командир 140-го пехотного Зарайского полка, участник русско-японской и Первой мировой войн, также был награжден Георгиевским оружием и, кроме того, семью боевыми орденами, внеочередными за отличия чинами, солдатским Георгиевским крестом и медалями⁴.

Тверитиновы – моряки отличились в истории Отечества своей созидательной деятельностью. Основателем морской династии, в четырех поколениях дававшей Российскому флоту морских офицеров, был генерал-майор по Адмиралтейству Алексей Владимирович Тверитинов (1742-1798). Он родился в родовом рязанском имении Гласково, а свой жизненный путь закончил в Севастополе, который и строил. Алексей Владимирович Тверитинов посвятил свою жизнь возрождению Азовского, созданию и становлению Черноморского флотов. Его служебная биография представлена в Русском биографическом словаре «деятелей, отличившихся на службе Отечеству и заслуживших право на память в потомстве»⁵ и ряде других публикаций. В 1761 г. гардемарин он участвовал в осаде с моря Кольбергской крепости во время Семилетней войны. Затем был направлен в Азовскую флотилию. Летом 1773 года Алексей Владимирович сражался с турецким десантом у Балаклавы, а летом 1774 года он принял серьезное боевое крещение при защите Керченского пролива от турецкого флота, более чем втрое превосходившего силами русскую эскадру. В результате

³ Алексей Тверитинов. Рязанские Тверитиновы в Наполеоновских войнах: <<http://www.history-ryazan.ru/node/5884>>

⁴ А. Д. Тверитинов, Н. Н. Тверитинов. Александр Николаевич Тверитинов. (Судьба полковника царской армии): <<http://www.history-ryazan.ru/node/5682>>

⁵ Русский биографический словарь. - СПб., 1912. - Т. 20. – С. 380-382.

Тверитинов Алексей: *«Любовь к Отечеству через историю рода»*

ожесточенного боя турецкие корабли с уроном отступили и ушли в море. Приобретя к 1777 г. немалый опыт, Алексей Владимирович участвовал в организации работ по воссозданию Азовского флота. В их числе было исследование и опись лесов для кораблестроения, измерение глубин р. Донец для выявления проходимости судов и выбора мест для постройки верфей. В 1783 г. он участвовал в первом подробном исследовании Ахтиарской бухты. Результатом исследования было подтверждение необычайного удобства этой гавани для возможности размещения в ней вплоть до 100 линейных судов. Здесь в том же году была основана русскими моряками главная база будущего Черноморского флота и заложен город, в строительстве которого Алексей Владимирович Тверитинов принял самое непосредственное участие⁶. Так зарождался легендарный Севастополь. К началу русско-турецкой войны 1787-91 гг. Алексей Владимирович имел чин капитана I ранга и должность советника Черноморской экспедиции, основной задачей которой в то время являлась постройка верфей и судов со всем сопутствующим хозяйством и производством. В военных условиях Алексей Владимирович своей деятельностью обеспечил успешное развитие Черноморского флота, за что в 1790 г. Екатериной II был произведен в капитаны бригадирского ранга и вскоре назначен на должность обер-штерк-кригскомиссара. В 1796 г. Алексей Владимирович был произведен в генерал-майоры по Адмиралтейству и служил до кончины в составе Адмиралтейской коллегии. Его сыновья родились в Севастополе. Все они также стали морскими офицерами⁷.

Отдельного внимания заслуживает насыщенная приключениями служебная биография его старшего сына Федора Алексеевича Тверитинова (до 1793 - 1851), полковника по Адмиралтейству и кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени, скончавшегося, как и отец, продолжая служить флоту и России⁸.

Сын Федора Алексеевича и внук Алексея Владимировича Николай Федорович Тверитинов служил на Балтийском флоте. В 1865 году он значился служащим капитан-лейтенантом 21-го флотского экипажа. Летом 1854 года, в ходе Арктической кампании Крымской войны, Николай Федорович успешно защищал Поморье и Соловецкий монастырь от нападения английской эскадры со стороны Белого моря. Масштаб главных событий Крымской войны 1853-56 годов затмил действия других сопутствующих военных кампаний против России, проводимых ее недругами с целью нанесения ей как можно

⁶ И. Демьяненко. Страницы 230-летней истории Севастополя // Севастопольские известия (газета). – Севастополь, 2013. - № 28 (1548), 17 апреля 2013 г. – С. 5.

⁷ Алексей Тверитинов. Морские традиции Тверитиновых и Севастополь: <<http://www.history-ryazan.ru/node/15043>>; Алексей Тверитинов. Тверитиновы на флоте: <<http://history-ryazan.ru/node/15454>>

⁸ Алексей Тверитинов. Рязань–Севастополь–Балтика и поход в Средиземное море: <<http://history-ryazan.ru/node/15412>>; Алексей Тверитинов. Тверитиновы на флоте: <<http://history-ryazan.ru/node/15454>>

Тверитинов Алексей: «Любовь к Отечеству через историю рода»

большого ущерба на всех возможных направлениях, в том числе и с севера⁹. Как это похоже и на сегодняшнее положение дел!

А в Большой Советской Энциклопедии отражена деятельность Евгения Павловича Тверитинова (1850-1920), правнука Алексея Владимировича, также генерал-майора по Адмиралтейству. Евгений Павлович Тверитинов является одним из пионеров электротехники в России, основоположником судовой электротехники, первым русским светотехником и основателем русской аккумуляторной техники, изобретателем в области минного оружия. Его труды значительно повысили боеспособность русского флота и дали мощный толчок развитию электротехники в России в целом. Так, в 1879 г. Евгений Павлович впервые оборудовал боевые корабли установками электрического освещения. Разработанный им оригинальный тип аккумуляторов получил мировую известность и вызвал ряд подражаний за границей. Кроме того Евгений Павлович организовал производство этих аккумуляторов и применил их на судах русского военного флота. В 1881 году некоторые изобретения Евгения Павловича Тверитинова экспонировались на Всемирной электрической выставке в Париже и были удостоены почётного диплома. С того же 1881 года его корабельная служба начала чередоваться с преподавательской деятельностью. Евгений Павлович стал автором первого в России высокоэффективного курса электротехники, который он читал офицерам Минного офицерского класса в Кронштадте. В 1881-83 гг. Е. П. Тверитиновым совместно с капитаном I ранга (будущим вице-адмиралом) Степаном Осиповичем Макаровым была разработана система дальней сигнализации с помощью прожекторов и поднимаемых на воздушных шарах электрических ламп. Выдающимся техническим достижением было признано устройство электрической иллюминации Московского Кремля по проекту Евгения Павловича Тверитинова во время коронации Александра III. В 1885 году Евгений Павлович разработал станцию подводного освещения, превосходящую импортные аналоги компактностью и надежностью. Являясь автором множества научных статей и изобретений, Евгений Павлович обладал и многими другими дарованиями. Он играл на четырех музыкальных инструментах: скрипке, виолончели, арфе и фортепьяно; издавал и редактировал газеты “Кронштадтский вестник”, а затем “Котлин”, где сам часто выступал со статьями публицистического характера¹⁰.

Всего представители этой флотской семьи Тверитиновых жили и трудились под сенью Андреевского флага на протяжении более полутора сотен лет.

⁹ Там же.

¹⁰ Белькинд Л. Д., Мокеев А. Н., Тверитинов А. Е. Евгений Павлович Тверитинов. Очерк жизни и деятельности. - М.-Л., 1962.

Все ветви рода Тверитиновых прошли схожую для дворянских родов эволюцию – от дворянской конницы и суровых воинов, закалившихся в бесконечных войнах и жестоких сражениях, до дворянской интеллигенции, менталитет которой во многом, а в некоторых случаях коренным образом, принципиально отличался от разночинной. Ведь как показали исследования, несмотря на выпавшую исторически для Тверитиновых ратную долю, всякая разрушительная агрессивность отсутствовала в их характерах. Доминантой их внутренней сути всегда было стремление к творческому созиданию. И это объяснимо. Ведь сама великодержавность государства Российского создавалась самоотверженной пожизненной службой и кровью этого древнего сословия. Отсюда и патриотизм в крови.

Характерным поприщем Тверитиновых стала и научно-педагогическая деятельность. Кроме генерал-майора Евгения Павловича Тверитинова ее представителями являются: его троюродный брат Николай Васильевич Тверитинов (1852-?), врач, кавалер Российских орденов, коллежский советник, состоящий с 1887 г. на службе по министерству народного просвещения при Императорском Московском университете; Михаил Иванович Тверитинов (1887-1932), родившийся в древнем рязанском родовом имении Танинское, участник Первой Мировой войны и кавалер боевых орденов, а затем профессор Смоленского пединститута, председатель правления (ректор) Рязанского пединститута, организатор народного образования и просветительского движения в г. Рязани Рязанской губернии; его сын Дмитрий Михайлович Тверитинов (1913-1993), кандидат педагогических наук, доцент Ульяновского педагогического института, автор многих научных публикаций, в том числе отдельных книг; Николай Александрович Тверитинов (1906-1965), сын упомянутого выше полковника Александра Николаевича, преподаватель, доцент, зав. кафедрами сельскохозяйственных вузов, также автор многих научных статей и отдельных книг.

Но не только на военном, государственном и педагогическом поприщах проявляли себя рязанские Тверитиновы. Были у них и другие занятия и увлечения, весьма далекие от указанных сфер деятельности. И все их увлечения были свободны от каких-либо устремлений к неременному признанию заслуг и результатов. Сама же увлеченность была присуща всем Тверитиновым как свойство их натуры.

Хорошей иллюстрацией тому может служить пример уроженца рязанской губернии Алексея Михайловича Тверитинова (1910 – 1946), - дяди автора статьи. В честь дяди автор и был назван Алексеем.

Тверитинов Алексей: *«Любовь к Отечеству через историю рода»*

Садовод-селекционер Алексей Михайлович Тверитинов прожил всего лишь 35 полных лет. И только лишь одна вера в Божий промысел дает объяснение тому, как это удалось ему, прожившему так мало, да еще в такой тяжелый период жизни общества и страны, - сделать многое и добиться результатов, имеющих далекую перспективу и реализовавшихся уже в наше время. Ведь такая область деятельности как селекция предполагает долгую жизнь в непрестанном многолетнем труде.

Но здесь не последнюю роль в становлении Алексея Михайловича Тверитинова как садовода-селекционера сыграл накопленный бесценный опыт, а еще, возможно, и особые секреты, которые он по цепочке получил от предков. А они с давних времен практиковали садоводство в своем древнем рязанском родовом имении Танинском¹¹. В 19 веке и к 1917 году один только танинский фруктовый сад занимал площадь больше десятины, больше гектара. Известно, что садоводством активно увлекались и дед Алексея Иван Дмитриевич (1832 – 1894) и прадед Дмитрий Васильевич (1794 – до 1848) Тверитиновы. Отец - Михаил Иванович Тверитинов (1887 – 1932)¹² тоже мечтал о работах в саду, но война и революция перечеркнули все его планы.

Алексей родился 25 июня (по ст. ст.) 1910 года в г. Раненбурге, Рязанской губернии. Его дореволюционное детство в летний период проходило преимущественно в Танинском. В зимнее время семья жила в раненбургском доме, также с обширным и сказочным садом на Спортивном переулке, 1. Позднее, когда отец Алексея вернулся с тремя ранениями с Первой мировой войны, Танинское уже было отобрано советской властью и «пущено под откос». Вся семья собралась в многолюдном раненбургском доме Петра Ивановича Перова (1855 – после 1918), - деда Алексея по материнской линии. Петр Иванович Перов в то время был протоиереем Троицкого собора и благочинным церковью г. Раненбурга (с 25. 07. 1913)¹³.

В 1919 году отец Алексея был избран на должность председателя правления (ректора) Раненбургского пединститута¹⁴. По собственной инициативе он организовал на территории раненбургского сада опытный участок для практических занятий со студентами по прививкам и агротехнике плодовых культур и биохимии растений. Ведь он был агрохимиком с университетским образованием и обладал уникальными знаниями. И это неудивительно. Ведь его учителями были ученые с мировым именем:

¹¹ Усадьба Танинское. (Карточка усадьбы). <<http://www.history-ryazan.ru/node/12401>>

¹² Мой дед Михаил Иванович Тверитинов - 2009. <<http://www.history-ryazan.ru/node/5347>>

¹³ ГАРО. Ф.627. Оп. 240. Д. 34. Л. 402 об.-403 об.; Оп. 233. Д. 19. Л. 85 об.-86. – Клировые ведомости.

¹⁴ Краеведческий календарь «События и даты Липецкого края». Тверитинов Михаил Иванович (1887-1932) <<http://lounb.ru/calendar/all-dates/tveritinov-mikhail-ivanovich-1887-1932>>; Краеведческий календарь «События и даты Липецкого края». Раненбургский педагогический институт (1918) <<http://lounb.ru/calendar/all-dates/ranenburskij-pedagogicheskij-institut-1918>>

Тверитинов Алексей: *«Любовь к Отечеству через историю рода»*

Дмитрий Николаевич Прянишников, Владимир Иванович Вернадский, Иван Алексеевич Каблуков, Сергей Николаевич Реформатский, Николай Дмитриевич Зелинский. (Автографы этих замечательных людей сохранились в зачетной книжке Михаила Ивановича Тверитинова).

Уже в те времена своего детства и юности Алексей многое почерпнул от отца, активно впитывая его знания и умения. Это ему очень пригодилось в будущем. После окончания Ранenburgского педтехникума, в 1931 году Алексей поступил и в 1936-м окончил Мичуринский плодово-овощной институт. Распределился он на Татарскую зональную плодово-ягодную опытную станцию, открытую в селе Теньки в 1932 году и ставшую впоследствии Отделом садоводства Татарского НИИ сельского хозяйства (ТатНИИСХ). Эта организация существует и сейчас. Выбор удаленной от центра местности и далекой от политики профессии был еще во многом связан и с «нежелательным» происхождением Алексея Михайловича. Подобный выбор далекой от политики специальности сделал и его младший брат Дмитрий Михайлович Тверитинов, выпускник химического «отделения» Тамбовского пединститута – отец автора¹⁵. В других случаях репрессии были бы неизбежны. Очевидность дворянского происхождения их отца и духовное происхождение матери были равны приговору и зависшему над всей семьей в ожидании своего часа «Дамоклову мечу». Общая напряженность ситуации усиливалась и особенностями характера Алексея. Характер его был своеобразен и, зачастую, необъясним по понятиям того времени и среды, в которой он жил в юношеские годы. Принципиальность молодости в сочетании с обостренными чувствами чести, достоинства и справедливости проявлялась, прежде всего, в неприятии Алексеем какого-либо, даже малейшего, хамства и неуважения к окружающему миру. Это вызывало у него непроизвольную реакцию, зачастую переходящую в серьезные последствия. А это в свою очередь истолковывалось новыми властями не иначе как политический подрыв нового социалистического строя.

Вскоре, после распределения, Алексей Михайлович Тверитинов был назначен заместителем директора станции по научной работе. Он стал одним из первых создателей казанской научной школы селекционеров и, в частности, основателем селекции косточковых культур на территориях Татарской АССР¹⁶, Средневолжского и Волго-Вятского регионов. В то время перед станцией были поставлены государственные задачи по улучшению сортимента косточковых культур, созданию урожайных и, в особенности,

¹⁵ Об отце <<http://www.history-ryazan.ru/node/5766>>

¹⁶ Тагиров М. Ш. 95 лет Татарскому НИИСХ // Научно-практический журнал «Достижения науки и техники АПК». – М., 2015. – Т.29. №5. – С. 5-10: <<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Z4Rdj7yXnO4J:https://cyberleninka.ru/article/n/95-let-tatarskomu-niish&num=1&hl=ru&gl=ru&strip=1&vwsr=0>>

Тверитинов Алексей: «Любовь к Отечеству через историю рода»

зимостойких и жизнеспособных сортов. Без аналитического подхода к делу решить эти задачи в установленные кратчайшие сроки было бы невозможно.

За свою короткую жизнь, прошедшую в упорном кропотливом труде, Алексей Михайлович успел вывести более десятка сортов вишни и сливы. Некоторые из них были районированы и получили официальное признание спустя уже полвека после его ухода из жизни. Среди них есть и сорт вишни, названный его именем, - вишня «Тверитиновская»¹⁷. Этот сорт, а так же сорт вишни «Заря Татарии» ежегодно, вплоть до настоящего времени (2017 г.), включаются в Государственный реестр селекционных достижений страны¹⁸.

Но все же слишком короткая была жизнь у Алексея Михайловича, чтобы ощутить результаты своего селекционного труда, и, приняв эстафету, его дело продолжили другие научные сотрудники опытной станции.

Со временем на подведомственной Теньковской администрации территории выделился отдельный поселок Татарской зональной опытной станции, Камско-Устьинского района Республики Татарстан. И хотя этот населенный пункт теперь уже больше специализируется на современных строительных материалах и автосалонах, все же в память об Алексее Михайловиче одна из улиц этого поселка была названа улицей Тверитинова.

Следует отметить, что в процессе своей деятельности Алексей Михайлович Тверитинов уделял особое внимание качеству проводимых по садоводству работ и строгому соблюдению полного комплекса необходимых для успеха агромероприятий. В этой связи отдельный интерес могут представлять его публикации по практическому садоводству, содержащие ценные, любопытные и актуальные даже и для сегодняшнего дня указания¹⁹.

Замечательно, что вопреки своему небольшому сроку, удивительно емкая жизнь Алексея Михайловича Тверитинова и поныне продолжается в результатах его деятельности. И такую жизнь вполне заслуженно можно назвать удавшейся.

Исторический патриотизм Тверитиновых, как их родовое качество неизбежно проявил себя и в советский период, несмотря на гонения, притеснения и репрессии в отношении многих из них со стороны государства.

¹⁷ <<http://vniispk.ru/varieties/tveritinovskaya>>; <<http://supersadovod.ru/sorta/sorta-vishni-obyiknovennoy/sort-vishni-obyiknovennoy-tveritinovskaya/>>

¹⁸ Государственный реестр селекционных достижений за 2017 год. – Москва, 2017. – С. 282, 283. <http://gossort.com/docs/reestr_2017.pdf>

¹⁹ П. Н. Марков, Л. В. Радьгин, А. В. Валиуллин, А. М. Тверитинов, В. В. Подъячева. «Агроуказания по плодово-ягодным культурам». Под редакцией А. М. Тверитинова. - Казань, Татгосиздат, 1939. – 76 с.; Наркомзем Марийской АССР и Татарская зональная плодово-ягодная опытная станция. «Агротехника плодово-ягодных культур». Сборник статей под редакцией А. М. Тверитинова. - Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1939. - 96 с.; Тверитинов А. М., Вакуленко Н. И. Агротехника садоводства Татарской АССР. – Казань: Татгосиздат, 1945. – 155 с.

Примечательно, что те же самые, пострадавшие от режима Тверитиновы, беззаветно отдавали свои жизни за Родину на полях Великой Отечественной войны, утверждая понятие, что государство и Отечество для них далеко не одно и то же. Об этом свидетельствуют биографии Фёдора Степановича (1899 – 1943), Валерия Павловича (1924 – 1942), Евгения Павловича «второго» (1920 – 1995) и других Тверитиновых, а также истории и судьбы их семей.

Федор Степанович Тверитинов (14 (27). 06. 1899 – 11. 08. 1943) родился в Подмоскowie. Он представлял тамбовскую ветвь рязанской отрасли рода Тверитиновых. В конце 30-х подвергся политическому преследованию, и ему с большим трудом удалось избежать гибели со всей его семьей. Но в мае 1941 года он был направлен в Магадан на Колыму для руководства строительством дорог, что фактически явилось ссылкой. В связи с началом войны Федор Степанович начал упорно добиваться своей отправки на фронт. В боевых действиях он принял участие только с июля 1942 года на Воронежском фронте. На третий же день он получил ранение в бою, а 19 декабря 1942 года за проявленный героизм и боевые отличия был награжден орденом Красного Знамени. В ноябре 1942 года Федор Степанович был назначен командиром 847-го полка 303-й стрелковой дивизии. 25 января 1943 года ему было присвоено звание подполковника. За многочисленные подвиги полка, сражавшегося под командованием Тверитинова, включая победу над пятикратно превосходящим численностью и силами противником, 21 февраля 1943 года Федор Степанович был награжден орденом Суворова III степени. Как талантливый военачальник и лучший из полковых командиров Военным советом 38-й армии он был назначен заместителем командира дивизии по строевой части. В ходе боев за освобождение Харькова при форсировании Северского Донца 9 августа 1943 года в районе Старого Салтова Федор Степанович Тверитинов получил смертельные раны, и через два дня - 11 августа 1943 года, скончался. Посмертно был произведен в звание полковника²⁰. В 1982 году по инициативе ветеранов в честь Федора Степановича одна из улиц Старого Салтова была названа улицей Тверитинова, о чем была сделана запись в местной Книге памяти. А в августе 1984 года на

²⁰ ЦАМО. Ф. Личные дела офицеров. Тверитинов Федор Степанович. Инвентарные № № дел 354751, 503663;

ЦАМО. Ф. 58. Оп. А – 83627. Д. 752;

ЦАМО. Ф. Картоотека учета офицерского состава. Тверитинов Федор Степанович;

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 137;

Е. Д. Губа. Командир полка // Место назначения – фронт. – Кемерово, 1970. – С. 119 – 123. (Упоминания о Федоре Степановиче Тверитинове также есть и у других авторов книги. - С. 13 – 14, 100 – 103);

Книга памяти Красноярского края. Том первый. – Красноярск, 1994. – С. 147, 501;

Сайт «Подвиг народа»: <<http://podvignaroda.ru/?#id=11662990&tab=navDetailManAward>>; <<http://podvignaroda.ru/?#id=11749448&tab=navDetailManAward>>

Сайт «Чтобы помнили – Первый канал» < <http://www.1tv.ru/veterani/id=2317549> >

Тверитинов Алексей: *«Любовь к Отечеству через историю рода»*

улице Тверитинова состоялась церемония торжественного открытия соответствующей мемориальной доски²¹.

Евгений Павлович Тверитинов «второй» (27. 02. 1920, Кронштадт – 27. 02. 1995, Санкт-Петербург) свое имя получил в честь деда, - упомянутого выше основоположника судовой электротехники в России. В 4-летнем возрасте Евгений Павлович «второй» вместе с семьей был сослан из Кронштадта в Сибирь²², откуда семья лишь к середине 30-х годов смогла перебраться в подмосковную Яхрому. Удивительно, но вопреки всему, Евгений Павлович окончил военное училище перед самым началом войны и вступил в нее, получив одновременно звание лейтенанта, а через три года, когда ему исполнилось 24, уже стал майором. Евгений Павлович командовал последовательно взводом, ротой, батальоном и при этом проявлял незаурядные способности в военном деле и личный героизм. Он был награжден орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны I степени и рядом медалей. Был несколько раз ранен. Дважды родственникам приходили на него ошибочные похоронки. В одной - даже с указанием конкретного места захоронения в городе Терийоки.

Евгений Павлович собирался, было, поступать в военную Академию, но застрявшие в теле многочисленные осколки не позволили ему продолжать военную карьеру²³. Он ушел из жизни в 75 лет, в день своего рождения, внезапно, от смещения застрявшего в шее у головы неоперабельного осколка. О войне Евгений Павлович оставил литературные воспоминания: «На Ленинградском фронте. Воспоминания комбата».

Валерий Павлович Тверитинов (1924 – 28. 08. 1942), младший брат Евгения Павловича Тверитинова «второго», родился в Омске, куда его семья была выслана из Кронштадта и пребывала в ссылке. В 12 лет Валерий остался

²¹ Б. Зильберборд. Именем героя // Хлебоборд (газета на украинском языке). – Харьков, 1984. - № 93 (9110), 4 августа, суббота.

²² Секретный приказ по ОГПУ за № 172 от 2 апреля 1924 г., содержал Положение о правах ОГПУ в части административных высылки и ссылки и заключения в концентрационный лагерь, которое приобрело характер общесоюзного закона, но, в отличие от предыдущего постановления ВЦИК, открыто не публиковалось. Вопрос об административной ссылке «антисоветских элементов» в карательной политике советского режима возник на Политбюро ЦК РКП(б) 14 декабря 1921 г. Мера осуществлялась с начала 1922 года. - С. А. Красильников. На изломах социальной структуры. – Гл. 3. Ссылные 1920-х годов – Новосибирск, 1998.

²³ ЦАМО. Ф. Картотека УПК; Ф. Картотека награжденных; Ф. Личные дела офицеров. Тверитинов Евгений Павлович. Инвентарный № дела 388763; Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1015;

Приказы войскам 67-й армии Ленинградского фронта № 035/Н от 26 января 1944 г. и 23-й армии № 0244/Н от 25 июня 1944 г.;

Указы Президиума Верховного Совета от 22. 12. 1942 г. и 9. 05. 1945; Ф.

Юбилейная картотека. № наградного документа: 80 от 6. 04. 1985;

Сайт «Подвиг народа» <<http://podvignaroda.ru/?#id=31578222&tab=navDetailManAward>>;
<<http://podvignaroda.ru/?#id=31688424&tab=navDetailManAward>>;
<<http://podvignaroda.ru/?#id=1520870956&tab=navDetailManUbil>>;
<<http://podvignaroda.ru/?#id=1534281953&tab=navDetailManAward>>

Тверитинов Алексей: *«Любовь к Отечеству через историю рода»*

без отца. После долгих мытарств семья переехала из Омской области в подмосковную Яхрому Дмитровского района. Валерий продолжил учебу в местной средней школе. Когда в разгаре каникул пришла война, решил добровольцем пойти на фронт. Для этого он добавил к возрасту два года и упорно не покидал военкомата, пока не добился желаемого результата. И тем же летом 1941 года Валерий прошел ускоренные курсы в Муромском военном училище связи и был отправлен на передовую. Воевал в звании младшего лейтенанта. Был командиром взвода связи 89 стрелкового полка 23 стрелковой дивизии. 28 августа 1942 года Валерий Павлович Тверитинов геройски погиб в неравном бою - вдвоем против сорока фашистов - под Сталинградом. Подвиг Валерия Павловича сразу же нашел отражение во фронтовой газете «Залог Победы», в статье С. Несвета «До последнего дыхания». Однако командование, в силу сложившейся в то время крайне напряженной обстановки, не обратило внимания на информацию в статье и посчитало Валерия Павловича просто пропавшим без вести. В 1963 году, когда благодаря усилиям матери статья о Валерии Павловиче была обнаружена в фондах Центрального архива Министерства обороны, о герое рассказала новая газетная статья Т. Сергиенко «Ценою жизни», вырезка с которой сохранилась в семейном архиве. «...Это случилось 28 августа 1942 года. Наладив связь между командным пунктом и передовыми подразделениями, младший лейтенант Тверитинов и его связной возвращались обратно. Неожиданно их окружило около сорока вражеских автоматчиков. Двое отважных парней вступили в неравный бой. Вскинув автоматы, они стреляли по атакующей цепи, пока в дисках оставались патроны. Потом в ход пошли гранаты. Получивший два ранения, связной по приказанию младшего лейтенанта пополз к своим. Оставшись один, Тверитинов продолжал бой. Последняя граната разорвалась у его ног, когда враги окружили его. Около двадцати фашистов заплатили своей жизнью за смерть героя...». И 2 июля 1963 года появился новый приказ - № 35: «Статью приказа № 96 от 15 ноября 1946 года о Тверитинове В. П. как пропавшим без вести отменить. Младший лейтенант Тверитинов, находясь на фронте Великой Отечественной войны, погиб 28 июля 1942 года». Прошли десятилетия после гибели Валерия Павловича Тверитинова, прежде чем нашлись его останки, и он, наконец, был признан погибшим. Валерий Павлович был похоронен с воинскими почестями в районе хутора Шохинского Иловлинского района Волгоградской области в братской могиле воинов, погибших в дни Сталинградской битвы. А мать Ольга Ивановна Тверитинова получила, наконец, 18 мая 1964 года извещение о смерти сына²⁴.

²⁴ ЦАМО. Ф. Картотека УПК. Валерий Павлович Тверитинов; Ф. 56. Оп. 12220. Д. 65. С. 188 (1942); Ф. 58. Оп. 81883. Д. 165 (1942); Ф. 33. Оп. 11458. Д. 890. С. 5 (1945), Оп. 563783. Д. 39. Л. 266 об. (1946); Оп. 594258. Д. 68. С. 151 (1946);

Уцелевшие остатки сильно поредевшего рода в малом количестве существуют и сейчас. Среди них несколько архитекторов, научные работники, педагоги высшей школы, музыканты, геологи и, в целом, творческие люди, абсолютно скромные, но помнящие об особенной ответственности, наложенной на них историей за их происхождение!

Книга Памяти. Омская область. Том 3. – Омск, 1995. – С. 263;

Книга Памяти Московской области. Т. 29, часть I. – М., 2005. – С. 289;

Сайт «Чтобы помнили – Первый канал» <<http://www.1tv.ru/veterani/id=2317601>>;

Николай Николаевич Тверитинов в Первой мировой войне и его родственники. (К 100-летию Великой войны) <<http://www.history-ryazan.ru/node/15391>>

Тверитинов Алексей: *«Слово к Плечеству через историю рода»*

Софья Сонецкая

В ожидании чуда

Часть первая. Ироническая.

Вы думаете, она не знала, что чудес не бывает?

Знала. Слышала об этом не раз. Но не верила. Точнее, в чудеса-то она как раз и верила, а в то, что их не бывает - нет. (Поясняю, чтоб Вы, мои любимые читатели, не запутались). Она села на подоконник и замерла. В ожидании чуда. Оно ей было очень нужно! Очень-преочень! Поймите ее правильно, она больше просто не могла жить без этого самого чуда. Точнее, без чуда бы она может и прожила бы, а вот без Мужчины своей мечты никак. То ли к счастью, то ли вовсе наоборот, но она его встретила. По-настоящему. Живого. Из плоти и крови.

Думаете, сочиняю?

Нет! Это чистая правда!

За других не скажу, мечты у всех разные, у меня, например, другая совсем, соответственно и Мужчина МОЕЙ мечты абсолютно другой. А ей он казался необыкновенно привлекательным. На мой взгляд, уж вы меня простите, что вмешиваюсь в повествование, но самый что ни на есть обычный мужчина. Глаза, нос, рот, уши... А она часами могла любоваться на его фото в одноклассниках. До того он ей нравился. Как ей было не верить в чудеса, если он ей однажды написал.

Да-да! Сам.

Подумаешь, она один разок всего лишь, случайно! (почти), отправила ему смайлик, со скобочкой вниз. Получилось, что она грустит. Борис думал долго... она уже совсем было отчаялась...

И вдруг его "Привет!"

Это было как гром среди ясного неба. Алиса, увидев его, (сообщение), закатила глаза и упала. Навзничь. На диван. Вот какие сильные чувства вызывал в ней Он. Мужчина ее мечты!

Потом они встретились...

Это было как в сказке! Он подарил ей букет сирени и держа ее за руку вдохновенно поведал о своих чувствах.

Алиса слушала, открыв рот. Даже у нее, любовь была куда меньше.

Софья Сонецкая: «В ожидании чуда»

Через три дня он уже мечтал о том, как поведет ее в ЗАГС. Она закрывала глаза и видела, как они идут к алтарю. У нее было красивейшей платье, какие только видел свет и фата, которая закрывала лицо. Борис откидывал ее и они сливались в первом брачном поцелуе. Не в брачном они уже сливались. И не только в поцелуе. Посудите сами, как было устоять, если перед тобой Он! К сожалению, вскоре у него возникли большие проблемы, и ему пришлось срочно уехать, заняв перед этим 50 тысяч, (слава Богу) рублей. Прошло полгода.

Все в голос твердили ей, что у нее не очень высокий уровень IQ (попросту дура), и что он воспользовался ее доверчивостью, что нет и не было у него никакой любви. И даже простого мужского интереса. Точнее, утверждали, что интерес был, но материального плана.

Алиса слушала, молчала и никому не верила.

Она видела его глаза. Разве Он мог так поступить с ней?

Мужчина ее мечты никогда не опустился бы до 50 тысяч рублей, в крайнем случае, до полмиллиона. Никак не меньше! А потому она продолжала ждать. Он обещал ей приехать за ней на кабриолете. Подруги смеялись, родители тайно вздыхали, глядя на нее, одиноко сидящую на подоконнике.

А она была вся в ожидании.

В ожидании чуда.

Алиса никому не сказала, что увидев платье, которое она представляла в своих грезах, купила его. Тайком пронесла в дом, чтоб не подвергаться насмешкам еще и по этому поводу...

Купила его из суеверия: будет платье, повод надеть его найдется.

Каждый вечер она садилась у окна и мечтала.

Она знала, что ее зовут "Алиса в стране чудес", зовут не хорошо. С издевкой. Но ведь и над Ассоль все смеялись, а она дождалась! Если верить в чудеса, они ведь случаются?

Правда?

Часть вторая. Лирическая

Шли дни, складываясь в недели, а потом и в месяца. Кто бы не потерял надежду на ее, Алисином, месте?

Я б, наверное, давно бросила бы ждать. Разочарованно вздохнула бы, признала б, что слишком доверчива и, к сожалению, ошиблась в нем.

Но моя героиня была совсем другая. Упорная в своих желаниях и мечтах. Вера не иссякла и через год. Она давно перестала что-либо доказывать кому-либо, молча со всеми соглашалась, но ждать, тем не менее, не переставала.

"Он придет ко мне! Я знаю!" - шептала она себе.

Конечно, она не могла не думать и не сомневаться, что это был обман, но все же, взвесил все "за" и "против" склонялась к тому, что он все же придет.

Сердце подсказывало именно это.

Алиса закрылась от всех, замкнулась в себе. Все чаще она уходила к реке и часами смотрела на воду. Неспешное течение, мелкая рябь, солнечные блики, сверкавшие на поверхности - зрелище завораживало ее.

"Милый мой, как же я тебя люблю! Если б ты только знал..." - говорила она в пустоту. Иногда вслух. Ветер уносил ее слова куда-то далеко-далеко... Она надеялась, что туда, где он. Борис должен был знать, что она не перестала ждать.

Алиса знала, что вернуться ему будет непросто. Его так долго не было. Сейчас ему очень неловко. Но если он не приходил, значит, была причина!

"Я жду тебя! Приходи!" - крикнула она однажды ночью во весь голос. Е не спалось, и она, открыв настежь окно, закричала на всю спящую улицу. До утра она не могла сомкнуть глаз. В груди было какое-то непонятное томление.

Алиса поняла, что что-то должно случиться. И предчувствие не подвело ее

Наутро в дверь позвонили. Радостная, она открыла дверь, предвкушая, что бросится сейчас ему на шею.

Рыдала Алиса очень долго. Весь день. Навзрыд. Не помогали ни уговоры, ни успокоительные.

Неделю она не встала с постели, отказываясь есть и пить. Родители уже думали обращаться за помощью к врачам, как вдруг она вышла из своей комнаты.

"Он придет за мной, вот увидите! Я просто ошиблась. Неправильно его понял. Вы говорили, что он обманул меня, что имел ко мне материальный интерес? Это неправда. Он вернул мне долг. Вернул мне с процентами. В 2 раза больше. Передал через друга. Я сначала этого не поняла. Думала, откупиться от меня хочет. А сейчас догадалась."

Алиса достала с антресолей пакет с платьем.

"Что это?" - испуганно спросила мама.

"Платье моей мечты!" - гордо ответила дочка.

"Это же св..." - начал было отец, но мать толкнула его в бок, и он понятиливо замолчал.

"Главное, что она встала!" - кричали ее глаза.

"Чем бы дитя не тешилось!" - красноречиво посмотрел в ответ он.

"Мама, надо его подготовить, скоро она мне понадобится."

Женщина согласно кивнула, боясь даже думать о возможном разочаровании. К тому же долг он вернул. И хоть это было непостижимым и не укладывалось ни в какие рамки, факт оставался фактом.

"У нас что-нибудь покушать? Я проголодалась" - сказала дочка.

Слезы навернулись родителям на глаза.

"Конечно!" - сказали они в голос и бросились на кухню.

Еще через неделю Алису было не узнать, помолодела, похорошела, в глазах заблестел огонь. Она снова ждала его, с новыми силами, с новой надеждой, воспламенившейся в душе.

Каждый вечер она усаживалась на свой подоконник и глядела в даль, любясь закатными красками уходящего дня, сумерками, плотной, темной вуалью укрывавшими город, россыпями мерцающих звезд, рисующими на ночном небе прекрасные узоры.

Она ждала так, как никто прежде, до нее, не ждал. Неистово и самозабвенно.

Она не растеряла свою, может быть, наивную веру в мечту. Не утратила детского восприятия мира. Она продолжала верить в чудо и ждала его.

Вы думаете, и я верила в него?

Кто знает, может быть и так...

Но...

Дальше все было как в сказке.

В день ее рождения к дому подъехал кабриолет. Из него вышел Он.

Мужчина Ее Мечты.

Борис, собственной персоной.

С огромным букетом полевых цветов. Целой охапкой.

Алиса любила их больше всего на свете. Простые, но очень милые ромашки, васильки и маки.

Она увидела, как он подъезжал, как выходил из машины.

Пока он поднимался, она успела надеть платье, ждавшего своего звездного часа.

"Борис! - протянул он руку, открывшему дверь отцу. - Я пришел за вашей дочкой."

"Что ж, будем знакомы. Добро пожаловать к нам! А у дочки надо спросить согласия." - ответил ему счастливый будущий тесть.

"Дочка, за тобой пришли! Ты согласна пойти с ним?"

"На край света!" - ответила Алиса.

Этот взгляд ей никогда не забыть.

Глаза Бориса расширились от застывшего в них восхищения. Он был поражен. В самое сердце!

"Я знал, что ты дождешься! - прошептал он. - Никто не верил в это, а я знал, что ты ждешь! Чувствовал! Такая любовь не может пройти."

"Не может! Я тоже знала, что ты придешь ко мне. Хотя тоже никто не верил!" - так же шепотом ответила она.

Софья Сонецкая: «В ожидании чуда»

Он нежно поцеловал ее. И отвез прямо в ЗАГС.

Подавать заявление. Видя их счастливые лица, (а также красивое белое платье), директор не смогла им отказать и расписала их собственноручно в тот же день.

Вот и не верь после этого в чудеса!

Бывают они.

Случаются.

Даже в нашей, вполне себе обыденной жизни.

Курица

Цып-цып-цып-цып! Иди сюда, ко мне, ко мне, цыпа, цыпа, иди сюда!" - Люся приманивала курицу, но так чувствовала, не шла. Давно пора было избавиться от нее. Пеструшка была наиболее частой причиной петушиных боев. Уж что они в ней находили, Лесе было непонятно. Курица как курица.

Белянка вон какая, упитанная. В самом соку! Или вот эта, Рябушка, гладенькая, ладненькая. А Пеструшка? Хромая, на глазу бельмо, а бока все ободранные. Ну любят ее петухи и все тут. Чаше других топчут. Да ладно б еще бы толк был, а то зря энергию свою тратят. Не несется она ни в какую. Хоть одно яйцо для приличия снесла. Сами подумайте, кому такая курица нужна?

Вот и у нее, у Люси, терпение кончилось.

"Сверну ей голову и всего делов!" - твердо решила она. Давно. Месяц уж как. Да все рука не поднималась. Но больно уж она ее вчера разозлила. Это же надо!

Из-за какой-то ободранной курицы, соседский петух, неизвестно как сбежавший из-под замка, заклевал насмерть ее Петеньку. Красавца, которым она, Люся очень гордилась.

И зачем только она заходила в гости, ведь чувствовала, что дома что-то неладно. Если б пораньше бы пришла, глядишь бы отбила Петюнушку своего.

Ох!

Люся тяжелехонько вздохнула и смахнула слезу.

Вспоминать было тяжело.

Софья Сонецкая: «Курица»

А эта! Курица общипанная! Ходила себе, как ни в чем ни бывало. Будто и не виновата ни в чем.

"Ух, я тебя! - злоба захлестнула волной и Люся замахнулась на нее. - Порешу! Суп сварю из тебя! На что ты еще годишься! Иди сюда по-хорошему! Слышишь? Кура ты драная, иди говорю!" Птица словно чувствовала, жалась к решетке.

Поняв, что так она ее не поймает, Люся сменила тактику.
"Цыпа, цыпа! Пеструшечка моя! Цып-цып-цып! Иди дам зернышек!"

Но никакие уговоры не действовали.

"Ну и ладно! Не хочешь по хорошему, все равно поймаю!"
Люся устроила настоящую погоню. Они носились по курятнику среди прочих кур, одна убегала, прихрамывая, вторая распахивала птиц, чтобы не наступить на них случайно. Наконец, после того, как с нее сошло семь потов, Люсе удалось схватить за крыло, которым курица отбивалась от разозленной женщины.

"Попалась!" - злорадно усмехнулась Люся.

Пеструшка жалобно посмотрела на нее, острая иглой жалость пронзила сердце Люси.

"Ладно, живи!" - сказала женщина, кляня на чем на свет стоит, себя и свою сердобольность, она разжала пальцы и отпустила крыло птицы.

"Тук" - услышала она глухой звук.

Пеструшка робко шагнула в сторону.

На соломе лежало маленькое, неровное, все в перьях, яйцо.

03.02.2018

Зазеркалье

Алена ходила на реку каждый день. Она ждала чудесное зрелище, которое бывает только в апреле.

Ждала момента, когда река, спящая с зимы, вдруг проснется, сладко потянется, растягивая затекшие мускулы, и разорвет оковы, вскроет лед.

Огромные льдины поплывут по ней, сталкиваясь и издавая хрустальный звон. До этого момента она видела ледоход всего трижды в своей жизни. Момент этот был очень быстротечен и длился иногда всего несколько часов.

Каждый день она приходила посмотреть, в каком состоянии лед. Не пошли ли по нему трещины.

Софья Сонецкая: «Зазеркалье»

Позавчера вов нем появились прорехи. А вчера они увеличились в размере, открывая целые полыньи.

Алена ехала с работы, и решила завернуть к реке, чтоб не пропустить этот так долго ожидаемый ледоход.

Весна нынче была очень странная. Март походил на февраль. Был снежным и ветреным.

Апрель же удивлял минусом, а когда появился долгожданный плюс, заплакал дождями.

Она пробежалась до набережной и взглянула на реку. Увиденное поразило ее. Она, не веря своим глазам, быстро спустилась вниз по лестнице.

Льда не было! Середина реки была свободна. Только края кое-где еще были в зубчатых обломках грязно-серого льда.

Темная вода быстро текла вдаль. Разочарование горькой волной захлестнуло ее. "Как так! Все уплыло без меня!" - сказала девушка, почему-то вслух.

Ей стало так невыносимо грустно.

Она спустилась на самый нижний ярус. Широкий гранитный парапет был пыльным. Его еще не успели помыть. Алена достала из сумки влажные салфетки, и истратив всю пачку, протерла себе место. Сидеть на нем и смотреть на воду она любила. Девушка присела и забросила на него ноги. Она обняла свои колени и поглядела вниз.

"Зазеркалье!" - ахнула она.

Там был свой мир. Он походил на мир вокруг, с одной только разницей. Все в нем было перевернуто.

Мост вершиной упирался не в небо, а в черную зловещую глубину. Отражающиеся в зазеркальном мире тяжелые серые облака усугубляли картину. Невероятная тоска охватила ее.

"Нет без него ни весны, ни ручьев, ни тепла, ни зеленых листочков." - думала она. Снег в эту весну не растаял, и не убежал звонкими ручьями, как это было обычно. Он тихонечко исчезал. Каждую ночь сугробы становились все меньше и меньше. За ночь он вымерзал. Лед же, вероятно, просто растаял. Исчез в одну ночь, как и снежный покров, так и не порадовав ее своей завораживающей красотой.

После того, как они расстались, ничего не радовало ее больше.

Софья Сонецкая: *«Зазеркалье»*

Она старалась. Правда, старалась. Но даже природа была настроена против нее.

Как жить без не него, она не знала.

Не умела она жить без него.

Темная, почти черная вода манила ее.

Магнитом. Ей хотелось камушком упасть в эту воду и раскинув руки поплыть по реке несостоявшимся ледоходом.

Она вглядывалась в пучину так внимательно, что вдруг рассмотрела и себя. Одинокая маленькая фигурка. Ей вдруг стало так нестерпимо жалко себя.

В мире зазеркалья ей было холодно и неудобно. Алена зябко повела плечами. "Нет! Я ни за что не поддамся этой тоске!" - решительно сказала она. И встала на парашют ногами. Дунул порыв резкого ветра, она слегка покачнулась, но с легкостью удержала равновесие.

"Врешь! Не возьмешь!" - весело сказала она хулиганистому задиру ветру. Девушка раскинула руки в сторону и чувствую себя буреви́стником, полетела по парашюту.

Она бежала по нему и смеялась. Редкие прохожие смотрели на нее с верхних ярусов. У некоторых замирало сердце. А она бежала и в душе ее поднималась новая волна. Волна счастья и радости. Она ликовала, наслаждаясь невиданной прежде свободой.

"Я свободна!" - крикнула она, нимало не смущаясь тем, что на набережной были люди.

Добежав до конца парашюта, она остановилась и вновь заглянула вниз. В зазеркалье.

В ответ девушка оттуда помахала ей рукой и задорно подмигнула.

"Все у меня будет хорошо! - сказала она ей. - И у тебя тоже!"

Девушка ничего не ответила, она вдруг внезапно исчезла, оставив после себя только мелкую рябь. Наверное, в этом был виноват ветер.

Но Алена не стала об этом думать. Она прыгнула с парашюта на камни набережной и тихонечко напевая что -то себе под нос, пошла на запах ароматного кофе, мечтая о чашечке капучино.

Когда она с наслаждением выпила ее, над головой сияло яркое солнце.

Софья Сонецкая: «Зазеркалье»

Вода в реке стала голубой-голубой. Алена, не веря своим глазам, заглянула вниз.

Там, над самой поверхностью, порхали две бабочки, чуть соприкаясь крылышками. Они играли друг с другом, поднимаясь все выше и выше, пока глаз не перестал различать их.

"Вот у кого, наверное, запредельный уровень свободы и счастья!" - подумала она.

Зазеркалье отражало стрелу моста, рвущегося в небесную синь, белые пушистые облака льдинами плыли по воде.

"Не надо искать счастья где-то. Она совсем не связано с кем-то, кроме себя самой!"- подумала она, и почувствовала, что не ошиблась. Счастье жило в ее душе!

Равнодушие

С ними случилось самое страшное, что только может случиться в семейной жизни. Равнодушие...

Она и не заметила, как это случилось...

Безумная любовь... Подумать только, когда-то они не могли друг без друга. Совсем. Как будто-то бы недавно, а в тоже время так давно...

Лиза присела на диван и закрыла глаза. Перед ними были его губы... когда-то они так манили ее.

Что же произошло? Когда они успели все растерять?

Потом была страсть. Дикая. Безумная. Медовый месяц, длившийся годы. А сейчас? Она толком и не помнила, когда это с ними случилось в последний раз...

Теперь они спали в разных комнатах. Ей мешал телевизор, а ему она сама. Своим существованием.

Видимо, она слишком сильно любила его и он утомился. Сначала они сильно ругались. Бурно. Громко. Потом мирились. Долго. Страстно.

После, когда Лиза почувствовала, что его чувства к ней угасают долго и упоенно страдала. Его это раздражало. И она переехала в другую спальню. Под предлогом телевизора.

И только сегодня она поняла, что это конец.

Ее душа превратилась в выжженную пустыню. Ни-че-го.

Равнодушие...

Ей стало все равно. Где он. Что с ним. Придет ли он сегодня домой.

Она заглядывала в себя и поражалась... Неужели именно так все и происходит?

Неужели именно так умирает любовь? В агониях.. в муках...

А после страшной и долгой болезни не оставляет после себя и следа...

Лишь холод в душе, да лед в сердце.

Равнодушие...

Оно оказалось страшнее любых мук.

Лиза подошла к шифоньеру и достала с антресолей чемодан.

Больше так жить она не могла.

Ни одной минуты.

Собрав все самое необходимое, она положила на стол ключи и захлопнула за собой дверь.

Эта страница их жизни перевернута.

Вперед, Лиза!

К новой счастливой жизни.

Валентин Дмитриев 2

Райское пиво
Хранилось в раю
И подавалось диво
К застолью царю .
Но черти из рая
Украли рецепт
И продали грешникам
Однажды в обед .
А стражи порядка
Злодеев поймали
И про божью тайну
Всем рассказали .
И божье богатство
Хмельной эликсир
Стало лекарством
Нам в траур и пир .

***

Задушевную беседу
Проводить надо с пивком ,
Тогда всякая проблема
Станет сущим пустяком .

***

Пиво сказочный напиток
Из отборного зерна –
И мужчин он привлекает ,
Как черноморская волна .

***

Закуски многовато ,
А спиртного маловато –
Под такой закусон
Пиво надо бы вагон .

***

Кружка пива не вредит
Нашему здоровью ,
Что позволяет говорить
О пивце с любовью .

***

Кружка пива для беседы
 Непременный атрибут
 Её после работы
 Обязательно берут .

***

Кружку пива с шапкой пены
 Любят дамы и джентльмены
 И которого ведро
 Получить хочет нутро .

***

Один глоток
 Пивца хмельного –
 Словно подарок
 От господса самого .

***

Пиво от стресса
 Советуем всем ,
 Чтобы со здоровьем
 Не было проблем .

***

Пиво напиток
 Для взрослых мужчин
 Желающих выпить
 Без всяких причин .

***

Пиво стресс
 Поможет изжить –
 Если повеса
 С ним будет дружить .

***

Отсутствие пива ,
 В режиме питания –
 Будет причиной
 Недомогания .

***

Кто попробовал разок
 Пиво на досуге –
 Для того и часок
 Без напитка мука .

***

Если выбор предстоит
 Выпить пиво или спирт ,
 То конечно без сомнения –
 Дадим пиву предпочтение .

***

Кружка пива улучшает
 За обедом аппетит
 И влюблённых приглашает
 Повторить визит .

***

Нам не нужен литр водки –
 Дайте пива нам глоток ,
 Промочить сухие глотки –
 Мы хотим на посошок .

***

Заведение пивное
 Приглашает молодцов
 Поднимает настроение
 Им на несколько часов .

***

Пиво это не вода ,
 А напиток бодрости
 Его дамы, господа
 Выпивают в радости

***

Пивная любовь
 Не кончается кружкой –
 Пока до краёв
 Не наполнит с подружкой .

***

Количество пива
 Зависит от качества –
 Если соответствия нет ,
 То пиву наносится вред .

***

Без всякого преувеличения
 Пиво у населения
 Стоит на первом плане –
 Когда они находятся в бане .

***

Не брани меня родная ,
 что я пиво полюбил
 И зарплату дорогая
 Всю на пиво просадил .

***

Мужчинам без пива жить –
 Наказание непомерное
 И надо Думе отменить
 Своё решение скверное .

***

Пиво попробуешь
 Только глоток
 И сразу почувствуешь ,
 Что ты уж знаток .

***

Завод «Балтика» и «Вена»
 Приглашают джентльмена
 Описать пиво в стихах ,
 Что осталось на губах .

***

От пива не хмелеют ,
 А только толстеют –
 Раздувая живот в ширь ,
 Как какой – нибудь пузырь .

***

Счастье это не что иное
 Когда пьёшь пивцо хмельное –
 Имеешь денежек мешок
 И девчонок кучу впрок .

***

От кружки пива
 Хмель легка ,
 Она не свалит мужика .

***

Любовь и пиво
 С одного раза
 Пристанет , как зараза .

***

Любовь и пиво
Вещь что надо
И для любителей отрада .
***

От кружки пива ,
С шапкой пены ,
Захмелеешь после смены .
***

Сохраняет пива вкус
Нам бочонок карапуз .
***

Пиву не грозит забвение –
Этого не допустит население .
***

Кружка пива и обед
Неразделимые на век
***

Пиво с рыбкой и рачком
Пейте с дамой вечером .
***

Кружка пива на обед
Игнорирует запрет .
***

От пива пьян не будешь ,
Но определённый кайф получишь .
***

Обед без пива ,
Что баня без мыла .
***

Пиво это не вода ,
А хмельной напиток
Никакого нет вреда
От парочки бутылок.
***

Когда был я карапуз
Любил кашу и арбуз,
А немножечко подро-
С появился к пиву спрос.
***

Люблю пиво и огурчик
И девичий поцелуйчик
И хочу их каждый день
Получать на трудодень.

***

Не появятся любовь
Опосля похмелия
Потому что испарилось
К тебе уважение.

***

У фонарного столба
Есть теперь опора-
В виде пьяного соседа,
Мужика Егора.

***

Кружка пива на обед
Гарантирует сто лет.

***

Жизнь немыслима без пива,
Без рюмашечки в обед,
Без огурчика, селёдки
Под холодный винегрет.

***

Предпочтение отдаём
Нашей русской водочке
И регулярно её пьём
За столом по стопочке.

***

Жигулёвское пивцо
Пьём из грязной кружицы
То, которое завод,
Черпает из лужицы.

***

Наливайте до краёв
Чарочку медовую
Её выпью за любовь
И девушку бедовую.

***

Если милый на свиданье
Придёшь выпивши хоть раз
Тогда будешь в наказанье
Целовать противогаз.

***

Алкаша в ГАИ забрали
Доктор нюхал перегар
И от пьяного угара
Даже в обморок упал.

***

Доля сладкого дурмана
Омрачит рассудок мой,
Когда выпью из стакана
Зелье это раз-другой.

Пикус Светлана**ЧАШКА**

Он сказал:

- Ты – ночь...

Она вслед:

- Ты – Солнце.

Он в мечтах:

- Луна...

Вновь она:

- Ты – день ясный.

Совсем раннее утро. Еще до рассвета. В квартире темно, лишь свет уличных фонарей не дает полной невидимости предметам, населяющим комнаты. За кухонным окном бледно желтеют клены, окутанные утренним туманом. Влажный асфальт, влажные листья, на аккуратных клумбах появившиеся бурые головки астр. Небо серым чехлом висит на крышах домов напротив, слегка поднимаясь, следуя стрелкам часов.

У окна тепло. В тонкой батистовой сорочке, босыми ступнями на деревянном полу стоит простоволосая фигурка, следит за движениями ветра в предрассветном дворе. Гнутся молодые опавшие рябины, качается забытый мяч на детской площадке...

Любимый дом, любимый двор. Он мучает своей ненасытной любовью, путает мысли, не отпускает. Находит тысячи причин, чтобы остановить, поменять решение, подрезать крылья.

Сила сопротивления почти на исходе. Нина разворачивается в направлении брошенного на постели вязаного пледа. Ложится. Нос в подушку. Колени к груди. Необъяснимая территория комфорта. Секунды несутся. Толчок. Ясность.словно кто-то невидимый расчистил серую пыль и вдохнул теплое солнце. Бегом в душ. Наконец закрыт собранный накануне чемодан.

Знакомая дорога в аэропорт. Вдоль разведенных мостов, по длинной набережной, меняющей свое название. По притаившемуся городу, полному снов. Комедий и трагедий. Драм. Лучистых связанных сердец.

Противоречивые мысли вновь пытаются укусить, но калитка прикрыта.

Это все город.

Сила гранита. Золотое сияние куполов. Желтый, охра, голубой. Случайно или намеренно цвета Питера?

Царственность в небеса. Мудрость с благословения Вселенной. Сильный город для сильных отчаянных людей.

Что же такое сила?

Сила воли, сила духа. Мечты. Первой встречи. Расставания...

Понять, принять, взять, отдать. Суметь полюбить, суметь отказаться от любви.

Одно понятно. Сила сильна, когда внутри есть близкий человек, сила – защита, сила – оберег. Сила слабеет, уходит в одиночестве, одиночеству она не нужна, она обиженно спит. Сила растет в милосердном деянии, в заботе, в искренней любви. Любовь дает невероятную, бесконечную силу. словно клетки производят во сто крат больше энергии. Энергии светлой, чистой, нерукотворной. А еще надежда. И вера... В жизнь.

***

Аэропорт – это дружба. Разных лиц, разных сословий. Все перемешались в одной точке. Mix. Шейкер. Встречи-пересечения глаз, откровенные разговоры абсолютных незнакомцев. Кофе, сэндвичи, круассаны одинаковы для всех. У каждого свое время. Час, два, три... После, в зависимости от расписания, аэропортовцы выпрыгивают из этой точки единства, каждый за своим блюдом, будь то домашнее или любопытно-туристическое. Но все же она была, эта точка смешения тонких тел. Усреднение. Некий человеческий баланс в малом замкнутом пространстве. Аэропорт украл главную идею греков – идею Олимпийских игр. В этом мире – мир.

Перед взлетом раздают сосульки. Кисло-сладкие. Любимое

лакомство детей, стариков и пассажиров авиалайнеров. За спиной молодая девушка повторяет молитву. Стюардесса-красавица инструктирует по безопасности. Дети. Детям интересно все. Какая скорость взлета, зачем прячутся шасси, какова толща облаков, через которые придется пробираться самолету, чтобы достичь необходимой высоты, согласно выделенному коридору-маршруту. Взгляд Нины - на крыло, на цветные осенние березы. В них смешаны краски лета и ожидание белого снега. А ей туда, где еще долго тепло.

Кончик крыла направлен вверх. Перпендикуляр между землей и небом. Красно-белая стрела. Всего несколько минут и стрела прокалывает густые облака, и длинные крылья неспешно парят в открытом небесном океане. Слегка поворачиваясь, наклоняясь, издавая разные звуки. Убаюкивают.

***

Этот уже другой вечерний аэропорт встретил утомленными остатками тепла, мягкого, прохладно-ветреного. Жаркий день прикрывал глаза.

Долгая дорога к морю в сумерках пестреет от обилия только что созревших мандаринов в желто-зеленой кожуре, гранатов, бесконечных садов, упакованных яблоками и сливами. Горным серпантином, покрытым зелеными иголками кедров, спускается к морю. На поворотах мелькает синька воды, и Нине порою кажется, что там внизу не открытое море, а огромное озеро, окруженное лесистыми горами, а между гор, в самом центре, скалистый остров вырос из воды стражем-защитником крошечной вилладж, приютившейся в глубине долины, рассекающей горы поперек живописной бухты.

Не так давно долина была покрыта апельсиновыми садами. От самого берега моря цвели оранжевые деревья. Яркие вызревавшие плоды прятали несколько мощных улочек с белыми известняковыми домами и домашнюю мечеть. Сейчас эти скромные улочки, прижатые к горам, скрыты туристической застройкой. И все же, пусть теперь уже не такая тихая, долина сохранила свое очарование. Прозрачность морской воды, швейцарский пейзаж, петушиные распевы.

Вход в вилладж открывает архитектурный фонтан на широкой каменной стене. Сверху донизу в стену вживлены раковины. Словно лестница

со ступеньками или лабиринт-кроссворд. Когда-то по раковинам струилась вода. Переменами, эмоциями, разговорами, слезами. Течением жизни. Старые дома где-то полуразрушены, где-то отреставрированы. Ставни, лавочки, кашпо разных форм и размеров у белоснежных ступенек выкрашены в синеву. Во дворах отдельной постройкой стоят большие печи, смешные, венчающиеся красными рогами. Печи давно используются не по назначению. Где-то ремонтная, где-то швейная мастерская.

Море, небо, дома, облака. Все вокруг синее и белое.

В центре, вернее, там, где когда-то был центр, намоленная сила, глубоко корнями живет древний чинар. Седой, широкий, богатырской наружности. Быть может, посажен в эпоху Византии добрым человеком, быть может, раньше. Священное могучее дерево, с густой разбросанной кроной, спасающей от зноя, изящно вырезанной листвой, нежно-зеленым стволом. С возрастом вбирает в себя пространство и становится все шире, шире, до необхватности. Ветхая верхушка давно срезана, большие дупла по всему стволу приютили крылатые тела птиц, а ветви-правнуки, пра-пра-правнуки зеленеют, тянут прародителя и род свой радостно к небу. Такая дивная мощь единства многих поколений.

***

Быстрое заселение в любимый отель. Молниеносно надет купальник. Торопливые шаги к позднему лунному морю. На зависть недоумевающих англичан, голландцев, бельгийцев заплыв до буйков и обратно, отдав всю себя воде и приняв ее благодарную любовь. Обнимаясь, целуясь, крича все, что только придет в голову, очень-очень соскучившись.

Поужинать и спать. До лиловой зари.

Утро нового дня выдалось пасмурным. Серые взбитые облака на высоком небе юга. Всю ночь штормило. Шумные волны отвлекали от крепкого сна даже после утомительной дороги. Тепло и влажно. Хлопкового кардигана вполне достаточно, чтобы укутаться и пойти по вымощенной десятикилометровой набережной от гор до гор в сопровождении утренних запахов, разгуливающих кукарекающих птичьих семейств, нежного рассвета. Навстречу новому молодому улыбающемуся солнцу.

По утрам набережная не пустует. Активные отдыхающие ходят, бегают, объезжают бухту на велосипедах. Глоток воздуха и здоровья для

утомленных городской безумно-беспокойной жизнью отпускников. Кусочек гор, пальм, трав.

После прогулки утреннее купание. Раннее море тихое, еще не разбуженное окончательно. Прозрачное. Косяки мальков неспешно снуют туда-суда среди замерших кустистых водорослей. Девственный прибрежный песок тронут лишь легкими следами ночных птиц. Все в ожидании многоголосия. Вне вдохов и выдохов. На остановке дыхания.

За купанием завтрак натуральными йогуртами, сырами, сахарным арбузом, медом, медленно ползущим по пчелиным сотам, воздушными булочками с разными вареньями: айвовым, клубничным, черешневым, виноградным. На краю стола долгая чашка, незаметно наполняемая заботливой рукой, черного кофе с теплым молоком вперемешку с исписанными блокнотными страницами, книгами. Студенческая привычка просиживать за чашкой кофе с книгами неистребима, это уже сложившийся генотип для последующих поколений. Кофе каким-то удивительным, одним ему известным методом, способствует усвоению материала.

Кофе. Это такая мягкая сладость со сливочной текстурой желтых плодов с плантаций Бразилии. Винный, с острой кислинкой, пряный аромат с Кенийского дождливого экватора. Сложный фруктово-ягодный вкус от частных ферм Сулавеси Индонезийского края, глубоко чтящих свои традиции. Бархатный, нежный, с ароматом жасмина и экзотических фруктов, самый высокогорный в мире кофе Ямайки из больших деревянных бочек.

Шоколадные зерна можно ругать, находить в них ненужность, бесполезность, затем снова реабилитировать. Пить - не пить... Любить — не любить... У Нины всегда было оправдание в пользу пить и бесконечно любить.

После велосипедный тур по узким улочкам, волосами путаясь в фиолетовых, рыжих, сливовых цветах, периодически останавливаясь у яблочных россыпей. Дорожки между домами черны от осыпающихся разбросанных оливок, над заборами на ветвях гранаты ярче солнца. Яркая палитра на фоне белоснежности известняка, выцветающего октябрьского неба. И хочется отдаться этим красным гранатам, смолистой хвое, щипучей соли в бархате воды. Впечататься.

Это - счастье. И хочется ходить и говорить об этом счастье всем, направо и налево, вверх и вниз. Кричать, кричать о том, как же здорово, что есть возможность замкнуться в этой уютной роскоши и растянуть во времени прекрасные мгновения. На семь новых солнц, семь утренних долгих чашек кофе, семь входов в предрассветное море.

***

Белоснежная фарфоровая окружность. Чистая замкнутая лента с фотографическим офортом, выполненным кофейным песком. Старая-старая мудрость. Искусство увидеть, прочувствовать, почитать шоладно-белый рисунок. Живопись, наполненная символами, образами, картинами прошлого, настоящего, будущего. Сродни холстам примитивистов, абстракционистов, футуристов...

Стоял август того другого лета.

Нина сидела в открытом деревенском кафе за простым деревянным столом у смолистого кедра, что рос на холме, повисшем над узкой полосой желтого пляжа. Вечернее море тихо отдыхало. Отдыхало и солнце. Только запахи становились все более пряными, собрав в себе жар, шум, эмоции минувшего дня.

Разрисованная синевой маленькая чашка стояла перевернутой на блюде. Остывала кофейная гуща. Это ритуал. Восточный кофе недостаточно просто пить маленькими глотками вприкуску с ледяной чистой водой, хочется повоображать, посозерцать над густым остатком. Вместе с морем окунуться в застывший мотив внутри белой окружности. Поразмышлять.

Черноглазая пожилая женщина с густыми вьющимися волосами сидела в уютном плетеном кресле на цветастой подушке и тоже созерцала над вечной водой, ждала звезд и луны, ждала воспоминаний. Губы проговаривали слова и фразы, на глади полной луны ресницы рисовали огненное танго. Азартно-пытливое, заинтересованное состояние Нины отвлекало ее от себя, от себя в прошлом. Она стала наблюдать за девушкой, ее сомнительным для европейки намерением. Глубокие эмоции заставили включиться. Ей захотелось поговорить с белокурой молодостью языком чашки, поделиться тем искусством, которое знала с детства.

Не отпуская взглядом море, женщина неспешно поднялась, прошла между столами и мягкой рукой с изысканным морщинистым рисунком дотронулась доньшка чашки. Остывший фарфор. Пришло время перевернуть. Глубокие оливковые глаза сосредоточенно взглянули внутрь. Остановились. Расплылись теплом. Внимательно прошлись по кругу. Поднялись в озерные глаза Нины.

- Что там?

- Два сердца. Одно здесь, у моря. Другое там, вдали, где родина.

Там... Да, там все понятно. Родные люди. Дружная семья.

Что здесь? Здесь солнце. Бриз и море. И два сердца, вероятно, означают два любимых места? Две силы, что дают дышать и жить.

Два сердца – две наполненные чаши водой из родников. Имперско-северного и солнечно-соленого.

- Два сердца. Как понимать? Быть может две дороги? Что то пересекаются, то сходятся – расходятся, то параллельны...

- Да нет. Два сердца. Пламенных и чистых. Две плоти. Нежных, добрых, сильных. С любовью в вечности. Заботятся и ждут.

- Трезвучие? Аккорд?..

Посчитав разговор исчерпанным, черноглазая колдунья нырнула в ночь, оставив логическую часть ума Нины в абсолютной растерянности.

***

Он ждал.

Изредка писал, боясь оказаться навязчивым и отверженным. Ждал всю весну, все знойное лето. Посылал снимки моря, ярких цветов, густых кедровых гор, необжитых островов. Заманивал. Ночная работа способствовала размышлениям, тихие разговоры со звездами вселяли надежду. Время то бежало, то останавливалось передохнуть, как задумчивый вечер, как ее быстрые стопы.

Сильная тонкая мужская плоть изредка может рыдать в одиночестве, но если она знает и чувствует, если сердце зовет и зовет, укорачивая невидимую нить, если руки ждут, губы ждут, глаза не устают фотографически воспроизводить образ того мимолетного оригинала тенью на листе, на каменной стене, в белого вина бокале – все случится.

Тогда случилось все молниеносно. Пара ничего не значащих фраз. Обмен сетевыми именами. Две чашки кофе за одним столом под нависшей круглощечкой луной.

Образ Нины ошеломил его. Он увидел в ней женщину, не похожую на других, иную, существовавшую лишь в воображении. Он увидел в ней и ребенка, и сумасшедшее существо, и очаровательного серьезного независимого человека противоположного пола. Вдруг быстрая. Потом тихая, как ветер, как маленькая птица, летящая ввысь, к недостижимой свободе. Бабочка-принцесса с глазами цвета моря. Он увидел в ней себя.

Милая бабочка улетела.

Он ждал.

***

Лето – это персиковое настроение. Бархат. Яркая сочная сладость. Оранжевая мягкость в воздушности. Веселые панамки, соломенные шляпки, горячие пятки, бронзовая обнажённость, едва прикрытая горошками, полосками, цветами. Беззаботное, откровенное, безусловное.

Октябрь любит неслышные шаги вдоль шумного прибоя, с остановками, ловя ладонями пену игривой волны, пальцами созревшие пальмовые плоды. Нет желания прятаться в воде – зноя нет. Нет желания неистово крутить педали водных велосипедов, тренировать серфинг, виндсерфинг, парасайлинг. Октябрь любит свежие яблоки и уют.

Вечерами море сверкает алмазами, порхающими по поверхности огоньками, покорными велению необъятной водной стихии.

Вечер желает встречи. Пересечения этого нынешнего года. Осеннего. Как у поэтов.

Сильный любящий мужчина всегда знает, что делает. Он никогда не говорит: “Может быть”. Он говорит: “Тебе будет хорошо со мной. Попробуй”. Это - магнит.

То была не встреча. То была прогулка близких родственников. Со знаком равенства. Глаза, тактильные ощущения, эмоции. Тожждественность. Одновременная температура.

Прогулки.

По старой вилладж, пытаюсь обхватить чинар в четыре руки. По средневековой крепости с музейными сокровищами. Среди эллинских ваз, античных скульптур без рук, без ног.

Кружения у воды. Карабканья по скалам. Чтоб свысока полюбоваться яхтами, мчащими катерами, рыбацкими раскрашенными лодками и рыбаками в них: рыбаки то гребут активно веслами, то задумчиво сидят с удочками, то, лежа на спине, отражают небо в зрачках. Поискать сияние Кассиопеи. Послушать хор цикад, а в перерывах тишину безветрия.

Он рассказывал.

Есть город. Между морем и горами. Один из полководцев Александра Македонского построил его и назвал Антиохия-на-Оронте. В те давние времена по реке Оронте шли караваны торговых кораблей, а вокруг расцветали плодородные земли. Город рос и хорошел. В Римскую эпоху продолжал развиваться и слыл одним из крупнейших городов империи. Мощеная плитами из мрамора длинная главная улица, вдоль нее фонтаны, бассейны для купания. Театры, дворцы и виллы богатых жителей. Почти в каждом доме – водопровод. Именно Антиохия стала благодатной почвой для распространения христианства. До наших дней в горной пещере на окраине города сохранилась христианская церковь Святого Петра. Сегодня здесь музей. Но раз в год в день Святых Петра и Павла проходит служба, на которую собираются христиане всех конфессий. Место паломничества.

Богатство, прекрасный климат, удобное расположение города на путях торговых приводило к осадам и захватам в разные времена. Крестоносцы, сельджуки, мамлюки. Затем надолго город вошел в состав Османской империи с новым названием Антакья. Так называется он и сейчас. Мечети, православная церковь, католический храм, синагога. Еще не так давно говорящая на разных языках детвора на улицах. Мирное сосуществование среди апельсиновых садов.

Узкие улочки Антакьи сохранили безглянцевую прелесть былых времен. Кое-где стоят старые дома и особняки, изгибаясь фасадами вслед изгибам кривых улиц. Археологический музей Антакьи бережно хранит бесценную коллекцию античных мозаик римского и византийского периодов, некогда украшавших виллы и дворцы богатых горожан. Недалеко от Антакьи проходит знаменитый шелковый путь.

Антакья славится своими натуральными шелками, гранатовым соусом, мылом из листа лавра. А еще прекрасной кухней. Всевозможные овощные блюда, тушеные, маринованные, на гриле, интересные закуски,

необычное сочетание блюд с цитрусовыми, специи, травы. Ну, и конечно же, десерты. Самый незабываемый – кюнефе. Рецепт прост: тонко нарезанное тесто фило заворачиваем в ломтик свежего мягкого сыра, затем пропитываем в сахарном сиропе, посыпаем измельченными грецкими орехами и - в духовку или тандыр. Медом тает во рту.

Нина слушала и погружалась туда, где мозаики, словно сама складывала картины. Луну и солнце. Любовь и цветы. Сердце не убыстряло свой ритм. Сердце таяло. Десертом.

Антакья – его город. Он похож на аэропорт. И так хочется, чтобы он был близнецом аэропорта. Среди хлопковых долин, плодовых садов, перелетных аистов, в шторм и зной. Древний город Мир.

Север и юг, запад и восток – это наш мир. Мир дружбы, любви, счастья. И пусть два сердца как две дороги. И пусть аккорд красивый, сильный. Пусть встречи. Расставания. Пересечения, которые помогают стать лучше.

Нина ощущала такую наполненность, которую страшно расплескать, которой не хочется делиться, эгоистично закрыть на замок дверь своей комнаты и быть с этим.

В октябре над Антакьей летят аисты. Словно ангелы. Белыми крыльями укрывают небо. Здесь коридор миграции. Летят на зимовку в Африку. Туда, где тепло и пища. Из года в год по одному и тому же маршруту. Не отклоняясь, не сбиваясь с пути. В памяти заложена генетическая информация, программа передвижения. При передвижении ориентируются на звезды, Солнце и Луну, очертания гор, шум водопадов, магнитное поле Земли. Иногда останавливаются передохнуть, если ориентир сбит, если вдруг тучи или новолуние. Белые, чистые, верные.

Бабочка улетела.

Он уехал в свой город. С надеждой на новую встречу. В другое время. В другом месте. А может, и там же... Не изменяя маршрута.

Ким Барссерг

Пуймурсал

Пробираясь сквозь зеленые заросли бесконечных кустарников и дикорастущих соцветий я вышел на берег огромного озера, вдоль которого, в ложбинке между двух сопок, зеленеющих на фоне ярко-голубого неба, вольно раскинулось село Ачан. Утопая в изумрудной зелени, деревянные щитовые домики всем своим основанием крепко-накрепко вросли в родную нанайскую землю. И только крыши с металлическими дымовыми трубами, в тандеме с деревянным распятием электрических столбов, гордо возвышались над водной гладью озера.

Свою историю село Ачан ведет с того момента, когда древний нанайский род Ходжер основал свое родовое стойбище на берегу озера Болонь, а позже, русские мореходы и землепроходцы построили рядом со стойбищем небольшую крепость и назвали острогом. С того времени прошло более трёхсот шестидесяти лет. Нанайский народ до сих пор живёт в гармонии с природой и благодаря природе, поэтому, День рыбака в селе — это основной праздник селян. В этот воскресный июльский день, когда рыбаки и рыбацкие бригады съехались на берег озера Болонь, для получения удовольствия от активной рыбалки, я и приехал в село Ачан. Целью поездки была попытка отыскать следы моего брата Фима, уехавшего на заработки в это далёкое нанайское село, в местную бригаду родовой общины на заготовку рыбы и икры.

«Интересное село, Ачан», — почему-то думалось мне, — «наверное, это место притяжения многочисленных этнографов, лингвистов, собирателей фольклора, и не только желающих рыбачить, а того и хуже — браконьерствовать. Действительно, здесь удивительным образом сохранился язык, старые нанайские песни и ритуальные танцы, обряды и, всё это стало возможным из-за отдаленности села от цивилизации, от крупных городов, от вмешательства в жизни селян официальных властей. Здесь, как бы произошла консервация этнического мировоззрения нанайцев. Да и к тому же, им помогают в сохранении своей идентичности особо сакральные места, окружавшие это национальное село — священная гора Одзял, оберегающая от злых духов, мыс Нергуль — оберег, река Амур, которую нанайцы называют Мангбо и озеро Болонь. На берегу этого чудесного озера рыбаки, и охотники просят промысловой удачи, сюда приносят дары и обращаются к духам, молясь на счастье и благополучие», — я остановился на тропинке, ведущей вниз, к озеру, созерцая удивительную красоту дикой природы.

«Ачан», в переводе с нанайского — «Встреча» и встречаются здесь, особенно в День рыбака, по всем национальным канонам. Чтобы праздник удался, сначала нужно совершить древний обряд «кормления воды» у Священной горы Одзял, чему я и стал свидетелем — так здесь поступают местные рыбаки и охотники. В этот праздник жители делают «араки» и наливают своеобразный горячительный напиток в какую-нибудь лодочку из бересты вместе с рисом и рыбой, и просят удачу, здоровья. Но вопреки моим ожиданиям, этот дармовой горячительный напиток оказался не для внутреннего употребления, а вместе с порцией рыбы и риса, лодочка с араки отправилась в плавание для умаствивания духов по водам болонского озера. В это же время меня оглушил звук барабанов — местные жители в национальных костюмах с силой стали стучать деревянными колотушками в огромные шаманские бубны, которые представляли собой обыкновенный кусок кожи натянутой на деревянный обруч. В этот добрый день все желающие могли прямо на берегу отведать национальные блюда, что я незамедлительно и сделал, так как был голоден после утомительного путешествия. А вот, мерятся силой с нанайскими богатырями, представителями села Ачан, в таком виде спорта как «перетягивание каната», я не стал, хотя желание было, так как знал точно, что «победит дружба». Но более трёх столетий назад на этой земле дружкой и не пахло, скорее порохом. В середине 17 века Ерофей Хабаров со своими товарищами вступил на берег озера Болонь и заложил Ачанский городок-острог. Не все аборигены были рады пришельцам и вместе с маньчжурами пытались атаковать и взять это укрепление. Весной 1652 года маньчжуры выслали под Ачанский городок большое войско, хорошо вооруженное огнестрельным оружием. Завязался жестокий бой, который окончился полным разгромом маньчжур. Это было более трёхсот лет назад, зимовье и чумы давно сгорели и превратились в прах, не оставив никаких следов, а сейчас, в Ачане, на празднике Дня рыбака, сражаются только драконы. Я с удивлением созерцал, как на сцене летней площадки происходила костюмированная схватка двух водных драконов — светлого «пуймура» и тёмного. Схватка была не шуточная и символизировала борьбу добрых и злых духов, где верх, по межнациональной традиции одержали силы добра.

— Здравствуйте, уважаемая! — Обратился я к пожилой рыбачке, стоящей на берегу у самой воды, — а как мне найти здесь одного человека, Ефимом зовут или просто — Фим? Я брат его, Сева, ищу уже много лет — пропал, неслуху от него, не весточки.

— Не знаю дорогой, не здесь ты ищешь, нет у нас тут такого человека. Ефим, говоришь? Нет, не слышала. Не в рыбацких бригадах, не среди приезжих, нет такого человека, видимо какой-то Злой дух решил подшутить

над тобой. Что я могу тебе сказать, чем помочь? Разве что... А подойди-ка ты к Священной Горе Одзял и попроси Добрых духов, только хорошо попроси, чтобы они помогли тебе найти твоего брата, или вот ещё, здесь, в наших краях недалеко от села, в километрах десяти, вон за той сопкой... Видишь? Живёт Шаман, давно живёт. Сходи милый человек к нему, он посмотрит на звезды и что-нибудь тебе расскажет о твоём брате. Он очень сильный Шаман, раньше многие к нему ходили, но сейчас не ходят, бояться.

— А почему бояться? — Спросил я пожилую рыбачку.

— Он другой человек, не из наших мест, — ответила она, — не из нашей родовой общины. Да и предсказания его всегда сбываются, и не всегда самые хорошие, вот и боятся люди, — женщина замолчала, задумалась и перевела свой взгляд с меня на зеркальную гладь озера.

Почесав затылок, я медленно побрел вдоль озера, по берегу, туда, где почти у самой воды росли одинокие деревца: березы, да осины — этакое редколесье, вокруг которых небольшими группами, заняв круговую оборону, окопался крыловидно-широколистый папоротник. Когда-то дикие места, сегодня были уже освоены цивилизацией и, поэтому, то там, то здесь, возникали небольшие по площади, вытопанные ногами и укатанные машинами плазы с грудой старой золы, с хлыстами осин, поперёк которых колотые плахи были сбиты между собой в импровизированный стол. Рядом, вкруговую, попадались небольшие пни, на которые можно было присесть и отдохнуть. Оглянувшись, я кинул прощальный взгляд на нанайскую деревню; во дворах сушили только что пойманную рыбу, разведя под ней дымокур — спасение от насекомых. Широкие пластины рыб сушились на ветках деревьев — это для собак, для себя же, нанайцы делали юколу — резанную тонкими пластами, которую сушили тут же. Тонкая, она быстрее высыхала, а значит, не портилась и могла храниться год, два. Мой взгляд зацепился за частокол неказистых нанайских дворов, где стояли ритуальные столбы, которым поклонялись язычники и просили прощения и блага, культовые изображение духов-помощников шамана бучу и маси, с помощью которых оживлял Шаман душу, лечил болезни, просил удачу в охоте и рыбалке. Шаманы были неотъемлемой частью жизни коренных народов — доктор лечит болезни, а Шаман лечит душу, находит потерянную и возвращает в тело.

— Да, обряды и ритуалы в этой деревне ещё были живы и, видимо, передавались из поколения в поколение, потому что, их главная цель — почитать природу и не навредить ей, а значит и себе! — Громко, на весь лес высказался я, как будто в назидание потомкам.

Как говорили аборигены: «нарушишь закон природы, природа накажет вдвойне — выше природы ничего нет на свете!»

— Дяденька, Вы зачем кричите? — Услышал я рядом чей-то детский голосок, — всю рыбу распугаете.

Безвестный небесный дирижер взмахнул своей серебряной дирижерской палочкой, и мощные капли дождя гулко застучали в огромный барабан озера. Тонкие звуки флейты Додолы, мелкими трелями перекликались с шорохом листвы. Где-то высоко в небе зазвучали громовые басовые ноты заоблачных литавр. И вот, на фоне янтарного неба, я узрел нескончаемый поток живой воды, источаемой нежный яд всепоглощающей любви ко всему растительному миру. Сквозь эту призрачную водяную призму, я заметил размытый силуэт нанайской джугди Шамана. В центре, из металлической трубы шёл дым, который, почему-то, ветер сносил в сторону, противоположную той, в которую гнулись тонкие стволы приозерных ив. Я подошёл как можно ближе, к небольшому костру возле бревенчатой джугди, сложенному колодцем из поленьев, внутри которого, несмотря на дождь, пламенели сучья древесного сухостоя. Вблизи костра восседал на пне огромный бородатый мужчина, в длинном черном халате с белыми отворотами на рукавах. В левой руке он держал металлический предмет, похожий на глубокую тарелку, а правой, сжимал деревянную палочку, которой водил по краю металлического сосуда, наслаждаясь заунывно-протяжным звуком. Иногда, кинув палочку себе на колени, непродолжительно поигрывал на зажатом во рту музыкальном национальном инструменте. Варган издавал резкие неприятные звуки, похожие на словосочетания: «о-ё-ё-ё, о-ё-ё-и». Я остановился, спрятался за дерево, наблюдая за ритуалом Шамана. Поиграв на варгане, Шаман взял в руки огромный бубен неправильно-округлой формы, по периметру которого, в торце, из-под натянутой кожи резко выпячивались шпангоуты деревянного каркаса. Затем, наклонив бубен к костру, он несколько раз провел им поверх огня, нагревая кожаную мембрану. Огромной пятерней, сжав большую колотушку, покрытую мехом неизвестного животного и развернув бубен ободом к груди, с самого низу, от края, потихонечку, шаман начал выстукивать рисунок какого-то ритмичного нанайского танца. Звук бубна был низкочастотный и глубокий, перекрывающий раскаты грома. Попеременно постукивая колотушкой, то в кожу бубна, то по ободу, Шаман постепенно создавал разнообразный по тональности ритмичный рисунок, завораживающий слух, вводящий в мистический транс. Раскачиваясь из стороны в сторону, я услышал наводящий ужас рык, горловое пение — это Шаман завыл низким утробным голосом, срываясь в конце фразы на звериное рычание. Когда он повернулся ко мне спиной, моему взору представилась

тыльная сторона шаманского бубна — простая конструкция, где в обод был встроены крест из оструганных прямых веток деревьев. От верхнего уреза креста, слева и справа были натянуты нити, возможно, жилы какого-то животного, на которые крепились металлические колокольчики различных размеров. Шаман то приподнимался всем телом, то опускался вместе с бубном практически в костёр, и медные колокольчики мелодичным тремоло вплетались в нарастающее протяжное форте кожаной перепонки огромного бубна. Шаман долго, против часовой стрелки, раскручивался над костром, разгоняя, а может, наоборот, созывая духов. Это, со стороны, напоминало какой-то дикий ритуальный танец. Вдруг, неожиданно, я вздрогнул — удары Шамана колотушкой в бубен стали резкие и быстрые, движения его стали стремительны и отрывисты. Он, то отклоняя бубен от себя, то прижимая к сердцу, вращался вокруг костра. И, в какой-то момент, я попытался разглядеть его лицо, но увидел лишь на голове необычный шлем, сделанный из перьев и шкур, и нижнюю часть лица, повязанного черным ритуальным платком. Я услышал его резкие и громкие, часто повторяющиеся слова: «ка-ха, ка-ха», после которых, Шаман остановился, как вкопанный, глядя куда-то далеко за горизонт, держа перед собой обезволенный бубен. Затаившись, я заворожено смотрел на необычное действо, погружаясь в собственное сознание с мантрой звуков священного шаманского камлания.

Долго смотрел я на это священнодействие и в необычных движениях Шамана мне почудилось что-то знакомое, давно забытое из детства, из ночных плясок возле костра. Я пристально вгляделся в новоявленного Гуру, танцующего возле костра, и мне показалась знакомой сутулая спина, и до боли знакомыми угловатые движения новоявленного Шамана. Мысленно я переодел его в гражданскую одежду. И вдруг отчетливо понял, что это ни кто иной, как мой родной брат Ефим. Я сделал два шага вперед из-за дерева и громко крикнул:

— Ну, здравствуй, брат! — Фим даже не вздрогнул, настолько был поглощён своим священнодействием.

Я подошёл к брату и обнял его за плечи. Он долго, невидящим взглядом, вслепую смотрел мне в глаза, затем, его выражение лица стало более осмысленным. Почувствовав родственную душу, Фим наклонился к моему лицу, как бы изучая, и, что-то заново открывая для себя, спросил:

— Сева ты? Откуда? Какими судьбами здесь? — Глаза его стали вдруг неожиданно-влажными от переизбытка чувств.

— Брат, я долго тебя искал. Ты исчез неожиданно после того, как похоронил Дашу, даже твои взрослые дочери не могли мне сказать, куда ты пропал. Они говорили, что у тебя был сильный стресс, и ты начал беспорядочно

Ким Барсберг: «Пуймурсл»

пить, а затем, они положили тебя в психиатрическую больницу на лечение. Что же такое с тобой случилось, Фим, расскажи мне?

— Да, Сева, я очень плохо помню тот период. Моя память урывками воссоздает картины того времени. У меня была такая душевная боль, что мне даже не хотелось жить. Я часто прокручивал в голове дурные мысли о смерти, искал ее, и, напиваясь до беспамятства, неожиданно для самого себя завел знакомство с бичами, ворами и алкоголиками, среди которых находил за бутылкой водки какое-то сочувствие и понимание. В хмельном угаре боль отступала, а утром начиналось всё сначала: я искал деньги на очередную выпивку. Потихоньку вынес из дома всё, продал и пропил практически все ценные вещи, начиная с телевизора, кончая посудой и столовым серебром, пока не угодил в психиатрическую больницу. Не помню как, но дети настояли, чтобы я пролечился там, около месяца, может быть немножко меньше — это дорогое удовольствие. Спасибо дочкам, они заплатили за лечение. Меня пичкали какими-то таблетками, снотворным. Первую неделю я, вообще, практически только спал. Затем начал осознавать то, что происходит вокруг: вместе с психами ходил на завтрак, на обед и ужин. Знаешь, я вдруг почувствовал, что они нормальные люди, такие же, как я, испытавшие горе и сильное душевное волнение, в результате которого помутился их разум. Они ничем не отличались от обыкновенных людей и только, в период какого-то стресса и душевного волнения, когда чувства проникали в память и вытаскивали оттуда, то, что лучше было бы никогда не помнить, кричали по ночам, бились в истерике. Когда ночами я уже не мог уснуть, выспался на год вперед, подходил к зарешёченному окну и смотрел в черное небо, по которому, как мне сначала казалось, хаотично сияли яркие звезды. Я любовался ими. Со временем, мозг мой стал что-то вспоминать из курса астрономии, и я мог уже эти звезды классифицировать, вспоминая: «вот Большая Медведица, вот Малая, вот созвездие Гончих Псов, вот она — Луна-красавица». Как тоскливо было смотреть на это ночное светило, особенно в полнолуние. Чтобы отвлечься, я начал читать книги по астрологии, которые по моей просьбе приносил мой лечащий врач. А потом, поняв механизм астрологических прогнозов и зная, под каким созвездием родился тот или иной человек, я начал предсказывать судьбу, и мне, почему-то верили и называли меня «звездочетом». Хотя какое-то занятие нашёл я в стенах этой больницы. Затем, меня выписали с улучшением. Я не стал кодироваться, а, вернувшись, домой, понял, что могу опять попасть в это общество потерянных людей, где я оказался после душевной сильнейшей травмы, когда ушла в мир иной Даша, жена моя — «Царствие ей Небесное!». Я, никому не говоря, уехал сюда, в рыболовецкую бригаду, как бы на вахту. Ты знаешь, что определило мой выбор? Перед этим, я случайно прочитал заметку в газете, что в районе озера Болонь упал метеорит. Может, это была какая-то

шутка, газетная утка, не знаю, но меня это очень заинтересовало. Я подумал, поеду сюда, поработаю на заготовках рыбы и икры, поищу этот метеорит. Здесь, в бригаде — сухой закон, и ты знаешь, я разумом с благодарностью его воспринял; тяга к вину исчезла, как и головная боль от вечного похмелья. Притупилась в памяти боль утраты и мой мозг, и моё душевное состояние перешло в другую реальность, в которой я сейчас нахожусь. Мне стало интересно жить, хотя со стороны может показаться, что живу я здесь довольно-таки странной жизнью шамана-отшельника.

— Слушай, Фим, почему мы стоим с тобой возле этого костра и говорим здесь такие серьезные вещи? У деревьев тоже есть уши.

— А, действительно, Сева, пойдем, покажу тебе свою джугди, — Фим хлопнув меня бубном по плечу, указал свободной рукой на свой жилой бревенчатый короб с двухскатной берестовой крышей.

Я взял брата под руку, и мы зашагали к его временному жилищу. Откинув полог, Фим пропустил меня вперед, и я вошел внутрь, очутившись в полумраке жилого пространства, полутемном прямоугольном подобии жилища Фима. По центру стояла огромная металлическая труба, с пригнутившейся небольшой металлической печуркой, от которой по периметру дома влево и вправо отходили две горизонтальные трубы, закольцованные в главную вертикальную «дымовыводящую» трубу. На печи стоял чайник и уже практически закипал, посвистывая облачком пара из узкого носика запарника. Каркас шпангоутов крыши свежеструганными жердями соединился поверху единым металлическим кольцом, сквозь которое проходило жерло дымовой трубы. И печь, и труба стояли на щебеночном основании, отсыпанном прямо по сырой земле, а вокруг них, всё пространство было обложено вкруговую большими речными окатышами, чтобы случайная искра не попала на шкуры, разложенные по окружности джугди, которые, скорее всего, были принесены нанайцами в дар Великому Шаману. Я мельком оглядел внутреннее убранство жилища Шамана и заметил:

— Аскетично ты как-то живёшь, Фим, не по-нашему, не по-шамански.

— Видишь ли, Сева, я здесь в основном только ночую...

— А в остальное время что, бродишь по лесу и пугаешь нанайцев?

— Да нет, Сева, про то, что я делаю, расскажу в другой раз. А здесь: мясо сушится, полки с запасами на зиму, да и так, по мелочи...

— Ты, как абориген, прям, живёшь и спишь под шкурами. Всё завешено шкурами, даже пол завален ими.

Ким Барссерг: «Луймурсел»

— Не весь пол, вообще-то он отсыпан щебенкой и только кое-где, по фэншую, лежат медвежьи шкуры. А брезент полога приоткрыт для света и свежего воздуха — видишь, я его подпер деревянными брусочками, смотри, брат.

— Вижу, а накомарник, это чтобы комары не смогли пробраться в твою джугди и испить голубую шаманскую кровушку?

— Все-то ты понимаешь, Сева, только придуриваешься, а я тут перед тобой стою и распинаясь. Хотя, если честно, это не классическая джугди, построил из чего было.

— Ну, тогда давай присядем.

— Давай присядем, Сева.

Мы присели на деревянные чурбаки, стоявшие вместо стульев вокруг огромного деревянного чурбака-стола. На столе в хаотичном порядке чьей-то небрежной шаманской рукой были расставлены оцинкованные кружки, и красовался выдавший виды китайский термос с белыми иероглифами на красном корпусе.

— Фим, я вот что-то не пойму, ведь большинство Шаманов являются врачевателями, но ты же не врачеватель?

— Сева, ты пойми, Шаман, это ещё и видящий. А «видеть» происходит от слов «ведать, знать». Поэтому, Шаманы могут заниматься предсказаниями.

— Могут заглядывать в прошлое и будущее других людей?

— Да!

— То есть, ты хочешь сказать этим, что можешь заниматься ясновидением, что тебе открываются происходящие события в настоящее время, в прошлом и будущем, и в реальных различных местах?

— Да, Сева. Шаман живет между различными реальностями, он посредник между двумя мирами и управляет силами духов с одной-единственной целью — помочь людям. Вот я, например, путешествую в Нижний Мир и, встречаясь там с духом-хранителем, советуюсь с ним. Это и есть предсказание. Дух-хранитель дает мне ответы на вопросы, которые я ему задаю. Иногда, путешествую по необыкновенным местам Нижнего Мира и те переживания, которые я, как Шаман при этом испытываю, и есть ответы на поставленные вопросы. Ведь, я же это совершаю по чьей-то просьбе, чтобы узнать, что было с этим человеком в обычном мире, в прошлом, что с ним произойдет. Вот, рыбаки, когда собираются на рыбалку, всегда спрашивают

у меня, а повезет ли им? Если, пролетая, кабы в облаках над их местом рыбалки, вдруг у меня что-либо начнет болеть, то я не советую им плыть рыбачить, говорю, что случится беда, их лодка может перевернуться. Один раз они не послушались, так и случилось. А для своих лечебных целей, я собираю различные предметы в так называемый «узелок силы», и вот эти предметы, найденные мною в процессе мощных переживаний, особенно важны. Храню я эти предметы, которые обладают Шаманской силой в шкуре дикого животного. Вон, видишь, лежат на медвежьей шкуре, в противоположном от нас углу джугди.

— А покажи, Фим, эти чудодейственные предметы.

— Мне нельзя хвастаться перед тобою ими и слишком много говорить о чудодейственной мощи этих предметов, они могут утратить свою силу.

— Так ты что, Фим, настоящим Шаманом заделался? Сам-то веришь в это всё!

— Ты выслушай меня, Сева, шаманами не становятся, и не рождается — это Зов предков, может быть даже очень далеких предков. Я, вот, чувствую, что у нас в роду когда-то давно были шаманы. Это моё будущее было предначертано, оно еще было predetermined в младенчестве.

— Ха-ха, в младенчестве, когда за курицами-несушками гонялся? Какой Зов предков, Фим, ты подумай. Кто у тебя дед был? Путиловский рабочий! А бабка, всю жизнь в огороде копалась, всех кормила, всех на ноги подняла. Тоже, Шаманка?

— Я же, Сева, не подозревал о своём предназначении. А потом пришло время и понимание, и я стал шаманом, но, перед этим, я прошел долгий болезненный путь — такая стена между мной и миром встала после смерти Даши, что я уже хотел за нею вслед пойти, в Нижний Мир, безвозвратно...

— Не знаю, Фим, до меня дошли слухи, что ты злоупотреблял Огненной Водой, вот и встала стена перед тобой и всем миром. Когда употребляешь Огненную воду, а она имеет такое свойство, что, если, однажды выпьешь её, то потом зовёт, зовёт за собой и не отпускает, пока разум, собственный разум не скажет самому себе: «стоп это страшно, это небытие!»

— Сева, я покончил с Огненной Водой в одну секунду, когда принял решение: «мне нужна вода простая, без огня», разум воспринял это, дал команду телу и мозговым центрам, и всё. Да, конечно, я мучился, требовалось гасить огонь по ночам, он бушевал во мне, в моей душе, скажу так, ни один месяц. Но, потихонечку пламя погасло, превратилось в искорку, а затем, просто в пепел, пепел всех воспоминаний. Только он помнит всё, что было

Ким Барссерг: «Луймурсэл»

на самом деле, и знаешь, возникла потребность работать, нужно было чем-то заняться. Я пытался что-то делать, на садовом участке стал работать, дожидаясь сбора урожая. Созрели груши, яблоки, виноград, опять черт надо мной посмеялся: вот она, груша «паданка», снова эти бутылки с вином и брагой, Я чуть было не вернулся опять к этой огненной воде, но вовремя спохватился. Веришь или не веришь, но у меня сейчас здесь стоит литровая бутылка водки, и ничего! Побрился опасным лезвием, протер лицо Огненной Водой, заболело ухо, закапал. Пальцы ног протираю, чтоб не было грибка. На голове стали появляться какие-то наросты, спиртом протираю их, а желания пить нету. Я остыл к этой Огненной Воде. Стал задумываться над словами: «когда-то придёт время, и человек должен будет взять свой дар».

— Действительно, Фим, это была для тебя стена, ты дошел до крайней точки.

— Так-то оно так, но это была ещё не самая последняя точка. Я долго размышлял над всеми этими событиями и пришел к какому выводу, что к шаманизму человек приходит через страшные неудачи, болезни и страдание. Вот я и проводил обряд поклонения предкам, перед тем как ты пришел ко мне, чтобы несчастья не повторялись. Самое главное, когда приходят люди ко мне, я, как шаман, остро чувствую человека с грязной энергетикой, а от неё надо уметь защищаться. Хотя, честно, защищайся, не защищайся, грязная энергетика повсюду проникает. Всё равно она тебя заденет, достанет, не словами, так взглядом, действиями, отношением. Поначалу, все вот так и было, как я рассказываю, но приобретая опыт, я научился защищаться от негативного воздействия, иначе я не стал бы шаманом. Самое главное для Шамана, это обряд посвящения. Обряд придает силы, порождает душевное спокойствие, даже от болезней исцеляет с использованием определенных атрибутов, защищающих от нехорошей энергии.

— Да ты что? Фим, ну-ка расскажи, что у тебя за атрибуты такие, которые защищают тебя?

— Посмотри туда, видишь, это мой большой круглый Амулет? А не заметил ли ты, какой он тяжёлый? Но, я всё равно его вешаю на шею — это главный амулет. А вот, мой Шаманский Бубен, видишь, с тыльной стороны колокольчики, это всё тоже являются атрибутами, которые чистят энергетику. И, самое главное, когда всё это вместе и при мне, я произвожу камлание определенными обрядовыми действиями — ставлю защиту от негативного воздействия, чищу энергетику человека и открываю ему дорогу. А, самое главное, запомни, я возвращаю человеку заблудшую душу!

— А я думал, к тебе обращаются только за советами, просят удачи на рыбалке, здоровья для себя и своих близких, когда лучше жениться в этом году или вообще никогда.

— Сева, ты в этом глубоко ошибаешься. Ты знаешь, в чём причина всех наших заболеваний, Сева?

— Догадываюсь, люди не занимаются спортом и не могут освободиться от вредных привычек, ну, ещё ругаются, подрывая психическое здоровье...

— Не в этом причина, Сева. Ты вообще не прав. Послушай, вот сидишь ты, например, в саду, задумался, может быть даже о чём-то хорошем. И, в этот момент, рядом резко что-то упало, или залаяла собака и ты, Сева, в этот самый миг пугаешься, и вот оно горе — пробивается твоя Энергетическая Оболочка, через дыру в которую улетает душа, это и называется «Похищением Душ». Это самая главная причина очень многих депрессий. А как только душа улетает, человек становится беспомощным, вялым и вот тут только Шаман может помочь — провести обряд по возвращению души в тело человека, есть такой обряд.

— Неужели, Фим, на всё есть обряды?

— Да, Сева, на всё есть обряды, абсолютно на всё. После этого, человек преобразается и это сразу становится видно. Как только у него начинают блестеть глаза счастливого человека, появляется энергия, вкус к жизни и, самое главное, упорядочивается сон, он выздоравливает, вот так-то, Сева.

— Фим, я не знал, что быть шаманом, это твое духовное призвание, твоё состояние души, да такое, что уже обратной дороги, наверное, нет? Ты же взял на себя ответственность за всех этих людей, живущих вокруг, за судьбу тех, на которых ты воздействуешь своими обрядами.

— Не знаю, Сева, может быть да, а может быть нет. Те, которые прошли обряды очищения хотя бы один раз, уже начинают осторожней относиться к своей энергетике. Самое главное для меня, это первый контакт с человеком, а дальше, он устанавливается, как бы, по «умолчанию». Не могу же я взрослым мальчикам и девочкам постоянно подтирать сопли.

— Фим, может, ты мне дашь какой-нибудь совет, так сказать, блюдо от шеф-повара?

— Совет от Шамана? Ха-ха, Сева, давать какой-то один совет на все случаи жизни, занятие, можно сказать, неблагодарное. Не могу же я всем гипертоникам посоветовать: «езжайте на море, дышите целебным морским воздухом, собирайте целебные травы и они принесут вам облегчение».

А вдруг мне попадетсЯ какой-то астматик. Я посоветую травы, а ему ещё хуже станет. Для каждого человека совет может быть строго индивидуальный. Вот, у тебя сейчас конкретно, что болит?

— Конкретно, когда я говорю сейчас с тобой, ничего не болит.

— А ты прислушайся к себе, к своим внутренним ощущениям.

— Ты знаешь, я скажу вот что, у меня болит затылок, шея, тянет в области груди, да и в спине какая-то острая боль наметилась. Вот, ещё и позвоночник в районе поясницы, как бы защемляет, иногда, с неприятными ощущениями.

— Я могу тебе сделать облегчение.

— Каким образом?

— Ну, ладно, раз ты мой брат, я тебе всю теорию выложу. Смотри, все твои болевые ощущения сосредоточены практически по одной линии, вдоль твоего позвоночного столба. Боль может отдаваться в сердце или в легкие по нервным различным ответвлениям, но, проблема одна — позвоночник. У тебя идёт защемление нервных окончаний в межпозвоночных дисках. Я не врач, и не могу говорить научными терминами, я это просто чувствую, а если точнее, вижу это насквозь. И, ещё предчувствую, что буквально сейчас, за один сеанс вылечу тебя от головной боли.

— Это точно?

— Точнее не бывает.

— Давай, действуй, я согласен на любой эксперимент.

— Ну, тогда подходи к перекладине, видишь, там, где у меня хворостяной каркас крыши.

— К этой?

— Да, Сева, и становись прямо по ней. Подними подбородок чуть-чуть вверх и, сейчас, одну минутку, подожди, Сева. Так, подожди, где у меня это? А, вот он! Вот, у меня ремень из меха волка: широкой стороной, мехом вовнутрь, середину ремня накидываю тебе на затылок. Помнишь, как раньше пионерские галстуки повязывали?

— Да, помню, Фим.

— Только ты не завязываешь этот галстук, а берёшь за две половинки ремня кулаком левой руки и упираешься лбом. Вот, чувствуешь тепло

в затылке? Хорошо, широкий меховой ремень, весьма приспособлен для этого. Слушай меня, другой, правой рукой перекидывай концы ремня через эту перекладину. Перекинул, Сева?

— Перекинул, мучитель.

— Не мучитель, а эскулап. Теперь, приподнимайся на цыпочках и несколько раз намотай концы ремня через эту перекладину. Намотал, брат мой недужливый?

— Намотал, эскулап сельпошный.

— Так, теперь правой рукой держи концы ремня, чтоб они не провернулись, а сам, начинай потихонечку опускаться всем телом вниз, только медленно, расслабленно. Опустился? Вот-вот... можешь подгибать колени, если не хватает высоты для растяжки. Самое главное, чтобы позвоночный столб у тебя был всегда расслаблен, не напрягайся.

— Расслаблен, Фим, но у меня хрустнула шея, слева...

— Это нормально, всё нормально, резко опускаться не надо. Постой немножко, отдышись. Какие ощущения?

— Фим, у меня, посередине, впереди, в грудной клетке, какая-то боль появилась.

— Вот, видишь, это начинает вытягиваться твой позвоночник. Сейчас все твои защемления будут освобождаться.

— Послушай, Фим, у меня сзади хрустнуло что-то, в районе горба.

— Это не горб у тебя там, Сева, это, там, у тебя крылья сложенные расправляются.

— Хрустнуло, опять хрустнуло...

— Вот, хорошо, позвоночник расслабляется потихонечку.

— И долго мне так стоять?

— Нет-нет, минуты две, от силы, потом сам будешь эти упражнения делать, потихонечку, увеличивая время. Так расслабляйся, расслабляйся, Сева, расслабляйся. Необходимо, чтобы позвоночник у тебя и поясница провисли полностью.

— Ай, Фима, у меня потянуло поясницу.

— Ничего, пусть позвоночник растянется, там ничего хрустеть не будет, там дальше, уже, седалищный нерв вытягивается из защемления в туннельном проходе тазобедренной кости. Ещё повесишь?

— Нет, тяжело дышать.

— Всё, теперь отпускай ремень из левой руки, поднимайся, потихонечку. Встань в полный рост, расслабься и посмотри на меня. Ну, что?

— Что, «что»?

— Ну, скажи, какие у тебя ощущения?

— Прохрустело всё, блин, чего-то там стрельнуло, что-то вытянулось...

— Ты, главное, скажи мне, голова у тебя болит?

— Голова, хо-хо? Нет, не болит, абсолютно нет никакой боли.

— Вот, видишь, Сева, к каждому человеку надо подходить индивидуально.

— Фим, ты скажи мне, я конечно всё понимаю — уходить от реального мира, проводить различные обряды или, как ты там их называешь, «камлание», это, же, надо выйти из этого реального мира? Я чувствую, что ты как-то искусственно вводишь себя в определенный транс. Может быть, ты для этого специальные мухоморы ешь?

— Небольшое употребление галлюциногенов, Сева, порождает не Безумный бред, как ты думаешь, а обусловленное состояние, которое открывает явственные образы в предначертанной форме, несущей определенную правду, то есть, перспективы духовной жизни.

— Зарождалась Весна, и раскрылись твои ведические способности. Ты, Фим, я смотрю, поклонник Карлоса Кастанеды.

— Я не поклонник, но читал его книги и знаю, что он прошёл психиатрическую обработку колдуном племени Майя, и в этих книгах изложил свой опыт из романтических переживаний при столкновении с магической реальностью — изнанкой привычного мира.

— Ефим, я понимаю, что иногда практикуется вхождение в гипнотическое состояние для того, чтобы найти потерянный ключ, например, или, многие говорят, выходят во сне из тела и странствуют по всему миру.

— Да, все то, что вокруг нас, мы называем реальностью, Как говорит Кастанеда, это лишь культивируемый социальный, ну, будем говорить, определенный способ видения мира. Другой, один из возможных способов видения мира, это, когда Шаман, как гипнотизер, создаёт альтернативный мир, манипулируя восприятием. Да, Сева, это называется «видением», то есть, постижение мира посредством чисто-изумлённого восприятия. Это изумление и есть постижение этого мира, но не реальное видение мира — изумленное или магическое, так сказать, но оно не является окончательным, а постоянно меняющимся и человек, как бы скользит между этими двумя мирами, останавливает в сознании и рассматривает его, погружаясь в изумленное созерцание.

— А возможно, ли, без мухомора воспринимать мир по-другому?

— Да, конечно, всё возможно. Любое употребление вот этих галлюциногенных или психотропных средств расшатывает уверенность в адекватности восприятия, только и всего, поэтому, никакие мухоморы не помогут остановить мир. Альтернативное описание мира возможно только магией. Я, например, мог спокойно, без всяких галлюциногенов разговаривать со своей собакой.

— Да ты что, Фим, не может быть?

— Да, Сева, от одиночества возникает потребность общения, настраиваешься на одну волну с собеседником в порыве глубокого душевного отчаяния, так что и с собакой начнешь разговаривать.

— Я тебя понимаю, Фим, только это может быть грань умопомешательства?

— Не совсем так, это состояние души, тоска по общению с живыми существами, а мухомор, как галлюциноген, я иногда использую, конечно, чтобы видеть изнанку реальности и постигать другой, невидимый Нижний Мир в своей шаманской практике. Они дают мне простор для проявления и познания внутренней жизни.

— Ну, а ты как, брат...

—Я? — Меня прорвало, захотелось выговориться родному человеку, — я так устал от этого одиночества, брат, от постоянной заботы о себе. От необходимости выживать, искать деньги на пропитание, от бесполезного подбадривания со стороны друзей стандартными вопросами: «Ну как ты там? Всё нормально? Держись?». За что держаться, чем держаться, если руки опустились и в душе не осталось ничего — ни любви, ни ласки, одно только сострадание, да и то не к себе, а к своим близким, живущим где-то,

Ким Барссерг: «Луймурсл»

и нежеланием лезть в их отлаженный быт со своими личными проблемами. Да, еще, эта дальневосточная зима, холодная, снежная... Постоянно хочется согреться, выпить горячего чаю, помыться с удовольствием под горячим душем или в тёплой ванне, с душистым мылом. Смыть с себя всю эту многомесячную грязь, расчесать до крови коросты на голове, появившиеся от постоянного отсутствия простой горячей воды и мыла, прижечь их йодом. Душа уже трётся на пределе. С каждым днем в сознании возникает один единственный вопрос: «Что делать, что делать, как выжить?» Не вижу никакой перспективы. Наложить руки на себя? Это не по-христиански, надо собраться с силами и терпеть. Да я только и делаю, что всё время собираюсь с силами и терплю. Рвануть бы по бескрайней России куда-нибудь на Запад — страшно. А, что там впереди? А, как всё бросить здесь? Этот топчан со спальным мешком, да тёплый масляный обогреватель, в который по вечерам уткнувшись лицом и немного согревшись, засыпаешь без снов. Забываешься на два-три часа, а потом вскакиваешь и с каким-то исступлением смотришь на весь этот бетонный мир, в который закопался по своей собственной прихоти, отрезав себя от всего остального мира. Завести знакомство с любимой женщиной? Да где же её найдешь, любимую и всё понимающую, без денег, без положения в обществе? Стыдно, стыдно, что довел себя до такого состояния, а ведь я неплохой специалист и разбираюсь во многих науках, но в руках уже нет той силы, а есть только желание лечь поспать, набраться тех самых сил, проснуться и что-то сделать полезное. Неимоверным усилием воли потратить все свои физические и душевные силы на это самое полезное, но никому ненужное и снова лечь поспать, отдохнуть, привести себя в порядок. Эх, в баню бы сходить, эх сходить бы в баню! Да не на что — так дорого стало всё, так всё стало дорого! На что живу, практически не понимаю на что? Надеюсь на случайные заработки в интернете и всё, то, что там зарабатываю, приходится тратить на тот же самый интернет, на хлеб, да ещё на сигареты. Бросить курить? Это уже выше моих сил! Единственная радость в жизни осталась — курить и думать, думать и думать, что делать дальше. Может быть, подвернется какой-нибудь счастливый случай, подвернется какая-нибудь удача? Может быть, где-нибудь на перекрестке двух судеб, я случайно встречу с ней, с той единственной и желанной? И она, посмотрев на меня, на секунду замрет, и в её глазах прочитаю, что Я тоже Ей нужен? Неважно какой, абсолютно неважно какой, лишь бы была отзывчивая душа и понимание. Понимание того, что мы вместе сможем преодолеть все тяготы и тягости жизни, выстроить какую-то, необходимую нам двоим радостно-совместную жизнь, пробиться сквозь лишения и, на старости лет, найти утешение друг в друге, озарение в любви и нежности, соединившись двумя любящими родственными душами. А затем, в прошествии лет, вместе, тихо и мирно предстать перед создателем:

Ким Барссерг: *«Луймурселл»*

«Здравствуй, Боже! Вот мы и пришли. Прими нас такими, какие мы есть, не побрезгай простыми людьми!»

— Эко тебя прорвало, брат, успокойся, мы встретились, и значит не всё так плохо.

— Ты про Венгрию вспоминаешь, Фима?

— Постоянно, расскажи, Сева, как ты съездил тогда в Москву, в командировку. По приезду в Будапешт ты так занят был той девушкой, как ее... Энико, что я понял, тебе было не до рассказов.

— Да, это точно, а потом и не до воспоминаний стало. Да, кстати, ты помнишь, в прессе начали задавать вопросы, типа: «в каком направлении утекло золото партии?», так вот, мне кажется, та командировка была из той же оперы.

— Да ты что?

— Точно, точно, брат. Я только сейчас начинаю кое-что понимать.

—А сейчас ещё и вспоминать, — Фим положил свои теплые ладони поверх моей головы, и седая память перенесла меня в воспоминаниях на тридцать лет назад...

...Мы зашли с Энико в мою квартиру на третьем этаже по улице Ракоши. Всегда весёлая и жизнерадостная, она, молча, уставилась на унылый интерьер жилища, в котором я когда-то проживал, затем, прижавшись ко мне тихо спросила:

— Что, Сева, всё, уезжаете?

— Да милая — ответил я и увидел, как потускнели ее зрачки и заблестели глаза от наплывающих слёз.

— Ну, ну, подожди. Ты что? У тебя глаза на «мокром месте». Жизнь на этом не заканчивается — она, может быть, только начинается. Я просто уезжаю — меня переводят в Союз, на Украину, где буду дальше служить.

— Я понимаю, — ответила Энико, — но мы же больше не сможем с тобой видеться? А я так привыкла к тебе!

— Ну почему не сможем, сможем, твой папа работает в Москве, он мне говорил. Ты разве не можешь к нему приехать, а мне до Москвы на поезде одна ночь?

— Смогу, конечно, смогу. Так мы с тобой еще увидимся?

— Увидимся, конечно, и не раз увидимся.

— Слушай, Сева, где у тебя вся мебель?

— Где? Ну, как где, сдал ее в КЭЧ.

— Даже присесть негде.

— Пойдём, посмотрим, где мы можем усесться.

Мы зашли в мою комнату — она была абсолютно пустая: не было не солдатских кроватей, не тумбочек, не телевизора. Только возле стены стояла гитара и лежала на полу моя морская шинель в скатку.

— Вот видишь, Энико, шинель, сейчас я расстелю, и мы с тобой посидим, поговорим, прощаемся.

Я расстелил шинель на полу возле стены, достал из пакета бутылку венгерского вина «Котнари» с длинным горлышком, распечатал её и, как учил Лёха по прозвищу «Веник», средним пальцем правой руки с усилием продавил пробку в глубину бутылки. Энико с удивлением посмотрела на меня.

— Что смотришь, Анна, как я управляюсь с пробкой?

— Ты знаешь, я не удивилась. Я знаю, что у тебя есть смекалка, просто не думала, что ты такой сильный?

— Я сильный, очень сильный, но в тоже время и нежный, не забывай.

— Сева, ты всё шутишь? Я серьёзно — мне грустно, знаешь, мне грустно расставаться с тобой.

— Ты что, в меня влюблена, что ли?

— Не знаю, Сева? Это не любовь, это скорее, какое-то чувство защищённости, когда я рядом с тобой. Мне хочется почему-то стать сразу маленькой девочкой, прижаться к тебе, чтобы ты меня защитил от всех невзгод в этом мире.

— Моя ты маленькая, — я обнял Энико за плечи и она положила свою легкую головку на моё плечо.

Я почувствовал запах ее волос с каким-то далеким мускатным ароматом только ей присущих духов. Мы сидели на офицерской шинели, вытянув ноги, рядом стояла бутылка «Муватлар-Котнари».

— Давай Анна, выпьем за отъезд.

Я взял бутылку, сделал глоток и передал ей. Она посмотрела мне в глаза и сказала:

— За твой отъезд, Сева, — и тоже сделала глоток.

— А теперь, говори: «давай выпьем за твой будущий приезд», — я опять сделал глоток вина из этой длинной оригинальной бутылки.

— Когда он ещё будет, этот твой будущий приезд, но я тоже за него выпью, — Энико сделала большой глоток вина.

Я почувствовал, как ее тело немного расслабилось, и меня перестала тревожить ее мелкая дрожь.

— Теперь, в знак нашего союза, давай с тобой поцелуемся.

— Давай, Сева.

Мы долго и беспомощно целовались, наслаждаясь близостью, друг с другом. Я чувствовал ее пряное дыхание, запах ее тела, запах волос, и она мне показалась таким близким, дорогим и беззащитным человечком, что мне действительно захотелось защитить Энико от всех невзгод в этом беспощадном мире. Но, я сказал совсем другое:

— Знаешь, Аня, ты не дури, это сейчас чувства играют в тебе, а жизнь, она устроена сложнее, по-другому. Она гораздо грубее и жестче. Тебе надо закончить институт — это главное. Вот, получишь диплом и можешь ехать на специализацию в Россию — там я буду точно рядом с тобой.

— Да, может быть ты прав во всём. Надо доучиться в институте, а папа хочет меня отправить на специализацию в Америку, к маме.

— А что, мама в Америке живёт? — Удивленно переспросил я Энико, — я думал, что у вас полная семья?

— Да, у нас семья неполная. Отец с мамой разошлись, когда я поступила в институт. Она уехала в штат Айова с братом моим, Майклом, он младше меня, а я с отцом здесь осталась заканчивать институт.

— Так подожди, когда отец работает в Москве, ты что совсем одна остаешься в Будапеште?

— Да, Сева, совсем одна в этой огромной квартире, в этом огромном городе.

— И у тебя нет никаких друзей?

— Сева, о чем ты говоришь, конечно, есть друзья у меня — сверстники мои, но мне с ними не интересно, скучно.

— Я понял, тебе интереснее с взрослыми мужиками общаться?

— Ты неправильно понял меня, Сева, и с взрослыми мужиками мне не интересно, занятно быть с тобой, не знаю почему. Хотя, мои сверстники эрудиты и говорят на разных языках, и разбираются в современном мире, в политике, но они холодные в душе, как земноводные. Вот от тебя веет теплом...

— Тебе просто Аня не хватало любви родителей, не хватало любви матери, не хватало любви отца, еще и подолгу живешь одна, а тут подвернулся я, вот и прикипела.

— Может быть и так? Всё может быть, ведь люди тянутся к людям.

— Слушай, это наш с тобой прощальный вечер. Мне нужно будет завтра уезжать.

— А где твой брат, он же с тобой вместе живёт?

— Брат где-то гуляет, вечером придёт — калымит или чем-то торгует, я не знаю.

— Всё, я должна что-то сделать такое, чтобы ты меня не забыл.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты меня сделал женщиной, своей женщиной, понимаешь? Я этого не боюсь и говорю тебе откровенно. Ты думаешь, что я студентка ничего не понимающая? Я многое понимаю, я уже на последнем курсе, скоро выпускаться буду, поэтому не бойся, даже если будет ребёночек, я буду только счастлива — он будет от тебя.

Во мне боролись разные чувства: одно чувство было нежности к этому человеку, которая захотела со мной близости, так как очень любила меня, второе чувство такое, уже кажется нехорошее, поганое чувство, чувство обладать красивой женщиной, а третье чувство — я не знал, как мне поступить. Своим предложением она меня поставила в тупик.

— Я не знаю, что тебе ответить, — с затруднением выговорил я, — наши отношения с тобой слишком святы для меня, чтобы в один момент испортить их, и я не хочу, чтобы ты об этом пожалела.

— А ты не думай, Сева. Пусть наши тела подскажут друг другу...

Она вытянулась на моей офицерской шинели, посмотрела на меня, улыбаясь, и протянула навстречу руки, как бы приглашая к себе...

Фим провел руками по моей голове, массируя в области гипоталамуса, и в мои воспоминания вкралась другая картинка...

...Я и начальник строительного участка в Секешфехерваре капитан Юра Тищенко, притулившись возле огромных гусениц дизельного электрокрана, вели между собой неторопливую беседу, ожидая подвоза дорожных плит марки ПД.

— Везунчик, не успел из одной командировки приехать, как тебя уже посылают в другую, да еще куда — в Москву, в столицу и, тем более, не на поезде трястись, а самолетом — прямым рейсом Тёкель — Чкаловский.

— Дружище, ты меня немножко неправильно понял, это оттуда я буду лететь с грузом на самолёте, а в Москву, как обычно, на поезде «Будапешт — Москва».

— И когда командир сказал тебе ехать в Москву?

— Как когда? Сказал, что пока подъезд к этому дому не смонтируем из этих аэродромных плит, в командировку не поеду. Здесь, по проекту, мы должны были делать бетонный выезд и делали бы его дней десять, вот я и предложил заменить монолитный бетон дорожными плитами, которых у Разумовского на ЦМС видимо — не видимо. Смотри, как лихо получается. Ты мне плиты подвез на КамАЗе, я краном плиту снял, смонтировал — рядом вторую, уже получилась площадка шесть метров на три. А сколько времени мы бы бетонировали? Так что за сегодняшний день планирую всю дорогу плитами выложить.

— Сам придумал, Сева? — Спросил меня Юра, — хитро придумано.

— А то! У нас на Дальнем Востоке без смекалки ничего не построишь. Ну, где этот твой КамАЗ-панелевоз, почему они так долго грузят машину? Кран простаивает.

— Не переживай ты, куда спешить? Технология отработана, уложимся в срок. Да, кстати, а зачем тебя в Москву посылают, вроде бы войска будут выводить, а мы все строим и строим, по инерции что ли? — Юра снял фуражку, с ностальгией посмотрел куда-то вдаль и распушил свой непокорный чуб легким движением руки московского аристократа.

— Я тоже не знаю, зачем строим? Скорее всего, для того, чтобы освоить выделенные деньги по смете. Понимаешь Юра, мне нужно из Москвы

самолетом привезти дизельную электростанцию для аварийного освещения нашего центра управления в Будапеште.

— Сева, тогда тебя долго придется ждать из Москвы. Я, как «подданный Московии», советую: возьми с собой волшебный ключик, который открывает все двери и желательно не один, а полный чемодан этих ключиков.

— Что за ключики? — Я заинтересованно посмотрел капитану в глаза.

— Попроси у командира денег и купи чемодан всяких вкусностей, типа: шоколад, вино, молочный и шоколадный ликеры, бонбоньерки с конфетами. Только тогда ты преодолеешь все бюрократические препятствия на своем пути, а иначе никак.

— Я тебя слышал, капитан.

— А вот и наш КамАЗ с плитами, за которые ты переживал, Сева.

— Все равно, такая организация труда меня напрягает. Здесь по прямой до ЦМС максимум полкилометра, а КамАЗ рейс делает за час, так мы далеко не уедем, нужен второй плитовоз.

— Хорошо, Сева, распоряжусь, будет тебе еще один панелевоз.

Бойцы-стропальщики зацепили железобетонную плиту крючками подкранового «паука» за монтажные петли, как раз в тот момент, когда на горизонте появилась машина командира УНРа.

— Постой, Юра, никуда не уходи. Сейчас придется докладывать Жутину, о том, что мы сегодня сделали и почему до сих пор ничего не сделано.

— Хорошо Сева, встречаем командира.

— Иди, докладывай, начальник участка, я следом...

Машина командира остановилась в аккурат возле дизельного электрокрана. Командир не относился к тем военным, которые считали, что чёрная «Волга», это негласный символ власти, поэтому ездил на машине бежевого цвета, несмотря на то, что машины желтого и бежевого цветов в армии считались символом плезира. Полковник Жутин вышел из машины, пригладил рукой волосы и надел фуражку, натянув козырёк глубоко на глаза. Я внимательно присмотрелся к командиру и мне, каким-то внутренним чутьём показалось, что он был слегка подшофе. Фуражка съехала вправо, а слева, из-под неё выбился непокорный вихрь седых волос. Юра Тищенко строевым шагом подошел к командиру для доклада и я, глядя на них, буквально прыснул от смеха. Юра был точной копией командира — такая же фуражка набок и такие же непокорные вихри, только ещё пока не седые, выбивались

Ким Барсберг: «Пуймурзеп»

из-под фуражки. Два Винни Пуха, большой и маленький смотрели друг на друга, пытаясь сосредоточиться и понять реальность происходящего. Большой «винни-пух» внимательно слушал маленького «винни-пуха», который громко рапортовал о проделанной работе.

— Товарищ полковник, на вверенном мне объекте происходит монтаж плит дорожного покрытия по графику производства работ. Монтажные работы выполняю я под руководством заместителя начальника ПТО капитана Смирнова. Начальник участка капитан Тищенко.

Жутин пожал руку начальнику участка и, посмотрев в мою сторону, сказал:

— А ты, Смирнов, что «стоишь тут из угла в угол и молчишь, как рыба об лед»? Иди, докладывай, как у тебя «работа движется». Я смотрю, вы здесь совсем расслабились — две плиты положили и уже рапортуете, что ведутся работы по графику. Мне нужно, чтобы к утру весь этот участок дороги был уложен панелями, не выполните, приму меры. Проворнее надо работать, проворнее.

— Товарищ полковник, — я сделал шаг вперёд, — у нас по графику на эти работы отведены три дня, мы так и планировали за три дня закончить, тем более, что кроме монтажа плит, мы ещё выполняем подсыпку песком по профилю дороги.

— Смирнов, меня не интересуют твои графики. Я сказал к утру закончить эту физкультуру с плитами, значит к утру. А почему, я тебе сообщу — утром ты готовишься в командировку в Москву. Берёшь в отделе всю свою документацию по заказам и заявкам на оборудование для дизельной электростанции и вечером выезжаешь. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, товарищ полковник, утром буду в отделе.

— Ещё, там телеграмма пришла из Москвы на твое имя. Жена пишет, что находится с сыном в Москве и должна скоро выехать в Будапешт — просила встретить.

— Чья жена? — Переспросил я, не сразу поняв, о чём говорит командир.

— Сева, ты что, совсем одичал? Я же тебе русским языком говорю — твоя жена с сыном.

— Товарищ полковник, тогда как это получается? Я в Москву, она из Москвы в Будапешт?

— Она ещё не выехала, а у тебя будет стимул быстрее закончить все свои дела и самолетом вернуться обратно.

— Юрий Константинович, тогда мне нужны деньги завтра срочно с утра.

— Удивительное дело, и мне нужны деньги, и самое интересное, срочно, и тоже завтра с утра, и Тищенко, наверное, нужны деньги и, скорее всего, тоже срочно и тоже завтра с утра.

— Товарищ полковник, вы меня не поняли, мне нужно купить презент для москвичей, чтобы быстро организовать доставку и погрузку оборудования в самолет.

— А! Так это другое дело, с этого бы и начинал. Подойдешь утром ко мне, и я отдам распоряжение бухгалтеру насчет денег. Возьмешь мою машину и проскочишь по магазинам. Это ты правильно подумал. Там, мать его, уже привыкли, если командировочные приехали из-за границы, то пока презент не получают, даже пальцем не шевельнуть.

Утро не заставило себя долго ждать и уже к пяти часам, под мощными прожекторами, бойцы с участка капитана Тищенко, сонно передвигаясь по ограниченному пространству дорожного полотна, завершили монтаж плит на отсыпанный песком профиль дороги. Задача, поставленная командиром, была выполнена.

— Да, Сева, приятно ощущать в себе некий эмоциональный подъём после выполненной работы? — от усталости глаза у Юрия блестели, зрачки расширились как у наркомана,

— Точно, Юра, «кончил дело — гуляй смело», идем на КПП, надо доложить дежурному по УНРУ о том, что работа выполнена, и я выдвигаюсь в Будапешт. Мне в командировку еще готовиться.

— Сейчас пойдем, одну минуту, — Тищенко подошёл к бригаде монтажников и распорядился, чтобы они собрали свой шанцевый инструмент и строем выдвинулись в расположение части.

— Как поработали, товарищи бойцы?

— Отлично, товарищ капитан, каждую бы ночь так.

— Это лучше, чем в казарме дрыхнуть?

— Конечно лучше, на свежем воздухе...

— Ага, на свежем воздухе, кого-то можно и за пивком послать?

Бойцы громко рассмеялись.

— Товарищ капитан, вы же всё время были рядом с нами, как мы могли кого-то незаметно для вас отправить в корчму?

— Я не знаю, товарищи бойцы, как вы это провернули, может быть, у вас есть подменное чучело с лопатой?

— А как вы догадались, товарищ капитан?

— Догадаться не трудно, я, что, курсантом не был? Если после отбоя мы уходили в самоволку, то вместо себя на кровати оставляли «куклу», свернутую шинель под одеялом, чтоб не травмировать нежную душу нашего ротного офицера.

— Спасибо, товарищ капитан за науку...

— Но-но, я вам покажу науку. Направо, в распоряжение части шагом марш.

Бригада монтажников с ломami и лопатами на плечах устало промаршировала мимо своего начальника участка в казарму, шагая по плитам только-что смонтированной дороги.

— Юра, — я крикнул вслед уходящей колонне начальнику участка в Секешфехерваре капитану Тищенко, — я на панелевозе в Будапешт, в автобат, позвони дежурному в УНР.

— Хорошо, давай, Сева, удачи...

КамАЗ-длиномер, петляя по узким улочкам Секешфехервара, степенно выполз на автобан. Автобан в Венгрии, это настоящее чудо и наслаждение для любого водителя: прямая как стрела, идеально ровная, со съездами к заправкам и местам отдыха, многополосная шоссейная дорога, автострада, без пересечений и перекрёстков — все условия для скоростного движения легковых автомобилей. На подъемах, отдельная полоса для большегрузов. Две полосы движения в одну сторону и через разделительную полосу из зелёного барьера с металлическим отбойником, две полосы в другую. Мы упорно движемся по крайней правой полосе, проезжая под многочисленными дорожными строениями — путепроводами. По левой полосе, наш панелевоз, со скоростью больше ста километров в час обгоняют юркие скоростные автомобильчики. До самого горизонта поля, поля, поля, и только, кое-где местами, небольшими группами возвышаются пирамиды тополей. Если исключить из панорамы созерцания отменную скоростную дорогу, то можно было подумать, что мы едем по Приморской

дальневосточной трассе — так схожи были пейзажи. Они то и навевали давно забытые ностальгические воспоминания:

— Сколько же прошло времени после того как я, попрощавшись с женой и сыном, уехал служить в Венгрию? По-моему, это было так, может быть немного по-другому — трудно вспомнить в деталях, время стирает поступки и родные лица.

Я вспомнил тот прощальный разговор с Дианой в парке госпиталя, когда пришел к ней на работу с сообщением, что меня переводят служить в Венгрию. Она стояла такая печальная и задумчивая, прятала руки в карманы белого медицинского халата и с какой-то затаенной грустью смотрела мне прямо в глаза и молчала.

— Так ты поедешь со мной, — я с надеждой посмотрел на неё, — мы же всё-таки одна семья?

Я очень надеялся на положительный ответ.

— Диана, что ты молчишь? Ответь мне, пожалуйста, — пауза затянулась, по внешнему виду было заметно, что она с трудом принимала окончательное решение ехать ей или нет.

— Куда Сева ехать, в неизвестность? Здесь квартира, работа, а там что? Только получили жилье, только всё у нас началось налаживаться и снова куда-то ехать?

— Да, Диана, ехать, у меня служба такая и мы, всё же, одна семья.

— Наверное, Сева, уже нет семьи.

— Что, у тебя кто-то появился?

— Нет.

— Так в чём же дело?

— Я не могу всё бросить и уехать. Только получили квартиру и что, опять сдавать ее в КЭЧ? Нет, я не поеду, езжай, раз у тебя такая служба, а я с сыном останусь здесь.

— Но ты понимаешь, Диана, что вот сейчас в данный момент, решается, быть или не быть нам вместе, решается судьба нашей семьи и нашего будущего.

— Да, я отчётливо это понимаю, поэтому и говорю тебе: «Нет, я не поеду».

Ким Барссерг: «Луймурсэл»

— А дальше что?

— А ничего, живи своей жизнью, а я буду жить своей.

— Да ты пойми, что моя командировка рассчитана на пять лет, пять лет в разлуке как это можно пережить?

— Сначала, Сева, будет больно, а потом у каждого начнется своя жизнь. Лучше сразу вот так, зачем нужны эти призрачные надежды. Ладно, Сева, давай, пока — мне надо работать.

— Что, прямо вот так и расстаёмся, даже не попрощаемся?

— А зачем ковырять рану? Вот, наверное, как-то так...

— Я через год приеду в отпуск в Союз и что, я захочу увидеть сына?

— Приедешь, заходи. Я не запрещаю, до свидания.

Диана повернулась и пошла в свое отделение, а я так и остался стоять в госпитальном парке, где после обеденного сна, в больничных халатах прогуливались больные с родственниками, приехавшими их навестить.

— Вот и всё, почему же так больно, так непоправимо больно на душе, а жизнь идет, щебечет пёстророкрылой осенней листвою в лучах заходящего солнца, и изменить ничего уже нельзя — каждый сделал свой выбор. Удивительно, она уже в Москве и прислала телеграмму, чтоб я ее встретил, и это после трёх лет разлуки. Надо будет Ефима предупредить, чтоб подстраховал меня на тот случай, если я задержусь.

В думах-раздумьях незаметно, купаясь в лучах восходящего солнца, наш железный «татарский конь» прогарцевал по сонным улицам Будапешта.

Вечером у меня состоялся разговор с майором Ивановым:

— Сева, ты меня послушай внимательно, в центральном разведывательном управлении США давно уже следят за «Мишкой-говоруном» и, конечно, за его окружением. У нас есть перехват донесения американского нелегала из Москвы в Вашингтон, в котором говорится, что правление «Горби» через год подойдёт к концу и реальная власть сосредоточится в руках сильных функционеров в союзных республиках. Возможно, КГБ будет готовить отстранение «Майкла-меченого» от власти в ближайшее время. И, как сторонники жестких мер, возьмут верх над слабыми управленцами Советского Союза, организуя что-то вроде национального комитета спасения, поэтому, как говорится в этом донесении, США должна максимально помочь демократам, чтобы смена власти была для них безболезненна. Вот видишь, американские разведчики считают

Ким Барсберг: «Пуймурсл»

переворот у нас в ближайшее время неминуемым, просчитывают варианты. Поэтому единственное, я думаю, чтобы сохранить СССР, нужно сместить «Горби» и сохранить империю, а авторитарный строй должен любыми жесткими средствами подавить оппозицию и обратить вспять вновь приобретенные свободы демократической анархии. Вполне возможно, придется выводить танки на Красную площадь, как это сделал Китай на площади Тяньаньмэнь в этом году.

— Иван Иванович, а вот этот, я не знаю, как там его, национальный комитет спасения сможет получить от Запада деньги и гарантии?

— От какого Сева Запада?

— Ну, мы же выводим войска.

— Надо конечно получить, раз уж мы выводим войска из Венгрии, а в недалеком будущем и из Германии — они-то оставляют свои войска на местах. Всё это можно было бы обставить очень красивыми и выгодными клятвами, гарантиями, подписать серьёзные договора. Ты понимаешь, Сева, мы до сих пор наивно думаем, что сила сейчас у нас, и что у всей страны такой огромный запас, я имею в виду наивные ожидания. Мы думаем, что нас все любят во всём мире, и наступит мир и справедливость.

— Да, Иван Иванович, благие глупости...

— Понимаешь Сева, мы не китайцы. Ведь, если разобраться по сути, то в Китае огромное количество нищего населения, вот, я тебе говорю, что знаю: китаец за чашку риса готов работать. А у нас в СССР народ другой, побогаче, и попробуй его загнать в китайские рамки потогонного механизма? Не получится, поэтому китайский путь нам не подходит, а скорее всего, нам подойдёт венгерский или турецкий путь, то есть ввести своеобразную либерализацию в экономике — частную собственность. Но при этом сохранить нерушимость границ СССР, это реально. Может быть, допускаю, что Прибалтика отделится, но конфедеративно она будет связана с Советским Союзом, как Финляндия. И, это не самый худший вариант. Нам Сева, нужна спокойная страна, без войн на собственной территории и без массовых миграций населения.

— Понимаю. Так, какое задание вы хотели мне поручить в Москве, товарищ майор?

— Сева, ты не будешь отрицать, что встречаешься с гражданином Венгрии по каким-то своим личным делам, мы даже установили его фамилию?

— А, вы следите за мной?

— Да упаси бог, Сева, следим... так, поглядываем.

— Понятно. И за многими вы так приглядываете?

— За многими Сева, практически за всеми. Ладно, мы отклонились от темы.

— Подождите, Иван Иванович, вы сказали, что знаете фамилию человека, с которым у меня здесь на территории Венгрии пересекаются интересы?

— Конечно, знаем, это Бела Васс.

— Но, я надеюсь, вы его не будете компрометировать — он всё-таки дипломат и занимает довольно-таки высокий пост в международном инвестиционном банке.

— Сева, конечно нет. Зачем компрометировать нужного человека? Мы знаем, где он работает и нам необходим доверительный контакт с этим человеком.

— Нам, это кому?

— Нам, это нам, Сева — патриотам и...

— Продолжайте, Иван Иванович.

— Продолжаю. Международный инвестиционный банк распределяет валютные кредиты между странами участниками, членами экономической кооперации и он осуществляет кредитование через ведущие национальные финансовые институты с государственным участием. Поэтому, моему руководству нужна возможность документально определить перспективы международного инвестиционного банка, его активы и как-то повлиять на его кредитную политику, потому, что в связи с выводом войск из стран Варшавского договора, для обустройства наших войск на территории Союза, необходимы будут деньги. А все обещания НАТО — это голый фарс. Они хотят, чтобы мы ушли из Европы все, сразу, и причём даром. Ты пойми, мы отдаем свои базы на территории стран Варшавского договора просто так, бесплатно. Можно было бы обеспечить себе поддержку деньгами и гарантиями, что НАТО не пойдёт на восток. Хотя, им верить нельзя — пообещают и обманут.

— Да, мы и сами обманываться рады, то есть, Иван Иванович, вы хотите, чтобы я, простой военный из стройбата, помог вам осуществить контроль над международным инвестиционным банком? Это же просто смешно.

Ким Барсберг: *«Пуймурзеп»*

— Ты знаешь, может быть со стороны это и смешно, но я почему-то уверен, что твои личные контакты с Белой будут нам крайне полезны. А там, я так понимаю, ещё и любовь завязана в отношениях? У него же красавица дочка на выданье.

— Вот вы, Иван Иванович, говорите, что ваш национальный комитет по спасению защитит наши социалистические ценности и в то же время допустит вольтерьянство по венгерскому сценарию, предоставив народу частную собственность. А ведь наш народ не готов к этому. Свобода, она не гарантирует счастья.

— Почему ты так считаешь, Сева? Тебе разве плохо служится в Венгрии?

— Я, товарищ майор, представитель молодого поколения, которое быстрее адаптируются ко всему новому. Но, в то же время, когда я впервые прибыл в Будапешт, да не только я, многие мои товарищи, прогуливаясь по центральным улицам, как дикари припадали к витринам супермаркетов, рассматривая всевозможные товары капиталистического мира, про которые мы в Союзе даже и не слышали. Все эти огромные телевизоры, видеомагнитофоны, модная одежда — джинсы, кроссовки, их у нас никогда не было, и было просто смешно смотреть, как взрослые люди часами стояли возле витрин с товаром и рассматривали его, как туземцы, которые впервые увидели стеклянные бусы. Да ладно мы, а взять то поколение, которое родилось в годы войны, у них за всё это время сформировались совсем другие ценности. Их самая главная ценность — семья. Они эти побрякушки, всю мишуру капиталистического мира отрицали всей своей сущностью. Я даже помню тот случай, когда мы с отцом пошли в супермаркет «Sugar», он просто физически не смог переступить через себя и войти в этот роскошный магазин. Вся жизнь им прожита по совсем другим канонам, в другом мире. Единственное, что он мне сказал: «Сева, ты купи там всё, что нужно, а я здесь постою». Его сознание отказывалось воспринимать то изобилие, которое было разложено на прилавках этого торжища, для него видеть это, было таким огромным потрясением, что он даже закрыл глаза. Затем, сам себе задал вопрос, причём вслух: «за что мы тогда воевали?», поэтому, Иван Иванович, вся ваша либерализация очень больно ударит по основному поколению людей проживающих в Советском Союзе и начнется неминуемое расслоение народа.

— Я тебя не понимаю Сева, про какую дистанцию в мировоззрении ты говоришь?

— А про такую. Люди, прожившие по принципам, нет, даже не по принципам, а по моральному кодексу строителей коммунизма, войдут

в противостояние с торгашами, у которых, основная цель в жизни, это только нажива и ничего более.

— Сева, ты всё утрируешь, постепенное вхождение страны в рыночные отношения, может, будет для кого-то и болезненным, может быть кто-то и упадет в ступор, но это поступательное движение общества, исключающее шокотерапию.

— Иван Иванович, дело в том, что Венгрия — она не такая многонациональная страна как Советский Союз и живут они практически как одна семья, а наша страна, состоящая из различных национальных республик, начнет распадаться. Каждая нация захочет для себя более лучшее благосостояние, обособленность. Рынок предполагает конкуренцию, поэтому введение частной собственности в нашем социалистическом государстве это предпосылка для распада Союза и возникновения гражданских войн.

— Сева, я не хочу с тобой вступать в дискуссию на эту тему, потому, что так можно договориться до чего угодно. Я просто тебя прошу — выполни моё поручение. Поедешь в Москву, встреться с Белой и попробуй убедить его в том, что я тебе говорю.

— А я разве отказываюсь? Встречусь, поговорю, если конечно у меня будет время для встречи.

— А ты постарайся Сева, изыщи время, предварительно встреться с Энико, может ей надо что-то передать папе в Москве? Да, и на обратном пути, когда загрузишь свое оборудование в самолет, возьми попутно на борт военный груз.

— Что за груз?

— Дипломатическая почта, — ответил Иванов и как-то странно, исподлобья, глянул на меня.

— Хорошо, загрузим, Иван Иванович, главное, чтобы таможенные документы были в порядке.

Я, почему-то, реально понял, что когда буду в Москве, кроме своего основного задания — получение и доставки самолетом ДЭС для бункера управления ЮГВ, выполню и поручение майора Иванова, тем более, отчетливо рассмотрел его беспощадно-жесткий взгляд, когда он невзначай вспомнил об Энико.

В 1987 году в Союзе началось создание совместных предприятий. Конечно, они задумывались с благой целью, чтобы привлечь иностранные инвестиции, но, в действительности, только пятая часть этих предприятий

Ким Барсберг: «Лиймурселл»

осуществляли хозяйственную деятельность. Партия стала самым первым бизнесменом в СССР, задействовав абсолютно все площадки для предпринимательства, не имея никаких конкурентов в бизнесе. Золото партии не прятали в тайных подвалах зарубежных банков — пустили в оборот. Главный источник золотого запаса партии аккумулировался в советском Фонде защиты мира. Сюда отчислялись доходы церкви, однодневная зарплата рядовых граждан, взносы организаций и предприятий. Фонд мира был абсолютно закрытой структурой и не публиковал никакой финансовой отчётности — вот где было зарыто «золото партии». Партия была надгосударственной структурой и, поэтому, партийная и государственная собственность зачастую были неразличимы, соответственно в 1990 году к вопросу о розыске партийной кассы началось достаточно серьезное отношение в обществе и в средствах массовой информации. Вопрос, где «золото партии» — это было гораздо больше, чем просто журналистская сенсация, в условиях коллапса советской экономики, возникла очень насущная потребность в партийных сокровищах. И поползли слухи, что «золото партии» было тайно вывезено самолётами за границу, а курировали эти процессы высокие партийные чины и КГБ. Да, конечно, миллиарды денег были выведены за границу, но в советских зарубежных банках они не появились: не в Париже, не в Цюрихе, не в Лондоне и Сингапуре, потому, что при поиске денег эти банки, принадлежащие за границей СССР, стали бы проверять в первую очередь. СССР имел большую денежную сеть за границей для финансирования негласных операций как легальную, так и нелегальную, и все эти операции находились в ведении спецслужб и только курьеры и доверенные лица Коминтерна возили деньги и драгоценности чемоданами и самолетами дипломатической почтой через кордон.

Фим вызвался меня провожать. Одному мне точно было не управиться — с собой я вёз два чемодана, заполненных до отказа презентами для Москвы из супермаркетов Будапешта. И вот, мы наконец-то добрались до вокзала Келети, на автобусе, прямым рейсом без пересадки. Старый вокзал Келети был настолько эпохален и необъятен, что его трудно описать словами, как изнутри, так и снаружи. Единственное что радовало, так это два зенитных фонаря в верхней части покрытия перрона. Через них, естественном природой, фрагментами голубого неба и солнечным светом восхищались отъезжающие. Проходили фонари слева и справа от конька вдоль всей крыши перрона, выставив напоказ привокзальному люду всю глубину и прозрачность небесного лазурита от торцевой витражной стены до въезда-выезда из-под крытого вокзала. Поперек перрона, высоко, под крышей, находилось огромное информационное табло. Вокзальное сооружение, в целом, было весьма почтенной постройки, насыщенной многочисленными проёмами и окнами. Как в несущих, так и в ограждающих

стенах, окна непременно заканчивались сводчатой конструкцией в виде арок, декорированных античными статуями. Все проемы стен вокзала являлись воплощением стоечно-балочной системы, состоящей из вертикальных колонн и горизонтальных антаблементов. Стилевое единство завершал единый карниз по верху, соединивший всю опорную систему балок зрительно в единое целое. Здание вокзала было построено в стиле неоренессанса в 1881—1884 годах. Фасад украшали скульптурные изображения изобретателей Джеймса Уатта и Джорджа Стефенсона, и, в прошлом столетии вокзал считался одним из самых современных в Центральной Европе, так как был оснащён электрическим освещением.

Пройдя через огромную арочную дверь, я и Фим попали в коридор железнодорожных касс, затем, прошли в зал ожидания, который так же был исторически красив и наполнен старинными разносюжетными картинами. Чтобы выйти на перрон, нам необходимо было пройти ещё через другой коридор, соединяющий кассы с самим перроном. И, только тогда мы очутились в этом огромном зале, куда прибывали поезда с восточной стороны вокзала, упираясь локомотивом в площадку перед западной торцевой стеной, представляющей собой огромный витраж с двойной аркой. Железнодорожный состав «Будапешт-Москва» уже стоял на перроне с открытыми дверьми тамбура. Брат помог мне занести чемоданы в вагон, мы отыскали свое купе и расположились в нём. Я ехал один — купе мое было абсолютно пустое. Место у меня было нижнее, и я уложил свои чемоданы в багажный отсек под полкой своего спального места.

— Ну, что, Сева, присядем на дорожку?

— Давай присядем. Что-то я без настроения еду.

— Переживаешь?

— Да, еще бы не переживать?! В кои века жена с сыном приезжает в Будапешт, а я в Москву еду, карма какая-то.

— Сева, ты не беспокойся. Я их встречу, поживут, дождутся тебя. Ты же ненадолго?

— Надеюсь, постараюсь быстрее управиться со всеми делами в этой командировке. Да, вот еще, Фим. Держи пару тысяч форинтов — встретишь моих, покажи им Будапешт, сходите в будапештский Диснейленд, ну, так, чтобы запомнилось.

— Видишь она, какая служба.

— Понятно, служба есть служба. Командир не мог никого другого отправить. Я как раз занимался всеми этими заказами на заводах, и ездил

Ким Барссерг: «Луймурсэл»

туда, в отдел комплектации, всех там знаю и они меня тоже. Так что, и послать в командировку некого было. Фу, ладно, всё, давай прощаться. Езжай домой, покорми Кутю.

— Не переживай, они приедут, скорее всего завтра. Ну, а ты, я надеюсь, дня через три вернешься, тем более, оттуда самолетом. Максимум через четыре, с учетом дороги.

— Ладно, Фим давай, пока.

— Брат, не переживай, всё будет хорошо.

— Держи «краба», Фим, до встречи...

Ровно через два дня, как и планировалось, мы подъехали со всем нашим оборудованием на взлетную площадку аэродрома Чкаловский, где на бетонных плитах раскинул крылья гигант транспортных перевозок, тяжелый советский турбовинтовой самолет АН-22А. Этот широкофюзеляжный самолет был на сегодняшний день самым большим в мире турбовинтовым самолетом. Внешне он напоминал огромный баклажан, слева и справа которого, на крыльях расположились попарно силовые установки из четырёх турбовинтовых двигателей с воздушными винтами и воздушными стартерами. Мощность каждого двигателя на взлетном режиме достигала пятнадцать тысяч лошадиных сил.

Вместе с оборудованием дизельэлектростанции, в самолет были загружены зеленые военные опломбированные оружейные ящики. Привезенные на КамАЗе неизвестными военными в офицерской форме, ящики были подняты в грузовой отсек самолета и скреплены между собой веревочной сетью. И, когда я спросил у них: «что это?», мне ответили, как бы в шутку: «не бойся капитан, это не золото!»

Пилот запустил первый слева двигатель турбины, на которой находилось два крестообразных винта — один раскручивался по часовой стрелке, другой против неё. Под винтом стоял военный в летной форме, внимательно следивший за запуском турбин. После того, как первая турбина раскрутила лопасти до нужной скорости вращения, включилось вторая турбина, расположенная возле фюзеляжа самолета. И так, по очереди, слева направо начали раскручиваться остальные двигатели турбин. После третьей турбины, включилась четвертая, последняя турбина самолета и пилот запросил разрешения на старт...

...Не знал я тогда, что увижу вновь брата Ефима только через тридцать лет:

— Что ты молчишь, Сева?

— Задумался... Что ты говорил?

— Я сказал, если ты этого желаешь, то можешь остаться здесь, я тебе помогу. Посмотри мне в глаза, ты согласен?

— Я не знаю.

— Ты согласен?

— Я же по-нанайски говорить не могу.

— Не смей меня, Сева! Ты согласен?

— Да, Фим.

— Ну, вот и всё, всё-всё хорошо! Пошли пить «Бода» — *нанайский чай*, отвар из злаков и кетовой икры. Нет лучше средства при отравлениях, похмелья, ну, и, жизненных невзгод.

Чернова Екатерина

Аллея синих дубов

Подумать только, целых двадцать лет не бывал я в родном городе. Только сейчас, когда громадные небоскребы за окном автобуса сменились густыми деревьями, в моей голове всплыли воспоминания о детстве и юности, проведенных там.

Город в то время был совсем новым, имел плохо освоенную территорию. Большую часть составляли рощи и парки, ставшие главной гордостью городишки. Но самой знаменитой достопримечательностью всегда была аллея синих дубов. Осенними вечерами влюбленные парочки часто заглядывали туда, сновали между деревьями и хихикали, бросая друг на друга задумчивые взгляды.

Несмотря на название аллеи, ничего синего там не было. Люди и сами не знали, почему она так называется. Возможно, никто попросту не задавался этим вопросом. Но мне, почему-то, стало интересно. Я смог раскрыть тайну аллеи, на которой росли эти величественные деревья. В детстве они всегда казались мне необъятно огромными и такими старыми, что ещё неуклюжие мамонты оставляли на их стволах отметины своими бивнями. Конечно, когда я вырос, дубы стали заметно моложе и ниже. Но аллея по-прежнему была моим любимым местом уединения, в котором я сидел часами. Я мог бродить там ночь напролет, вдыхая свежий запах окружающей природы и наслаждаясь одиночеством.

На этих мыслях я прикрыл глаза и вздохнул. Туда я первый раз привел свою школьную любовь. Он не отличался особой сообразительностью, но имел какое-то природное обаяние, заставляющее всех девушек млеть от его взгляда. И, видимо, не только девушек. Мы давно учились в одном классе, но свою дрожь, когда он находился рядом, я заметил только с возрастом. Всегда, когда я видел его, окруженного десятком девушек, я чувствовал себя подавленно. Я спешил уединиться на аллее, сидя на мягкой траве под одним из дубов. Я доставал из рюкзака толстую клетчатую тетрадь на спирали и переводил все свои эмоции в стихи. Хотя вечером аллея и была полна людей, но днем и ночью, я был абсолютно в этом уверен, я был там один.

А началось все именно с того момента, когда я оказался в паре со своим предметом воздыхания, чтобы вместе сделать некий проект. Сначала я был очень счастлив, ведь такой жребий мог радикально изменить наши с ним отношения. Обычно мы даже не здоровались, а тут — целый совместный проект. Но позже я понял, что надежды мои были пусты и напрасны. Мой напарник хотел поскорее закончить проект и всюду ходил за мной, если не гулял со своими друзьями (что он и делал большую часть времени). Точнее, он

Чернова Екатерина: *«Аллея синих дубов»*

хотел, чтобы я занялся проектом, а он просто иногда ходил за мной, делая вид, что помогает. Так и случилось в тот день.

Он шел за мной, опустив голову и засунув руки в карманы джинсов. Еще днем он собирался пойти вместе со своей компанией куда-то, но теперь следовал за мной. Даже популярных людей иногда оставляют их круги. Так было и сейчас. Я смутно понимал это, но явно не мой спутник. Он делал вид, что все находится под полнейшим его контролем, что по любому щелчку пальцев его команда прибежит к нему и унесет веселиться. Конечно, все было наоборот. Но как хочется нам порой не думать о том, что наши друзья нас бросили. В общем, на этот раз он решил остаться со мной вечером, чтобы наблюдать, как я буду заниматься проектом. «Тоже мне, контролер, » — думал я, невольно морща нос от досады. Решив сделать вид, будто я один, я пошел к аллее.

— Ну и куда мы идем? — подал голос мой спутник.

— На аллею синих дубов, — хмыкнул я, не оборачиваясь к нему.

— Куда-куда? — он ускорил шаг и поравнялся со мной. — Мы что, будем сидеть в рощице? Солнце скоро сядет, я думал, мы пойдем к тебе домой...

— А ты боишься темноты? — рявкнул я, перебив его. Он нахмурился, но промолчал.

Приблизившись к аллее, я ускорил шаг. Мы молча проследовали к одному из деревьев. Я сел на траву и посмотрел на моего спутника снизу вверх. Его взгляд был направлен куда-то в сторону, и я стал его разглядывать. Я задумался о том, что он довольно симпатичен, и, скорее всего, покраснел, так как он как-то странно посмотрел на меня. Я поспешно отвел взгляд, те мысли снова полезли мне в голову. Я чувствовал себя великолепно, потому что он был со мной. Но это было в той же степени отвратительно, ведь теперь он находился здесь, в моем тайном храме. Кто знал, чем это обернется? Мои размышления прервал его голос.

— Почему вообще «аллея синих дубов»? — сказал он, прислонившись к стволу дерева, у которого я сидел. Он смотрел вверх, на резную листву, сияющую в последних лучах заходящего солнца. Я не ответил. Только открыл папку, в которой лежали исписанные бумажные листы. Это и был тот самый проект. Но мой спутник продолжил говорить.

— И нет ничего особенного, они ведь даже не синие, — пробурчал он, скребя пальцами твердую кору дерева.

— Подожди, — я покачал головой. — Присмотрись, и ты обязательно увидишь чудо.

— Я вижу кучу деревьев, — он повертел головой. — Кучу листьев и кучу травы. А, ещё на этой траве сидит ботаник.

Я фыркнул. Мне внезапно снова захотелось, чтобы он провалился сквозь землю. Исчез и больше никогда не появлялся.

— Кто-то не видит красоты природы, — буркнул я.

— Да брось, ты что, обиделся? — он сел по другую сторону ствола дерева от меня. На секунду мне даже показалось, что он испугался, что обидел меня. «Конечно, — сказал я себе. — А то кто же напишет за него проект?»

Я поставил локоть на ручку автобусного кресла и подпер рукой голову. Это была действительно плохая идея. От тряски я почувствовал подступающую тошноту и поспешил занять себя чем-нибудь. Возможно, для людей, проезжающих красочные пейзажи, разглядывание их в окно не является развлечением, но только не для меня. Деревья сменились позолоченными полями, в которых виднелись фиолетовые цветы вереска. Небо было ярко-голубым, у горизонта собрались белые обрывистые облака.

— Ты что-то говорил про чудо? — вдруг сказал он. Сначала я, увлекшись пролистыванием страниц в папке, не понял его, но затем ответил. Тем голосом, который появляется от трепета перед чем-то великим и недостижимым. Голосом, которым говорят о богах, который возвышает и выражает благоговение.

— Когда солнце сядет, мы окажемся там.

— Где? — он выглянул из-за ствола и посмотрел на меня.

— Там, где мы есть. Тогда ты увидишь все сам, — я поспешил вернуться к папке, поняв, что сказал глупость. По-крайней мере, тогда я считал именно так.

Конечно, я не собирался заниматься проектом тогда, в темноте. Еще днем я решил провести ночь на аллее синих дубов. Или хотя бы вечер. Я никак не ожидал, что мой напарник увяжется за мной. Поэтому пришлось делать вид, что я пишу что-то, пока солнце проваливалось за горизонт. Когда же исчезла последняя яркая полоса в небе, на землю опустилась ночь. Луна и звезды ярко засияли, будто их не было тут раньше, и они только ждали, пока солнце исчезнет. Я поднял голову вверх, чтобы не пропустить то, что ранее назвал «чудом». Моего спутника это явление привело в изумление, что

Чернова Екатерина: «Аллея синих дубов»

доставило мне некоторое удовольствие, и я слегка улыбнулся, услышав его вздох. Между резными листьями дубов были видны обрывки звездного неба, а сами листья переливались синеватым светом. Ветер легко шелестел в этих посиневших кронах, свет звезд и луны лился сквозь листья, будто мы сидели на поляне, где не было ни единого дерева.

— Никогда раньше не видел этого, — сказал мой партнер, придя в себя. — Откуда ты столько знаешь об этом месте?

— Я провел тут много времени, — ответил я, помедлив. — Тут уж невольно начнешь замечать чудеса, которые творит окружающий мир.

Мы еще долго сидели там. Сидели и молчали. Мы оба знали, что завтра все встанет на свои места, будто этого момента и не было. Что скоро мы сдадим проект и забудем друг о друге. Но во мне до сих пор живут эти воспоминания. Как прекрасно было сидеть на аллее, наслаждаясь красотой мира, не думать ни о чем и жить моментом...

Тем временем автобус остановился. Я даже не заметил, как поля снова сменились высокими домами. Выйдя из автобуса, я глубоко вдохнул. Воспоминания об аллее заставили меня сильно захотеть снова оказаться в этом чудесном месте, и я побежал вдоль дороги, словно мальчишка. Я перестал чувствовать тяжесть сумок, которые нес, и почти летел. Я прекрасно знал, что нет никакой аллеи. Что дубы уничтожили, словно их никогда и не было. Теперь, возможно, там стоит торговый центр или, может, длинная улица высоких домов. Но я ни на секунду не остановился. Пусть аллеи нет больше, но мои воспоминания все еще при мне. Я чувствовал, что солнце вот-вот сядет, и начнется то самое чудо, которого ждет каждый из нас. Чудо, которое принесла мне аллея синих дубов.

Ольга Зоммер

ПОЖИРАТЕЛИ

- Где ты находишься?

- Посреди хаоса и громкого шума.- Сказал человек тихим, уставшим голосом.

- Смотри под ноги, тебя затягивает слишком быстро. Я не могу помочь, как бы ни желал этого. - Проговорило существо, которое приобретало непонятные очертания и тут же рассеивалось, словно дым.

- Наверно уже слишком поздно, звать на помощь, да и какой в этом смысл?

- Прошептала еле слышно особь мужского пола.

Непостижимая боль дала сильный толчок внутри живого тела.

- Странная боль, ни когда раньше не ощущал подобного. Не могу дать описание всем болевым ощущениям, их слишком много — думал про себя человек.

Это болела душа, которая устала биться о молчаливые стены раздумий и ожиданий, несбывшихся желаний и надежд.

- Зачем ты пришел сюда? Как попал к нам? - Спрашивало существо.

- Все произошло случайно, видимо меня сюда затянуло во время очередного переживания, когда чувства окутали мое сознание, и я полностью им подчинился.

- Люди, вы живете эмоциями, но не всегда можете взять их под свой контроль.

Ты устал и погибнешь тут окончательно, что ты ощущаешь?

Ноги по колено увязли в непонятной жиже, которая быстро распространялась вокруг, поглощая все, что попадалось ей на пути. Когда он перенесся сюда, то оказался возле небольшого темного пятнышка, которому он не придал особого значения, а больше был поглощен собой. Станным образом пятнышко увеличилось в размерах и вот он уже находился внутри него. Он сразу почувствовал себя ребенком, который встал в лужу и тут же ощутил дискомфорт.

- Не понимаю, это пятно поглощает меня и все вокруг, почему? - пронеслось у него в голове.

- Ты не догадываешься? Мы живем в иллюзиях, которые вы не воплотили в жизнь, в желаниях и прочего бреда, который вы не смогли реализовать.

Все то о чем вы мечтали или жаждали, любили имеет переломный момент в который ты и попал. Мы питаемся вашей болью, сожалением, слезами, ожиданиями.

Дрожь побежала по телу, человеку становилось труднее дышать.

- Смотри - странная субстанция указала на искорки, которые исходили от жижи и переливаясь поднимались в небо.

- Это твое сознание борется, разум не покинул тебя, ты можешь вспыхнуть и тогда спасешься, жидкая материя испариться, а ты вернешься в свою реальность.

- Я не уверен, что хочу уцелеть.- Удрученно произнес человек, отодвигая разум как можно дальше от границ сознания. Чувства настолько сильно поглотили его, что он не мог пошевелиться и стоял уже по пояс увязший.

- Странно, что я ни чего не ощущаю, кроме боли и сожаления. Я настолько разочаровался в людях, ожидая исполнения иллюзий. Я уничтожал себя, не замечая этого.

Глаза, наполненные глубокой тоской, как будто предсказывали, что сейчас пойдет нескончаемый дождь. Каждая капля которого – это слеза из его души.

- Ты как мог, держался за свои мечты и иллюзии. Они подобно облакам, появляются и, наслаждаясь ими, ты понимаешь, что они пройдут и возникнут другие, а не которые из них превратятся в тучи, и тогда проснется ужасное чувство ненависти.

- Зачем тебе себя убивать? Почему вам так сложно отпустить, то, что не дает покоя? Станные вы, живые — Казалось, это было произнесено с ухмылкой.

Человек стоял уже по пояс, поглощаемый какой-то непонятной жидкостью.

Ошибка не видеть очевидных вещей, неумение сделать правильные выводы, предположить ответы которые могут быть. Не готовность принять отрицательную информацию в свою сторону, поглощала его больше.

Глубокий вздох и вот, только голова осталась на поверхности.

- Спаси себя! Мне не выгодно, если ты погибнешь, снова придется искать новую жертву и питаться потихоньку от нее, а я так привык к тебе.

В человеке возникла жестокая борьба, столкновение Чувств против Разума.

Искр становилось все больше, внутренняя борьба разожгла настоящее пламя, желание ЖИТЬ возрастало.

ВЫЖИВАНИЕ — древний инстинкт как животных, так и людей. Боязнь смерти играет значительную роль в жизни.

Неожиданно все вспыхнуло ярким пламенем, теперь огонь пожирал все вокруг.

- Странно - Пронеслось в голове у человека.

Пламя не обжигало, а как будто ласкало и согревало, оно защищало его от жижи, в которой он увяз.

- Наконец, ты включил РАЗУМ! - С восторгом произнесло существо, обретая непонятную форму.

Все растворилось, тишина. В парке на лавочке сидит человек, по виду которого не возможно сказать весел он или грустен, находится во сне или на яву.

- Я живой — сказал громко уставший человек.

Невозможно было понять его состояние, толи он был рад, что снова подключил разум. Толи, сожалел, что не дал себя полностью поглотить чувствам.

Чувства неотделимая часть нас, но и им нельзя полностью отдаваться. Мы всего-навсего люди, а так хочется уйти с головой в мир желаний, иллюзий, но надо быть очень осторожным играя в эти сложные игры, когда не знаешь и половины правил. Риски, идя тропой чувств, если ты уверен в положительном результате на все сто процентов.

- А если я не знаю, какой будет результат? - Спросил человек, предполагая, что последует, скорее всего, ответ в котором будет содержаться информация о полном провале.

- Тогда ты попадешь туда, где существуют « ПОЖИРАТЕЛИ » всех отрицательных эмоций. Они поглотят тебя полностью, и ты исчезнешь из своего мира, станешь просто энергией, которая будет подпитывать их какое-то время, прежде чем совсем угаснет внутри тебя.

Понимание реальности вещей сокрушило все иллюзии и мечты. На лице была глубокая печаль, но в глазах все еще вспыхивало еле заметное пламя.

Человек не спеша встал с влажной скамьи, он не заметил, что находился под теплым летним дождем и медленным шагом направился к своему дому.

Он все еще ощущал.

Чувства не могу исчезнуть окончательно. Но теперь они уже подчинялись ему, и он был их властелином и хозяином. Осознание этого причиняло боль, но взгляд на вещи стал более ясным.

- Я ЖИВ и это главное.- Пронеслось в мыслях.

В голове уже возникали планы на будущее, дышать становилось легче и подходя к дому, на его лице была еле заметная улыбка.

Теперь, он верил, что Все будет хорошо!

Ограниченный мир

Когда приходит понимание того, что теряешь жизнь по крупицам, возникает ужасное ощущение страха, которое сопровождает тебя длительное время. Мысленный процесс начинает активную работу и вот результат – всевозможные картины на тему « Размышление ». Мы словно попадаем в художественную галерею и наслаждаемся удивительными картинами авторами которых являемся мы сами.

– Вот обрывки прошедшего, а так ли я начинал, а тут не хватает каких-то деталей.

– Вот то, о чем я так долго мечтал, к чему стремился, за что боролся.

– Интересно, а это, что? Не законченная работа и краски странно подобраны. Ясно – это реальность.

И вот нас окружают множество работ, которые сделаны разнообразными, яркими цветами. Видно, что жизнь была насыщена удивительными, иногда непредсказуемыми событиями.

Картины, которые стоят под белой вуалью, скрывают самые сладостные моменты жизни, на них запечатлены сладкие ночи, поцелуи, встречи, расставания.

Тут много коридоров и куда бы не свернул в глаза сразу попадает событие, которое несет в себе массу эмоций. Сразу приходят разные мысли про то, что было, или то, что упустил, к чему стремился, что еще не успел сделать, или то, что необходимо закончить.

Реальность изменилась, мир стал иным. Мы перевернули песочные часы, которые никогда не замечали на собственной полочке. Песок проскальзывал из одного прозрачного сосуда в другой намного быстрее, чем когда-то, когда каждая песчинка имела более длительный интервал, прежде чем падала в основной сосуд.

Открылся новый взгляд на вещи, переоценка всего и всех, переосмысление действительности в новом направлении. Раскрывается то, что было заперто, недоступно и все это ты вынужден пройти в одиночку, прочувствовать, находясь в собственной шкуре, и это невозможно избежать.

Стирая границы старого видения, все больше начинаешь вглядываться в глубину, ища смысл жизни. И уже нет оснований в оправдании прошлых шагов и не допускаешь мысли о неправильных действиях и их последствиях. Для каждого откроется своя реальность, каждый будет утопать в тех моментах, которые больше всего тревожат.

Ты просто резко проснулся, пробудился от длительного сна, и первый раз вступаешь на эту неизведанную, порой несправедливую, но настолько притягательную, прекрасную Землю. Многое закрыто или имеет свои ограничения, рамки, за которые не каждому дозволенно заглянуть, большинство просто не видят, а некоторые не задумываются об этом.

« ОГРАНИЧЕННЫЙ МИР »

« Всему свое время » – истина, которая постигается всю жизнь и даже ее бывает недостаточно, чтобы понять, что происходит с нами и вокруг нас. Мы, как дети, которые взрослеют, становятся старше и в какой-то момент раскрываем что-то новое для себя и пройдя один этап – попадаем на следующий. Мы впускаем в свою жизнь неизведанное, боимся, радуемся, смеемся, нервничаем. В нас есть все и даже то, что мы сами не знаем о себе и своих возможностях.

Существует множество преград, которые мешают получить доступ и не дают возможности открыть массивную, таинственную дверь в «Подлинный мир».

Множество раз нужно переродиться, чтобы иметь возможность хотя бы немного заглянуть в замочную скважину этого мира.

Кто-то согласится, кто-то нет — это вера и восприятие каждого. Многие сами строят и возводят стены вокруг себя и своего мира, куда не каждый может попасть. Имея многое, мы остаемся один на один со своей душой в тяжелые минуты жизни.

— Что же ты сделал?

Многое так и останется за кулисами жизни, будет спрятано от зрителей. Все, что касается тебя и именно твоей судьбы — особо ни кого не волнует. Только ты решаешь, как жить, как дальше продвигаться, с чего начинать новый этап или как закончить старый. Только ты можешь понять замыслы своих действий и решений, за которыми лежит только твоя ответственность.

Время — это самое ценное, что есть на свете. Оно дает многое и так же забирает все за секунды. Время — жесткий измеритель.

Контактная информация авторов

<i>Дмитриев Валентин «Валентин Дмитриев 2»</i>	zaur-mostovoi@yandex.ru
<i>Швецова Ольга «Ольга Зоммер»</i>	oshve81@mail.ru
<i>Тверитинов Алексей</i>	atveritinow@mail.ru
<i>Антонова Анна «Софья Сонецкая»</i>	ano4@mail.ru
<i>Людмила Конакова</i>	lateana@mail.ru
<i>Виниченко Мария «Mery Vin»</i>	vinichenko@bsu.edu.ru
<i>Андреанова Ольга</i>	shatta@mail.ru
<i>Калина Александр «Мыслитель»</i>	skalina7772@mail.ru
<i>Барсуков Сергей «Ким Барссерг»</i>	autocad.rus@bk.ru
<i>Пикус Светлана</i>	spikus@rambler.ru
<i>Чернова Екатерина</i>	lain1970@mail.ru

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 7

Все права на произведения принадлежат исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф